

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ФИЛОСОФИЯ**

2023 Том 27 № 1

Специальная тема номера:
ФИЛОСОФИЯ В.Э. СЕЗЕМАНА

DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-1
<http://journals.rudn.ru/philosophy>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61270 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Белов Владимир Николаевич,

РУДН, Москва, Россия

E-mail: belov-vn@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Степанянц Мариэтта

Тиграновна, ИФРАН, Москва,

Россия

E-mail: marietta@iph.ras.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ

СЕКРЕТАРЬ

Владимиров Павел

Анатолевич, РУДН, Москва,

Россия

E-mail: vladimirov-pa@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Автономова Наталия Сергеевна, ИФРАН, Москва, Россия

Альбертини Тамара, Гавайский университет, Гонолулу, США

Баева Людмила Владимировна, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

Билиморья Пурушоттама, Калифорнийский университет, Аспирантский богословский союз,

Беркли, США; Мельбурнский университет, Виктория, Австралия; РУДН, Москва, Россия

Визе Кристиан, Франкфуртский университет им. Гёте, Франкфурт, Германия

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, ИФРАН, Москва, Россия

Йонкус Далюс, Университет Витовта Великого, Каунас, Литва

Качераускас Томас, Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, Вильнюс, Литва

Кирабаев Нур Серикович, РУДН, Москва, Россия

Ли Чжицян, Сычуаньский университет, Чэнду, Китай

Лю Сэньлин, Шаньдунский университет, Цзинань, Китай

Лю Ядин, Сычуаньский университет, Чэнду, Китай

Поллок Бенджамин, Еврейский университет в Иерусалиме, Иерусалим, Израиль

Свидерский Эдвард, Фрибургский университет, Фрибург, Швейцария

Соболева Майя Евгеньевна, Филипс-университет Марбурга, Марбург, Германия

Стейла Даниэла, Туринский университет, Турин, Италия

Тлостанова Мадина Владимировна, Линчэпингский университет, Линчэпинг, Швеция

Цанк Михаэль, Бостонский университет, Бостон, США

Цык Владимир Анатольевич, РУДН, Москва, Россия

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ФИЛОСОФИЯ**

ISSN 2313-2302 (print), ISSN 2408-8900 (online)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Языки: русский, английский, немецкий.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Индексируется: РИНЦ, Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs, British Library, Bodleian Libraries (University of Oxford), Ghent University Library.

Цель и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия* — периодическое международное рецензируемое научное издание. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цель журнала — осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными специалистами в области философии, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных философских проблем и освещение научной деятельности профессионального научного сообщества.

На протяжении многих лет наше издание публикует статьи крупнейших российских и мировых ученых в области истории философии, онтологии, эпистемологии, социальной философии, этики и др. Кроме того, редакционная политика журнала предполагает активную поддержку молодых талантливых ученых из разных стран. Уникальный опыт и традиции философской школы РУДН находят свое отражение в приоритетном исследовательском направлении журнала — философской компаративистике. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Основные рубрики журнала: история восточной философии, история европейской философии, история отечественной философии, история современной философии, философия и наука, философия культуры, философия языка и литературы, математическая логика, биоэтика, профессиональная этика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/philosophy>

Электронный адрес: philosj@rudn.ru

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов: О.В. Чистякова
Компьютерная верстка: Н.А. Ясько
Помощник главного редактора: Д.А. Слепухина

Адрес редакции:
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: philosj@rudn.ru

Подписано в печать 15.02.2023. Выход в свет 28.03.2023. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 24. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2023

RUDN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2023 VOLUME 27 No. 1

Special Theme of the Issue:
PHILOSOPHY OF V. SESEMANN

<http://journals.rudn.ru/philosophy>
DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-1

Founded in 1997

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Belov
RUDN University, Moscow,
Russia
E-mail: belov-vn@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Marietta T. Stepanyants
Institute of Philosophy Russian
Academy of Sciences, Moscow,
Russia
E-mail: marietta@iph.ras.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Pavel A. Vladimirov
RUDN University,
Moscow, Russia
E-mail: vladimirov-pa@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Tamara Albertini, University of Hawaii, Honolulu, United States
Nataliya S. Avtonomova, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Lyudmila V. Baeva, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia
Purushottama Bilimoria, University of California and Graduate Theological Union, Berkeley, United States; University of Melbourne, Victoria, Australia; RUDN University, Moscow, Russia
Abdusalam A. Guseynov, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Dalius Jonkus, Vytautas Magnus University, Kaunas, Lithuania
Tomas Kačerauskas, Vilnius Gediminas Technical University, Vilnius, Lithuania
Nur S. Kirabaev, RUDN University, Moscow, Russia
Li Zhiqiang, Sichuan University, Chengdu, China
Liu Senlin, Shandong University, Jinan, China
Liu Yading, Sichuan University, Chengdu, China
Benjamin Pollock, Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel
Maja Soboleva, Philipps University of Marburg, Marburg, Germany
Daniela Steila, University of Turin, Turin, Italy
Edward Swiderski, University of Fribourg, Fribourg, Switzerland
Madina Tlostanova, Linköping University, Linköping, Sweden
Vladimir Tsvyk, RUDN University, Moscow, Russia
Christian Wiese, Goethe University Frankfurt, Frankfurt, Germany
Michael Zank, Boston University, Boston, USA

RUDN JOURNAL OF PHILOSOPHY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-2302 (print), ISSN 2408-8900 (online)

4 issues per year (quarterly)

Languages: Russian, English, German

Indexed in Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs, British Library, Bodleian Libraries (University of Oxford), Ghent University Library.

Aims and Scope

RUDN Journal of Philosophy is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Philosophy. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international researchers, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of Philosophy.

For many years, the journal has been a space to feature the best research of the leading Russian and international scholars in the fields of History of Philosophy, Ontology, Theory of Knowledge, Social Philosophy and other areas. Our editorial policy also involves a strong support of young talented scientists throughout the world. The unique experience and traditions of the school of philosophical thought of RUDN University are embodied in philosophical comparativism, which is the top-priority research area of the journal.

General Journal Sections: *History of Eastern Philosophy, History of Western Philosophy, History of Russian Philosophy, History of Modern Philosophy, Philosophy of Language and Literature, Ontology and Epistemology, Mathematical Logic, Philosophy and Sciences, Philosophy of Culture, Professional Ethics, Bioethics.*

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/philosophy>

E-mail: philosj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
English Language Editor *O.V. Chistyakova*
Computer Design *N.A. Yasko*
Assistant Editor *D.A. Slepukhina*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419, Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: philosj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419, Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ В.Э. СЕЗЕМАНА

Рубрика посвящена светлой памяти

Георгия Васильевича Сеземана (1945–2022), сына философа

- Паткуль А.Б. Рецензия Василия Сеземана на «Бытие и время» Мартина Хайдеггера: аналитический комментарий..... 7
- Нестеркин С.П. Два письма из переписки В.Э. Сеземана и Б.Д. Дандарона..... 19
- Орлова Н.Х. Василий Сеземан и Ксения Милорадович: пересечения тем и биографий.... 27
- Jonkus D. The Concept of Consciousness in Vasily Sesemann's Manuscripts (Йонкус Д. Концепция сознания в рукописях Василия Сеземана)..... 41

РУКОПИСИ И ПЕРЕВОДЫ

- Сеземан В. Самопознание, самосознание и объективация / под ред. Д. Йонкуса 52

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Rumyantseva T., Steila D. Aleksandr Bogdanov's Concept of Revolution and the Organisation of State (Румянцева Т., Стейла Д. Концепция революции и организации государства Александра Богданова / пер. с итал. Л. Пазини) 62
- Найдыш В.М. Эллинская теология эпохи Высокой классики 79

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

- De Martino M., Alonzi R., Isidori E. Pedagogy of Work in Postmodern Society: Between Job Insecurity and Digital Revolution (Де Мартино М., Алонци Р., Изидори Э. Педагогика профессиональной деятельности в постмодернистском обществе: дихотомия профессиональной нестабильности и цифровой революции) 94
- Крючкова С.Е., Храпов С.А., Глазков А.П. Инновационная парадигма техногенной цивилизации: проблемы методологии 108
- Никифоров А.Л. Какое будущее готовит человечеству научно-технический прогресс? ... 123

НАУКА, ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ

- Козлова Н.Ю. Образность в научном дискурсе 138
- Sanakoev I.B., Kulumbegova L.T., Ivleva M.L. National Self-determination: Features of the Evolution and Functioning of the Phenomenon (Санакоев И.Б., Кулумбегова Л.Т., Ивлева М.Л. Национальное самоопределение: особенности эволюции и функционирования феномена) 153
- Lemanto E. Fundamentalism: a Religious Cognitive Bias? A Philosophical Discourse of Religious Fundamentalism (Леманто Э. Фундаментализм: религиозное когнитивное предубеждение? Философский дискурс религиозного фундаментализма) 163

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Шевченко О.К. Бои за методологию: рецензия на учебник А.М. Орехова «История, философия и методология социально-гуманитарных наук» 175

CONTENTS

PHILOSOPHY OF V. SESEMANN

The rubric is dedicated to the blessed memory

of Georgy Vasilievich Sesemann (1945–2022), philosopher's son

- Patkul A.B.** Vasily Sesemann's Review of "Being and Time" of Martin Heidegger: analytical commentary (in Russian) 7
- Nesterkin S.P.** Two Letters from the Correspondence of V.E. Sesemann and B.D. Dandaron (in Russian) 19
- Orlova N.Kh.** Vasily Sesemann and Ksenia Miloradovich: Intercrossing Themes and Biographies (in Russian) 27
- Jonkus D.** The Concept of Consciousness in Vasily Sesemann's Manuscripts 41

PUBLICATIONS AND TRANSLATIONS

- Sesemann V.** Self-knowledge, self-consciousness and objectification. Jonkus D., editor (in Russian) 52

HISTORY OF PHILOSOPHY

- Rumyantseva T., Steila D.** Aleksandr Bogdanov's Concept of Revolution and the Organisation of State (Translated from Italian by *L. Pasini*) 62
- Naidysh V.M.** Hellenic Theology of the Epoch of High Classics (in Russian) 79

THE FUTURE OF HUMAN AND HUMANITY

- De Martino M., Alonzi R., Isidori E.** Pedagogy of Work in Postmodern Society: Between Job Insecurity and Digital Revolution 94
- Kryuchkova S.E., Khrapov S.A., Glazkov A.P.** Innovative Paradigm of Technogenic Civilization: Problems of Methodology (in Russian) 108
- Nikiforov A.L.** What Kind of Future is Humanity Consigned to by the Scientific and Technological Progress? (in Russian) 123

SCIENCE, PHILOSOPHY, RELIGION

- Kozlova N.Yu.** Imagery in Scientific Discourse (in Russian) 138
- Sanakoev I.B., Kulumbegova L.T., Ivleva M.L.** National Self-determination: Features of the Evolution and Functioning of the Phenomenon 153
- Lemanto E.** Fundamentalism: a Religious Cognitive Bias? A Philosophical Discourse of Religious Fundamentalism 163

SCHOLARLY LIFE

- Shevchenko O.K.** Battles for Methodology: Review of the Textbook «History, Philosophy and Methodology of Social and Humanitarian Sciences» of A.M. Orekhov (in Russian) 175

Философия В.Э. Сеземана

Philosophy of V. Sesemann

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-7-18>

EDN: MUQERJ

Научная статья / Research Article

Рецензия Василия Сеземана на «Бытие и время» Мартина Хайдеггера: аналитический комментарий

А.Б. Паткуль

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7—9
 a.patkul@spbu.ru

Аннотация. Данный материал представляет собой аналитический комментарий на рецензию Василия Сеземана на трактат Мартина Хайдеггера «Бытие и время» (1927), которая увидела в свет в журнале «Путь» в 1928 г. Цель такого комментария состоит в том, чтобы оценить адекватность понимания Сеземаном мысли Хайдеггера и значимость его рецензии для сегодняшней рецепции хайдеггеровского онтологического проекта. В настоящем комментарии отмечается, что Сеземан точно установил трансцендентальный характер исследования Хайдеггера, его предмет и основные этапы развертывания этого исследования. В статье признается, что оценка, данная Сеземаном фундаментально-онтологическому проекту Хайдеггера, оказывается намного ближе самой идее данного проекта, чем его оценки, предложенные такими выдающимися современниками Хайдеггера, как, например, Эдмунд Гуссерль и Николай Гартман. Сеземан также предложил несколько удачных или, по крайней мере, оригинальных переводов хайдеггеровских терминов на русский язык. Понимая незавершенность проекта, результаты начальных этапов которого были изложены в «Бытии и времени», Сеземан остается далек от того, чтобы выносить окончательное суждение о нем. И все же он выделяет ключевые достижения Хайдеггера: различие способов бытия Dasein и внутримирного сущего, акцентуацию заботы, позволяющую охватить это сущее в его целостности, а также систематический характер хайдеггеровского труда. В статье признается также, что, хотя предложенная Сеземаном интерпретация содержит некоторые недостатки, например, прочтение Dasein как бытие-сознания и неокантианское понимание систематичности у него, рецензия, написанная Василием Сеземаном, является в высшей степени пронизательной и может способствовать делу рецепции хайдеггеровской философии и по сей день.

Ключевые слова: фундаментальная онтология, феноменология, неокантианство, бытие, временность, «Бытие и время»

© Паткуль А.Б., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 10.06.2022

Статья принята к публикации 08.12.2022

Для цитирования: Паткуль А.Б. Рецензия Василия Сеземана на «Бытие и время» Мартина Хайдеггера: аналитический комментарий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 7—18. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-7-18>

Vasily Sesemann's Review of "Being and Time" of Martin Heidegger: analytical commentary

A.B. Patkul

Saint Petersburg State University,

7-9, Universitetskaya embankment, 199034, Saint Petersburg, Russian Federation

 a.patkul@spbu.ru

Abstract. In my paper, I give an analytical commentary on Vasily Sesemann's review of Martin Heidegger's treatise *Being and Time* (1927) published in the journal entitled *The Way* in 1928. The aim of this commentary is to evaluate the adequacy of Sesemann's perception of Heidegger's thought and the acceptability of his review for today's reception of the Heideggerian ontological project. In my text, I state that Sesemann accurately fixes the transcendent essence of Heidegger's ontological investigation, its basic theme and the main stages of its explication. In this regard, the Sesemann's evaluation of the project of fundamental ontology in Heidegger is much closer to the very idea of this project in comparison to the evaluations of it given by both Edmund Husserl and Nicolai Hartmann. Sesemann also offered several successful or — at least — original translations of Heideggerian terms into Russian. Since he understands the incompleteness of the project, the results of which were presented in the initial divisions of *Being and Time*, Sesemann remains very far from being able to provide a final judgement about it. And yet, he points out the key achievements of Heidegger: the special significance of the differentiation of the ways of being of *Dasein* and the inner-worldly entities, emphasis of care-structure, which allows to grasp *Dasein* in its integrity and systemic essence of Heidegger's work. I also acknowledge that although the interpretation proposed by Sesemann contains some weaknesses, f.i., the interpretation of *Dasein* as being-awareness and the neo-Kantian understanding of the systematic essence of the ontology of Heidegger, the review written by Vasily Sesemann is highly keen and may be valid for reception of Heideggerian philosophy up to nowadays.

Key words: fundamental ontology, phenomenology, neo-Kantianism, being, temporality, *Being and Time*

Article history:

The article was submitted on 10.06.2022

The article was accepted on 08.12.2022

For citation: Patkul AB. Vasily Sesemann's Review of "Being and Time" of Martin Heidegger: analytical commentary. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):7—18. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-7-18>

Введение

Жанр настоящей статьи нетипичный: она представляет собой аналитический комментарий, но комментарий... на рецензию, посвященную книге третьего автора. Этой книгой является на момент создания и публикации комментируемой рецензии недавно вышедший в свет трактат Мартина Хайдеггера «Бытие и время», который, как показала дальнейшая история философии, не только оказался *opus magnum* немецкого философа, но и имел веские основания для того, чтобы претендовать на статус «трактата столетия» в философии. Рецензия, на которую пишется данный комментарий, была подготовлена Василием Сеземаном и была опубликована в журнале «Путь» в номере четырнадцатом за 1928 г. Цель же данного комментария состоит в том, чтобы попытаться оценить этот сеземановский текст из горизонта сегодняшнего дня, с учетом «временного отстояния» (Гадамер). Насколько рецепция идей «Бытия и времени» Сеземаном была адекватной? В какой мере рецензент оказывается непредвзятым и свободным в своей мысли по отношению к рецензируемому тексту, а в какой — покорно следующим за ним? Имеет ли давняя рецензия Сеземана еще и сегодня значение, по крайней мере, в русскоязычном интеллектуальном пространстве, в деле рецепции фундаментально-онтологических мотивов мышления Хайдеггера? Будет ли она способствовать такой рецепции или же, напротив, препятствовать ей? Эти и близкие им вопросы, собственно, и мотивировали написание данного комментария.

Очерк замысла и хода фундаментально-онтологического исследования в рецензии Сеземана

Уже первый абзац рецензии Сеземана способен вызвать у знакомого с контекстом читателя некоторое удивление. Этот автор не только идентифицирует проект Хайдеггера в качестве продолжения, а точнее развития «феноменологически обоснованного „трансцендентального идеализма“, на котором остановился Гуссерль» [1. С. 48], но и, правда, с несколько неоднозначной интонацией заявляет, что в нем, в общем-то, нет ничего нового. В последнем случае, похоже, присутствует определенное лукавство, что подтверждает весь дальнейший ход сеземановской рецензии. А вот первый момент является весьма точной фиксацией специфики онтологической философии, развиваемой Хайдеггером в рецензируемом трактате. Безусловно присущий хайдеггеровской онтологии трансцендентальный характер зачастую не замечался при первоначальной рецепции его выдающегося произведения, а нередко не осознается и по сей день, благодаря чему развиваемая на страницах «Бытия и времени» феноменология нередко трактуется как разновидность феномено-

логии реалистической, что, разумеется, в корне неверно. По словам К.Ф. Гетмана, «со времени появления книги конкурируют экзистенциально-философский, связанный с философией жизни герменевтический, метафизический и (трансцендентально-)феноменологический подходы в ее интерпретации» [2. С. 169]. Так, и сам инициатор создания «феноменологически обоснованного „трансцендентального идеализма“» видел в хайдеггеровском начинании только *антропологизацию* этого самого трансцендентального идеализма, который, с его точки зрения, может опираться исключительно на трансцендентальный субъект. Гуссерль выносит относительно онтологии Хайдеггера следующее заключение: «Хайдеггер транспонирует или переводит конститутивно-феноменологическое прояснение всех регионов сущего и универсума, тотального региона мир в антропологическое» [3. С. 13]. Похожий упрек Хайдеггеру бросает и Николай Гартман, которого сам Хайдеггер, кстати говоря, считал «одним из первых ученых-философов в мире» [4. С. 66]. Так, Гартман полагает, что у Хайдеггера ответ на вопрос о бытии «должен быть получен в „вот-бытии“, которое, в свою очередь, сразу ограничивается вот-бытием человека» [5. С. 150]. «Следствием этого подхода — констатирует Гартман — является изначальное понимание всего сущего как относительного человеку» [5. С. 151]. Но сам автор «Бытия и времени» понимал свой онтологический проект совсем иначе. Именно трансцендентально-онтологический подход в интерпретации хайдеггеровской онтологической мысли является адекватным самой этой мысли, которая поэтому является «не всеобщей теорией смысла, теорией жизненного мира, естественной теологией, философией истории...» [2. С. 177], а трансцендентально-феноменологической онтологией как учением о смысле бытия *вообще*.

Конечно, сама данная Сеземаном характеристика онтологии Хайдеггера в качестве идеализма может показаться небесспорной, ведь в «Бытии и времени» сама оппозиция реализма и идеализма в ее самоочевидности была подвергнута жесткой критике и, далее, деструкции. Но тем не менее Сеземан прав, поскольку, с одной стороны, и сам Хайдеггер признается в том, «на фоне реализма *идеализм*, как он ни противоположен по результату и несостоятелен, имеет принципиальное преимущество, если не принимает себя ложно за „психологический“ идеализм» [6. С. 207]. А с другой стороны, если смотреть непредвзято, онтология Хайдеггера действительно представляет собой поздний извод идущего от Канта, т.е. трансцендентального, идеализма. (Кант же, как известно, умел блестяще совмещать трансцендентальный идеализм с эмпирическим реализмом. То же во многом делает и Хайдеггер, принимая как трансцендентальность онтологического, так и независимость «от опыта, знания и постижения» [6. С. 183] существования онтического). Что же касается новизны, то, да, Хайдеггер следует Гуссерлю в его трансцендентально-идеалистической теории конституирования, но при этом радикально меняет понимание конституирующей инстанции (инкапсулированный трансцендентальный субъект на экстатически экзистирующее *Dasein*) и самого способа

конституирования, не антропологизируя при этом саму конституирующую инстанцию.

Сеземан вообще сразу же очень высоко оценивает труд Хайдеггера в своем тексте, отмечая, что по уровню за последние десять — пятнадцать лет из философской литературы с ним могут сравниться разве что труды Макса Шелера, да и то только некоторые. Он говорит о том, что «Бытие и время» — «это книга высокого духовного напряжения, сочетающая поразительную тонкость и меткость анализа с широтой систематического синтеза» [1. С. 48]. Собственно, эта сентенция и передает, пожалуй, один из главных выводов рецензии, который наиболее полно проступит в самом ее завершении. Но уже здесь следует сделать акцент на том, что Сеземан видит в «Бытии и времени» не собрание феноменологических дескрипций, но *систематический проект*, которому все они, безусловно, присутствующие в хайдеггеровском трактате, полностью подчинены. Эту подчиненность еще и сегодня не всегда удается усмотреть читателям «Бытия и времени».

Сеземан четко и последовательно воспроизводит такой «систематический синтез». Главная тема Хайдеггера — это бытие вообще, *бытие как таковое*. Автор «Бытия и времени» ставит вопрос о смысле такового. Но ответить на него можно только, если исходным пунктом в анализе смысла бытия вообще будет «лишь то бытие, которому присуще и свойственно знание и понимание как самого себя, так и бытия вообще» [1. С. 48—49]. Конечно, для современного уха в этой формулировке имеются диссонирующие моменты, но, если рассуждать в общем, это соответствует мысли Хайдеггера. Для последнего речь идет, скорее, о сущем (Dasein), способным понимать свое бытие и бытие вообще, но дело в том, что это сущее таково, что оно как раз всегда соотносено со своим бытием, которым является *экзистенция*. Упоминание наряду с пониманием, которое, согласно Хайдеггеру, и составляет бытие Dasein, т.е. экзистенцию, также и знания не является некорректным, поскольку знание для Хайдеггера — это деривативный модус понимания (это, кстати, также является одним из важнейших моментов у Хайдеггера для Сеземана и будет особо им отмечено в выводах рецензии).

Правда, Dasein у Хайдеггера Сеземан все же переводит или, говоря точнее, передает в русской терминологии как *бытие-сознания*. И это привносит два искажающих момента в понимание данного термина: (1) он у Хайдеггера хотя и является соотношенным с бытием, т.е. сферой онтологического, все же напрямую маркирует некоторое *сущее*, т.е. нечто онтическое, и (2) у Хайдеггера Dasein не имеет тех коннотаций, которые вносят в этот термин попытки связать его с сознанием. Интересно, что похожую аберрацию можно встретить, например, и у такого имеющего отношение к ранней рецепции «Бытия и времени» Хайдеггера автора, как Оскар Беккер, который, так же, как и Сеземан, сразу же определенно опознал трансцендентальный характер хайдеггеровской онтологии, и, так же, как и Сеземан, стал интерпретировать Dasein и даже его историчность у Хайдеггера в намеренности, свободе,

сознательности, внеся в чем-то даже гегелевские нотки в интерпретацию данного понятия (см. [7. С. 152—158], а также вариативность употребления терминов Я и Dasein в англоязычной рецензии на «Бытие и время», принадлежащей перу Райла [8]).

Сеземан воспроизводит в своей рецензии тезис из § 9 «Бытия и времени» о том, что «„сущность“ присутствия лежит в его экзистенции» [6. С. 42], однако слово «сущность» приводит без кавычек, в которые оно заключено у Хайдеггера, отчего остается не вполне понятным, насколько Сеземан отчетливо видел, что Dasein — это сущее, которое как раз не имеет никакой сущности в смысле «чтойности». «Сущность бытия-сознания (Dasein) — в его существовании (Existenz)» [1. С. 49], — так он пишет. Впрочем, разъяснение, которое он дает этому положению, позволяет предполагать, что — пусть и в своей специфической интерпретации — он имел виду то же самое, что и сам Хайдеггер, хотя терминология у Сеземана в данном случае не совсем хайдеггеровская. Так, Сеземан пишет про Dasein, что «оно появляется не в тех или иных качествах (Sosein), как бытие вечное, а в свойственных ему образах или модусах бытия» [1. С. 49]. Сеземан видит, что общей и наиболее фундаментальной структурой бытия Dasein, задающей целостность этого сущего, является *забота*. «Она — пишет автор рецензии на «Бытие и время» — априорное начало бытия-сознания, то, что обуславливает собою все те его моменты, которые изучаются психологией (воля, влечение, мышление), гносеологией (познание, понимание), этикой (совесть, нравственная ответственность, решимость и др.)» [1. С. 49]. Из приведенной цитаты видно, что Сеземан перечисляет в качестве производных феноменов в том числе и такие, которые у Хайдеггера все же конституируют экзистенцию Dasein (совесть, решимость) и исследуются в онтологии, но это может объясняться тем, что в данном случае Сеземан придает этим терминам экзистентно-онтический смысл. К структурным моментам заботы у Хайдеггера он относит (1) бытие-в-мире, (2) обращение с вещами, (3) бытие возможностью. Это, конечно, соответствует мысли Хайдеггера, но при этом стоит труда, чтобы за предложенными Сеземаном формулировками увидеть экзистенциальность, фактичность и падение (*Verfallen sein*, переведенное Сеземаном как «обреченность»), тем более что порядок, в котором он их вводит, не совпадает с порядком моментов заботы, который имеет место у Хайдеггера.

Сеземан в данной связи затрагивает в своем очерке феномена заботы и то, как Хайдеггер описывает обращение с *Zuhandenheit*, которую он очень удачно передает на русском как «сподручность» в отличие от устоявшейся на сегодняшний день «подручности», т.е. не просто находится под рукой, но уже готово к тому, чтобы стать оптимальным средством для чего-то. Он принимает в расчет и описание генезиса смысла бытия как только наличного, т.е. того бытия, «которое составляет предмет естествознания» [1. С. 49], из «сподручности», а стало быть, научно-теоретической установки как существенный для хода мысли Хайдеггера. В итоге Сеземан пишет про заботу:

«Итак, забота, находя себя (т.е. бытие-сознания) в мире, являет себя в обращенности к вещам и в обхождении с ними, осуществляя тем самым заложенные в бытии-сознании возможности» [1. С. 50]. Это, конечно, близко тому, что имеет в виду Хайдеггер, и все же несколько самовольно по отношению к его мысли в плане интерпретации возможностей *Dasein* как *заложённых в нем*. Тем не менее это позволяет из новой перспективы взглянуть на то, что сам автор «Бытия и времени» пытался донести до читателя своего труда.

Сеземан, далее, тонко почувствовал, что различие модусов *Eigentlichkeit* и *Uneigentlichkeit*, которые он все-таки связывает с *подлинностью* и *неподлинностью*, в онтологии Хайдеггера не является только дескриптивным различием, но играет решающую роль для всего хайдеггеровского «систематического синтеза». Он вполне адекватно описывает неподлинное бытие как погруженность в мир и внутримировое сущее, а также как растворенность в людях, подчиненную безличной инстанции („*Man*“). Перевод данного хайдеггеровского термина также представляет значительный интерес и должен быть призван весьма оригинальным. Хайдеггеровское *Man* Сеземан передает как «*никто*» — безличное и безликое, как он выражается. Совесть — это то, что позволяет освободиться «из плена обыденности» [1. С. 51], подчиненности внутримировому и инстанции «никто». Сеземан так обыгрывает по-хайдеггеровски понятие совести: «Совесть — это призыв к признанию своей виновности перед самим собою, но вместе с тем и к самоответственности и решимости осуществить свои подлинные возможности» [1. С. 51]. Благодаря такой формулировке мысль классика немецкой феноменологии заиграла новыми гранями. Решимость же может иметь место только тогда, когда *Dasein* понимает свою конечность, свой предел, т.е. видит в себе бытие-к-смерти.

Очень важно, что и здесь, анализируя феномен решимости у Хайдеггера, Сеземан видит не просто феномен, конституирующий подлинное бытие *Dasein*, но и то, что она «раскрывает и “горизонт” того понимания и постижения бытия, которым живет забота и которым определяется самая его структура» [1. С. 51]. Только поняв характер решимости, можно опознать онтологический смысл заботы, составляющий условие ее возможности. Сеземан совершенно справедливо констатирует, что онтологическим смыслом заботы у Хайдеггера является *временность*. «Во временности и заключается онтологический смысл заботы» [1. С. 51], — пишет он. От внимания Сеземана не укрылось и то обстоятельство, что хайдеггеровское понимание временности не совпадает с традиционным понятием времени как бесконечной необратимой последовательности моментов «теперь». Время как последовательность «теперь» — это время бытия вещей, бытия, сводящегося к простому наличию. Такое понимание времени соответствует неподлинному пониманию бытия. Бытие *Dasein* — это не бытие во времени, а «бытие, вместе с которым впервые рождается и устанавливается временность» [1. С. 52]. Такая временность может раскрыться исключительно в подлинном бытии заботы. Эта временность

не может быть ориентирована на настоящее, для нее важнее грядущее. Разбор временности у Хайдеггера, который далее приводит Сеземан, к сожалению, крайне скуп, но и здесь он довольно удачно схватывает несколько важных ее моментов.

Так или иначе, Сеземан отчетливо осознает, что опубликованный Хайдеггером фрагмент «Бытия и времени» — это еще не весь текст трактата, а только его разделы, в которых идет речь о феноменологическом анализе бытия *Dasein* и определении его (этого бытия) смысла. Но ответа на вопрос о смысле бытия вообще Хайдеггер здесь так и не дает. Это является очень важным обстоятельством, поскольку еще и сегодня опубликованные разделы «Бытия и времени» читаются как самодостаточные вне их более общего, универсально-онтологического контекста. Василий Сеземан этой ошибки явно избегает. Вообще сам рецензент хайдеггеровского труда находится в ожидании публикации второй части «Бытия и времени», которая, как он считает, что видно по конкретной датировке в его рецензии, была запланирована на 1929 г. Любопытным является и то, что, согласно замыслу Хайдеггера, фрагмент трактата, где эксплицировался смысл бытия как такового, должен был составлять третий раздел первой части, тогда как вторая часть должна была быть посвящена деструкции истории онтологии. Сеземан же уверен, что вторая часть «Бытия и времени» все же могла бы содержать также и экспликацию смысла бытия вообще. Кроме того, в числе «героев» деструкции истории онтологии во второй части «Бытия и времени» у Сеземана наряду с Аристотелем, Декартом и Кантом появляется Гегель. Последний, конечно, неоднократно упоминается на страницах «Бытия и времени», но в § 6 этого трактата среди философов, чья мысль должна именно в трактате подлежать деструкции он, кажется, не заявлен.

Так или иначе, Сеземан констатирует, что «ввиду незаконченности труда критика основных положений Н. кажется нам преждевременной» [1. С. 52].

Наиболее существенные достижения Хайдеггера в оценке Сеземана

Впрочем, Сеземан выделяет несколько пунктов, касающихся хайдеггеровского проекта, которые представляются ему наиболее существенными. К ним он относит следующие:

(1) Различие способов (сам Сеземан называет их видами) бытия — в частности бытием *Dasein* и наличным бытием. До вступления в философию Хайдеггера метафизика пользовалась стихийно сложившимся пониманием бытия как наличия и в таком же ключе — даже в эпоху немецкого идеализма — трактовала бытие *Dasein*. Предрассудок этот «глубоко сидит еще и в современной философской мысли» [1. С. 53]. Причем, как обоснованно отмечает Сеземан, «закоренелость его не является лишь исторической случайностью; она обусловлена самим укладом бытия-сознания, а именно

тем, что научное и философское знание первично зарождается в лоне неподлинного модуса *Dasein*'а, когда оно погружено в вещный мир и горизонт его ограничен этим самым вещным миром» [1. С. 53]. Сеземан в этой связи приветствует замысел Хайдеггера разделить категории вещного бытия и *экзистенциалы*, «т.е. принципы, лежащие в основе бытия-сознания» [1. С. 53]. Действительно, для Хайдеггера принципиально важным является то, что *экзистенциалы* вообще не могут быть поняты в качестве категорий, даже если бы под категориями подразумевались, выражаясь языком Гуссерля, материально-синтетические категории определенного региона сущего, в данном случае — *Dasein*. Он пишет о *Dasein* и его бытийных определениях: «Бытийные определения Я, человеческого вот-бытия принципиально не могут быть категориями. Я называю их *экзистенциалами*, но не для того, чтобы ввести новое слово или по-другому назвать класс категорий, а для того, чтобы с самого начала обозначить проблему, выражающуюся в том, что здесь о категориях не может быть речи» [9. С. 144]. (См. также: [6. С. 44]). Хотя, как отмечает Сеземан, «насколько Н. удалась феноменологическая дедукция “*экзистенциалов*” — вопрос другой» [1. С. 53].

(2) Выбор заботы в качестве бытия *Dasein* позволяет Хайдеггеру охватить *Dasein* «во всей его непосредственной целостности» [1. С. 53], а не только в определенном «разрезе» и «отвлечении», как это было бы, если бы это был не конкретный, а только теоретический принцип. Философия Хайдеггера — учение о бытии, она не распадается, считает Сеземан, на онтологию, гносеологию, этику и другие философские дисциплины: «...в качестве онтологии она определяет бытие сразу во всех его существенных модусах и аспектах» [1. С. 53]. Но это значит, что и такой аспект, как познание, не может быть оставлен без внимания в хайдеггеровской онтологии, оно просто рассматривается «в свете онтологии» (Н. Гартман), а именно как дериватив понимания *Dasein*. Сеземан пишет о Хайдеггере: «Гносеология в его понимании входит в состав самой онтологии как неотъемлемый момент, и только из органической сращенности знания с бытием становится понятным как его внутренняя структура, так и процесс его исторического развития» [1. С. 53—54]. То, что здесь пишет Сеземан, возможно, не совсем соответствует формулировкам Хайдеггера по букве, едва ли разработка гносеологии как особой философской рубрики интересовала Хайдеггера, но тем не менее вполне подходит для передачи хайдеггеровской мысли по существу. Подтверждением тому может служить то, что даже в рамках «Бытия и времени» Хайдеггером предложен, пусть и очень неопределенный, набросок онтологической трактовки не только познания, но и, более узко, научного познания (§§ 3, 69 b)).

(3) Наконец, Сеземан возвращается к тому, на что дал указание в самом начале своей рецензии на «Бытие и время» Хайдеггера и что рефреном проходило сквозь всю эту рецензию: труд Хайдеггера — это не коллекция дескрипций различных, пусть и взаимосвязанных феноменов, а капитальный систематический проект, в котором все взаимосвязано и подчинено единой

цели. У Хайдеггера, полагает Сеземан, «анализ, не переставая быть анализом, становится синтезом» [1. С. 54]. Он вообще считает, что «Бытие и время» — это «первый подлинно систематический труд, вышедший из феноменологической школы» [1. С. 54]. В зародыше он содержит целостную метафизическую систему, хотя на словах Хайдеггер и открещивается от любого вида метафизики. При этом Сеземан дает весьма своеобразную трактовку такой систематичности: он считает, что феноменологический анализ не остается чисто формальным у Хайдеггера, но обретает систематическое значение, поскольку у Хайдеггера «понимание подлинного бытия связано с вполне определенным пониманием идеала жизни» [1. С. 54]. Поэтому такой анализ определяет и «материальную сторону понятия бытия» [1. С. 54]. А эту последнюю Сеземан уже связывает с понятием *ценности*, что не только не характерно для Хайдеггера, но прямо противоположно его исходным интенциям. Хотя объяснить это можно и так, что для Сеземана понятие ценности является ближайшим оперативным понятием, посредством которого можно хотя бы приблизительно маркировать *экзистентную значимость* философии для Хайдеггера. «И только выходу за пределы формальной концепция Н. обязана своим систематическим характером» [1. С. 54], — сказано в рецензии Сеземана. В ее конце он приходит к тому выводу, что все определения бытия-сознания («например, различение подлинного и неподлинного модуса бытия, экзистенциальное толкование времени, смерти, совести и др.) становятся вполне понятными и приобретают настоящую философскую значительность, лишь если брать их в некоторой метафизической перспективе, т.е. мыслить как феноменологические начала цельного, религиозно, нравственно обоснованного мировоззрения. И только полное раскрытие этого мировоззрения может окончательно выяснить, что, собственно, — в понимании Н. — означает *бытие*» [1. С. 54]. Тут, конечно, Сеземан уже смотрит на замысел Хайдеггера глазами неокантианца, приписывая ему намерение иметь дело с «началами» мировоззрения, т.е. того, что составляло предмет серьезной критики Хайдеггера, тем более мировоззрения «религиозного» и «нравственного». Но с другой стороны, это финальное обращение сеземановского истолкования онтологического замысла Хайдеггера позволяет увидеть его с новой стороны.

Заключение

Подводя итоги аналитического обзора рецензии Василия Сеземана на «Бытие и время» Мартина Хайдеггера, в первую очередь хочется сказать об особой пронизательности первого из них при рецепции поистине новаторского текста второго, при том что в случае рецензии Сеземана по философским меркам вообще едва ли возможно говорить о каком-либо «временном отстоянии» относительно выхода в свет «Бытия и времени». Сеземан точно схватывает многое как в общем замысле хайдеггеровской онтологии, так и в некоторых важных деталях. Такой конгениальности хайдеггеровскому труду не доставало как многим его современникам, отреагировавшим на

выход книги в свет, так и ее нынешним читателям и интерпретаторам. Конечно, в некоторых случаях трактовка хайдеггеровской мысли Сеземаном не безупречна, да она и не могла быть такой, тем более если учитывать краткость временного промежутка между публикацией предмета рецензии и выходом в свет ее самой. Здесь — да будет простительно упомянуть это еще раз — стоит указать на трактовку взятого в хайдеггеровском смысле *Dasein* как бытия-сознания (и соответствующий перевод этого термина на русский язык), а также финальное прочтение систематического замысла Хайдеггера в ориентации на понятие ценности и неокантианское понимание системности философии. Хотя в последнем случае ситуация не столь проста, как может показаться на первый взгляд: при всей критике неокантианства как «трансцендентальной философии ценностей» и желания от него дистанцироваться, мысль Хайдеггера в ее становлении, причем как раз в систематическом плане, остается все же связанной с неокантианской философией, во многом вписанной в ее контекст, как о том свидетельствует монография Ю. Штольценберга (см. [10]). В любом случае замысел трансцендентальной онтологии Хайдеггера воспроизведен Сеземаном довольно точно, причем акцентуация систематического его характера, в значительной части случаев просматриваемого толкователями мысли философа, делает честь и является украшением сеземановской интерпретации онтологии немецкого философа. Еще и сегодня рецензия Василия Сеземана на книгу «Бытие и время» может восприниматься и в качестве аналитического материала, и в качестве небольшого учебного пособия, служащих адекватности восприятия замысла и итогов онтологического проекта, набросанного в «Бытии и времени».

Список литературы

- [1] *Сеземан В.Э.* Рец.: M. Heidegger. Sein und Zeit. I. // М. Хайдеггер: pro et contra, антология. 2-е изд. / науч. ред. Ю.М. Романенко. СПб. : ПХГА, 2020. С. 48—54.
- [2] *Gethmann C.F.* Dasein: Erkennen und Handeln: Heidegger im phänomenologischen Kontext. Berlin, New York : Walter de Gruyter Verlag, 1993.
- [3] *Breeur R.* Randbemerkungen Husserls zu Heideggers „Sein und Zeit“ und „Kant und das Problem der Metaphysik“ // Husserl Studies. 1994. Vol. 11. № 1—2. P. 3—63. <https://doi.org/10.1007/bf01386354>
- [4] *Heidegger M.* Die Metaphysik des deutschen Idealismus. Zur erneuten Auslegung von Schelling: Philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit und die damit zusammenhängenden Gegenstände (1809). Hrsg. v. G. Seubold. Frankfurt a. M. : Vittorio Klostermann Verlag, 1991.
- [5] *Гартман Н.* К основоположению онтологии / пер. с нем. Ю.В. Медведева. СПб : Наука, 2003.
- [6] *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997.
- [7] *Беккер О.* О хрупкости прекрасного и авантюризме художника. Онтологическое исследование в эстетической области феномена // HORIZON. Феноменологические исследования. 2014. Т. 3. № 1. С. 140—164.
- [8] *Райл Г.* Мартин Хайдеггер. Бытие и время // Топос. Философско-культурологический журнал. 2007. Т. 3 № 17. С. 100—116.

- [9] Хайдеггер М. Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб : «Владимир Даль», 2016.
- [10] Stolzenberg J. Probleme der Begründung der systematischen Philosophie im Werk Hermann Cohens, Paul Natorps und beim frühen Martin Heideggers. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, 1995.

References

- [1] Sesemann VM. Review: M. Heidegger. Sein und Zeit. I. In: *M. Heidegger: pro et contra, anthology*. Second edition. Romanenko YuM, editor. Saint Petersburg: RHGA; 2020. P. 48—54. (In Russian).
- [2] Gethmann CF. *Dasein: Erkennen und Handeln: Heidegger im phänomenologischen Kontext*. Berlin, New York: Walter de Gruyter Verlag; 1993.
- [3] Breuer R. Randbemerkungen Husserls zu Heideggers „Sein und Zeit“ und „Kant und das Problem der Metaphysik“. *Husserl Studies*. 1994;11(1—2):3—63. <https://doi.org/10.1007/bf01386354>
- [4] Heidegger M. *Die Metaphysik des deutschen Idealismus. Zur erneuten Auslegung von Schelling: Philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit und die damit zusammenhängenden Gegenstände (1809)*. Hrsg. v. G. Seubold. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann Verlag; 1991.
- [5] Hartmann N. *Ontology: Laying the Foundations*. Medvedev YuV, transl. Saint Petersburg: Nauka; 2003. (In Russian).
- [6] Heidegger M. *Being and Time*. Bibikhin VV, transl. Moscow: Ad Marginem; 1997. (In Russian).
- [7] Becker O. The Vacuity of Art and the Daring of the Artist. *HORIZON. Studies in Phenomenology*. 2014;3(1):140—164. (In Russian).
- [8] Ryle G. Martin Heidegger. Being and Time. *Topos. Journal for Philosophy and Cultural Studies*. 2007;3(17):100—116 (In Russian).
- [9] Heidegger M. *German Idealism (Fichte, Schelling, Hegel)*. Shurbelev AP, transl. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2016. (In Russian).
- [10] Stolzenberg J. *Probleme der Begründung der systematischen Philosophie im Werk Hermann Cohens, Paul Natorps und beim frühen Martin Heideggers*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht Verlag; 1995.

Сведения об авторе:

Паткуль Андрей Борисович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки и техники, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (e-mail: a.patkul@spbu.ru). ORCID: 0000-0003-3042-6785

About the author:

Patkul Andrei B. — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy of Science and Technologies, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia (e-mail: a.patkul@spbu.ru). ORCID: 0000-0003-3042-6785

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-19-26>
EDN: MWONMJ

Научная статья / Research Article

Два письма из переписки В.Э. Сеземана и Б.Д. Дандарона

С.П. Нестеркин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
 sn3716@yandex.ru

Аннотация. В публикации представлены два сохранившихся письма (1961 г.) из обширной переписки В.Э. Сеземана (в то время — профессора философии Вильнюсского университета) и Б.Д. Дандарона (буддийского наставника, научного сотрудника Бурятского комплексного научно-исследовательского института (БКНИИ)). В письмах говорится о текущей работе, творческих планах, а также бытовом укладе жизни, устоявшемся через годы после освобождения из заключения в 1956 г. Значительное место в письме Б.Д. Дандарона занимает список литературы, привлекаемой им к написанию исследования по проблемам эстетики и/или упоминаемой в записях лагерных лекций В.Э. Сеземана. Письма дают некоторое представление о характере отношений корреспондентов, круге их научных интересов. Публикация предваряется предисловием, в котором отражен контекст появления лекций по эстетике, легших в основу исследовательского интереса к этой проблематике Б.Д. Дандарона, в частности, обстоятельства лагерного «семинара» по философии, активными участниками которого были корреспонденты. В.Э. Сеземан читал лекции по широкому кругу проблем западной философии: эстетике, истории философии, философской антропологии. Б.Д. Дандарон — по философии и практике буддизма. Особенный интерес Б.Д. Дандарона к эстетической проблематике был обусловлен тем, что в развиваемой им системе буддийского учения, названной им «необуддизмом», он уделял большое внимание развитию эмоциональной интуиции (связанной с эстетическим восприятием) как промежуточному звену между рациональной интуицией, присущей каждому человеку, и интуицией эмоционально-мистической, развиваемой в процессе йогической практики.

Ключевые слова: эстетика, буддология, «необуддизм», история философии

Информация о финансировании и благодарности. Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия — XVIII—XXI вв.; Китай — II—XXI вв.; Тибет — VII—XXI вв.; Монголия — XVI—XXI вв.)», № 121031000261-9.

© Нестеркин С.П., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 16.06.2022

Статья принята к публикации 08.12.2022

Для цитирования: Нестеркин С.П. Два письма из переписки В.Э. Сеземана и Б.Д. Дандарона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 19—26. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-19-26>

Two Letters from the Correspondence of V.E. Sesemann and B.D. Dandaron

S.P. Nesterkin

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanovoi St, 670047, Ulan-Ude, Russian Federation
sn3716@yandex.ru

Abstract. This work presents the two surviving letters preserved from the extensive correspondence of V.E. Sesemann, a professor of philosophy at Vilnius University at the time (1961), and B.D. Dandaron, a Buddhist teacher who was a researcher at the Buryat Integrated Research Institute at that time. The letters discuss the authors' current work and creative plans, as well as everyday life and resettling after release from prison in 1956. In his letter, B.D. Dandaron devotes significant attention to a list of literature that he was using in writing a study on aesthetics and/or that was mentioned in the records of the lectures of V.E. Sesemann in the prison camp. The letters give some idea of the nature of the relations between the correspondents and the areas of their research interests. The publication is preceded by a preface, which offers reflections on the context of the appearance of lectures on aesthetics that formed the basis of B.D. Dandaron's research interest in this issue. The preface also provides context on the prison camp "seminar" on philosophy, in which the correspondents were active participants. V.E. Sesemann lectured on a wide range of areas in Western philosophy, including aesthetics, the history of philosophy, and philosophical anthropology. B.D. Dandaron lectured on the philosophy and practice of Buddhism. B.D. Dandaron's particular interest in aesthetic issues was due to the fact that in the system of Buddhist teachings he developed, he paid great attention to the development of emotional intuition (associated with aesthetic perception) as an intermediate link between the rational intuition inherent in every person and the emotional-mystical intuition developed during yogic practice.

Key words: aesthetics, Buddhology, neo-Buddhism, history of philosophy

Funding and Acknowledgement of Sources. The research was carried out within the state assignment (project Transformation of Buddhist Trends and Schools: History and Experience of Interaction with Religions and Beliefs of Russia, Central and East Asia (from the Period of Spread of Buddhism to the Present: Russia — 18th—21st Centuries; China — 2nd—21st; Tibet — 7th—21st Centuries; Mongolia — 16th—21st Centuries), № 121031000261-9.

Article history:

The article was submitted on 16.06.2022

The article was accepted on 08.12.2022

For citation: Nesterkin SP. Two Letters from the Correspondence of V.E. Sesemann and B.D. Dandaron. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):19—26. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-19-26>

Предисловие

В.Э. Сеземан (1884—1963) и Б.Д. Дандарон (1914—1974) познакомились в лагере, где отбывали свои сроки. В.Э. Сеземан был арестован в 1949 г. (вместе с Л.П. Карсавиным, как евразийцы). Вышел на свободу в 1956 г. (как и Дандарон), и был реабилитирован в 1958 г.

В лагере у них сложились близкие дружеские отношения, сохранившиеся до конца жизни, несмотря на то что их жизненные пути, образование и то, в каких культурах они чувствовали свою укорененность, их больше разъединяло, чем объединяло. Сеземан — европейски образованный академический философ, университетский профессор, Дандарон — буддийский Учитель, Лама, признанный буддийским сообществом перерождением буддийского святого, получивший традиционное буддийское образование (хотя к времени первой «посадки» в 37-м году он и закончил Ленинградский институт авиационного приборостроения, параллельно посещая лекции на Восточном факультете ЛГУ).

В лагере, в разношерстной среде, сложился круг людей, посвящавших краткое время досуга от каторжной работы интеллектуальным, духовным интересам. Эти люди читали в своем кругу лекции по темам, в которых были специалистами, лекции записывались и зачитывались едва ли не до дыр, и вновь переписывались.

Дандарон был центром притяжения людей, интересовавшихся буддийской философией и практикой. Его ученик А.М. Пятигорский так пишет об этом в своем эссе, посвященном уходу Дандарона: «Буддийской работе помог чудной случай. После разгрома Квантунской армии летом сорок пятого „с налета“ хватанули лам из какого-то якобы сопротивлявшегося монастыря. Те из них, кто доехал до лагеря, стали на долгие ночи и дни буддистическими собеседниками и сотрудниками Дандарона. Вокруг них постепенно сложился своего рода буддийский круг, опять же такой пестроты, которую мог явить только лагерь того времени; здесь и бывший профессор из бывшего Института Красной Профессуры, и бывший немецкий журналист, и бывший секретарь обкома, и бывший... но в их тогдашнем «настоящем» (а кроме настоящего тогда не было ничего) всё это было *крайне серьезно*. Они занимались буддийской философией и йогой, но главное — осмыслением своей собственной жизни и своего собственного положения в *смысле* буддийской философии и йоги. В течение нескольких лет Дандарон руководил этими занятиями» [1. С. 320].

По вопросам западной философии основным лектором был Сеземан (по эстетике, истории философии, по проблеме взаимоотношения материального и духовного начал). Внимательнейшим его слушателем был Дандарон (в архиве которого сохранились записи нескольких лекций). Особенный интерес Дандарона к западной философии был в большой степени обусловлен тем обстоятельством, что своей учительской задачей он видел проповедь буддизма людям, воспитанным в западной культурной среде, что предполагало изложение буддийского учения языком западной культуры. Это учение Дандарон называл «необуддизмом». Он писал приемной дочери Сеземана Наталье 31.10.56: «Эту систему я мыслю как попытку синтеза западной и восточной мудрости» [2. С. 56].

Что касается его интереса к эстетике, то он определялся (помимо личного интереса к художественному творчеству) тем, что в развиваемой им системе буддийского учения Дандарон большое внимание уделял развитию эмоциональной интуиции (связанной с эстетическим восприятием) как промежуточному звену между рациональной интуицией, присущей каждому человеку, и интуицией эмоционально-мистической, развиваемой в процессе йогической практики [3. С. 32—33].

Два письма, предлагаемые вниманию читателя, — небольшой сохранившийся фрагмент обширной переписки, к сожалению, утраченной. Письма Дандарона были уничтожены родственниками Сеземана из соображений безопасности, поскольку в 1972 г. начался новый, третий процесс, и Дандарон был осужден на новый срок; письма Сеземана также пропали в водовороте тех событий. Они относятся к периоду, когда переписка вновь возобновилась после некоторого перерыва, вызванного обстоятельствами отношений Дандарона с приемной дочерью Сеземана Натальей.

Письма интересны не только как свидетельство эпохи, в которой жили и работали корреспонденты. Они проливают некоторый свет на обстоятельства появления рукописи Дандарона по вопросам эстетики (в настоящее время хранится в архиве семьи Монтлевич). Это текст, занимающий 96 листов общей тетради, без титульного листа, начинается сразу с «Содержания». Сравнение его структуры со структурой монографии Сеземана по эстетике (изданной уже после его ухода сначала на литовском, а затем в английском переводе [4]) показывает, что хотя текст Дандарона выстроен несколько иначе, но тематические блоки его во многом соответствуют работе Сеземана. Можно предположить, что этот текст возник в процессе упорядочивания Дандароном материала, отчасти почерпнутого из лекций Сеземана, отчасти оформившегося в процессе работы над литературой, частичный список которой Б.Д. Дандарон приводит в письме. Большую определенность в этот вопрос может внести будущий сравнительный анализ обоих текстов.

Письмо В.Э. Сеземана Б.Д. Дандарону¹

15/III — 61.

Дорогой Биди,

Меня очень обрадовало, что Вы откликнулись на мое письмо и желаете поддерживать со мной контакт. Обрадовало меня также, что Вы теперь имеете постоянную работу по близкой Вашему сердцу научной области и имеете возможность печатать в разных журналах ряд статей. Буду очень благодарен, если пришлете оттиски этих работ. Для начала это хорошо и надеюсь, приведет Вас постепенно к исследованиям чисто философского характера. Ведь Вы располагаете в Вашем Институте богатейшим материалом, который еще почти совсем не изучен. Очень жаль, что у Вас в Улан-Удэ нет друзей, с которыми Вы могли бы делиться своими философскими мыслями. Я нахожусь здесь приблизительно в таком же положении, философское общение возможно лишь в определенных и причем довольно узких рамках. Курс логики, который я читаю, элементарен и меня мало интересует. Много читаю литературу по символической логике, она необъятна, написал две статьи на темы из этой области, когда они будут напечатаны, пошлю Вам оттиски. То, что до сих пор уже напечатано из моих работ, написано по-литовски (в том числе и Аристотель), и потому не представляет для Вас интереса. В последний год я начал опять заниматься вопросами эстетики в связи с тем, что теперь у нас появилось много статей, обсуждающих эти вопросы, и некоторые из них заслуживают внимания. Интересна «История эстетики» Гильберта и Куна (ИЛ. 1960, перевод с англ., а также «Современная книга по эстетике», ИЛ 1957, перевод с англ. ряда статей иностранных авторов. Рекомендую Вам также «Эстетику» Н. Гартмана (перевод с немецкого). За новинками по восточной <эстетике> я теперь не следил, но если найду что-нибудь интересное, сообщу Вам. Но эстетикой я занимаюсь сам для себя, а не для печати.

Напишите мне, какие вопросы буддийской философии Вас теперь особенно интересуют. Имеете ли Вы теперь собственную комнату, в которой можете спокойно работать?

Наташа работает теперь в краеведческом музее здесь, в Вильнюсе. Она уже второй год замужем за молодым литовским художником-графиком, скромным и приветливым человеком. У них дочка, которой недавно исполнилось 8 месяцев, девочка здоровая и веселого нрава. Живут они вместе с нами в довольно поместительной квартире из 3-х комнат, в которой я имею свой рабочий кабинет. Вот и все наши новости.

Итак, пишите.

С дружеским приветом

Ваш В.Э.

Привет от Наташи.

¹ Сеземан В.Э. Письмо Б.Д. Дандарону. 15.03.1961. ЦВРК ИМБТ СО РАН (Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук) Ф33, О1, Д2.

Письмо Б.Д. Дандарона В.Э. Сеземану²

Дорогой Василий Эмильевич!

Спасибо за письмо! Извините, что задержался с ответом. У нас здесь свирепствует очень злой грипп, называют его вирусным гриппом. Я лежал от него в постели полмесяца, только начинаю подниматься на ноги.

Здесь мне дали квартиру из двух комнат с самостоятельной кухней. В одной маленькой комнате 11 м² сделал кабинет, постепенно накапливаются книги.

В последнее время я тоже решил заняться вопросами эстетики. К великому моему несчастью, не смог полностью сохранить ту лекцию по эстетике, которую Вы мне читали в 051 лагпункте. Сохранились только некоторые отрывки, которые я усиленно восстанавливаю, если мне удастся что-нибудь восстановить (пользуясь литературой), то, если Вы не возражаете, я попытаюсь издать здесь ротапринтным способом, конечно, нужно дать соответствующую марксистскую подкладку, иначе не может идти и речи в наших условиях. Во всяком случае, я хочу дать к ним некоторый научный аппарат и убедительно прошу помочь мне в этом, ибо поскольку Вы занимаетесь сейчас этим вопросом, то это будет Вам не трудно. Итак, у меня будут вопросы:

1. Название сочинения Баумгартена (нем.), есть ли русский перевод (выходные данные).

2. Ксенофонт, сочин. «О домашнем хозяйстве», где сказано о среднем человеке. Точное название соч.

3. Платон, «Гипсий Меньший», где говорится о сократовском носе, если возможно, указать стр.

4. Платон, «Пир» (об эресе). Выходные данные русского перевода.

5. Платон, «Государство». Выходные данные русского перевода.

6. Платон, «Федон», (где Сократ хвалит Анаксагора за «космический мировой разум»), стр.

7. Аристотель, «Этика», (полное название и выходные данные русского перевода), где говорится о природе гармонии.

8. Сочинение Лонгина, где толкуется о возвышенном, если нет русского перевода, то на любом языке.

9. Буало, «Античный образец арс поэтика Горация» (выходные данные).

10. Лейбниц (о монадах, где объясняет рациональную эстетику), стр.

11. Зульцер (название сочинения о принципе единства и многообразия в эстетическом восприятии).

12. Шефтсбери (Shaftesbury), (назв. сочинения об эмоциональных факторах в эстетическом переживании).

13. Гом (назв. сочин., где утверждается, что существует особое моральное и эстетическое чувство, подобное чувству зрения и слуха).

² Дандарон Б.Д. Письмо В.Э. Сеземану. 12.04.1961. Копия письма хранится в архиве В.М. Монтлевича, оригинал — в личном архиве приемной дочери В.Э. Сеземана Н.Ю. Клеманскене.

14. Гетчесон (назв. сочин., где он пытается уточнить специфическую особенность эстетического восприятия).

15. Берк (очевидно, достаточно сочинения „On Taste, on the Sublime and Beautiful...“).

16. Вико (сочин. итальянского ученого о трех стадиях развития человеческой культуры).

17. Винкельман (назв. сочин. об античной культуре).

18. Юм (субъективно-идеалистическая теория).

19. Кант «Критика способности суждения» (выходн. дан.). (Нет ли что-нибудь в его сочин. «Werke». Bd. V.?). Желательно знать, на какой стр. можно найти пример относительно прекрасного дворца, который вызывает у зрителя различную эмоциональную реакцию, [утилитарную или политическую (классовую)].

20. Шопенгауэр (назв. соч., где он формулирует кантово положение, что «здесь воля (к жизни) молчит, и в этом заключается особое значение красоты вообще и, в частности, искусства, создающего красоту»).

21. Кант (назв. произв. и стр., где сказано о возможности появления Ньютона травинки).

22. Кант (назв. сочин. и стр. где имеется изречение «две вещи в мире наполняют меня всегда чувством глубокого удивления и благоговения — это звездное небо надо мною и нравственный закон в моей груди»).

23. Шиллер, статьи о «возвышенном» и о «патетическом» (выходные данные). Письма об эстетическом восприятии, о наивной и сентиментальной поэзии.

24. Микеланжело (где он говорит относительно создания скульптуры и приводит пример, что скульптор постепенно вынимает скульптуру, погруженную в воду), стр.

25. Зиммель (назв. сочин., где утверждает, что прекрасное вообще не является художественной категорией, поэтому неправильно считать, что изображение прекрасного есть задача искусства), стр.

26. Утиц (назв. сочин., где различает эстетику и общую теорию искусства).

27. Кант (где имеется его учение об идеале человеческой красоты?).

28. Аристотель, «Поэтика» (где утверждает «не возможное, но вероятное предпочтительнее, чем возможное, но невероятное» (относительно самки оленя с рогами). Желательно стр. и выходные данные русского перевода.

29. Ипполит Тэн (назв. сочин., где трактуется «теория среды»).

30. Лало (французская соц. школа «о смене стиля», назв. сочин.).

31. Руссо (назв. сочин. о возникновении музыки из человеческой речи).

32. Штунф (назв. сочин., где говорится относительно свистка, который служил первобытным людям сигналом для общения, который является началом человеческой музыки, стр.). См. два листа, написанных карандашом³.

³ В письме эти листы отсутствуют.

Если все это узнаю, то буду стараться достать указан. сочинения, если в наших библиотеках не окажется, то межбиблиотечным абонементом, не откажите мне в любезности.

Сейчас читаю сочин. Чернышевского и не согласен со многими его положениями, но этого сейчас говорить, видимо, нельзя, ибо говорят о нем, что до него наука об эстетическом развитии человеческого общества не знала столь последовательной и целостной материалистической системы эстетических понятий.

Те книги, на которые Вы указали мне в Вашем последнем письме, я еще не достал.

Мне необходимо заняться «эстетическим» учением Востока, если Вы знаете источники по этому вопросу, то напишите мне.

В.Э.! Напишите мне, как дело обстоит насчет парапсихологии. Есть ли что-нибудь новое?

Я истинно рад, что Вы наконец устроились там, как Вы этого желали, я рад за Вас и за Вашу семью. Напишите обо всем, где учится Ваш маленький сын Гарик?

Передайте большой и сердечный привет Наташе и Вашей жене.

С приветом, Ваш Биди.

12/IV — 61 г.

Список литературы

- [1] Дандарон Б.Д. Избранные статьи: Черная Тетрадь. Материалы к биографии. История Кукунора. Сумпа Кенпо. СПб : Евразия, 2006.
- [2] Дандарон Б.Д. Письма о буддийской этике. СПб : Алетейя, 1997.
- [3] Дандарон Б.Д. Мысли буддиста. СПб : Евразия, 2022.
- [4] Sesemann V. *Aesthetics*. Amsterdam, New York : Rodopi, 2007.

References

- [1] Dandaron BD. *Selected articles: Black Notebook. Materials for the biography. History of Kokunor. Sumpa Kenpo*. Saint Petersburg: Eurasia; 2006. (In Russian).
- [2] Dandaron BD. *Letters on Buddhist Ethics*. Saint Petersburg: Aleteyya; 1997. (In Russian).
- [3] Dandaron BD. *Thoughts of a Buddhist*. Saint Petersburg: Eurasia; 2022. (In Russian).
- [4] Sesemann V. *Aesthetics*. Amsterdam, New York: Rodopi; 2007.

Сведения об авторе:

Нестеркин Сергей Петрович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия (e-mail: sn3716@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-3055-5026

About the author:

Nesterkin Sergei P. — Doctor of Philosophical Science, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia (e-mail: sn3716@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-3055-5026

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-27-40>

EDN: NCGNIG

Научная статья / Research Article

Василий Сеземан и Ксения Милорадович: пересечения тем и биографий

Н.Х. Орлова

Новгородский государственный университет,
Российская Федерация, 173003, Великий Новгород,
Большая Санкт-Петербургская ул., д. 41

Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова,
Российская Федерация, 190068, Санкт-Петербург, Театральная пл., д. 3

nadinor@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена двум талантливым представителям российского университетского философского сообщества первой четверти XX в.: Василию Сеземану и Ксении Милорадович. Показано, что их университетские маршруты весьма схожи, насколько это было возможно для мужской и женской биографий их времени. Приводится наиболее полный список их оригинальных работ, опубликованных до 1922 г. Сопоставляется тематическая направленность их публикаций и журналы, в которых они публиковались. Анализируется переводческая деятельность. Это позволяет увидеть, что имена «молодежи»: Василий Сеземан, Ксения Милорадович, Сергей Гессен — чаще всего мы находим в изданиях, которые поддерживались известными философами Н.О. Лосским и С.Э. Радловым. На материале очерка Ксении Милорадович о Философском обществе подчеркивается, что они были хорошо знакомы друг другу по философскому цеху. Выявлены публикации Милорадович и Сеземана, выполненные в жанре рецензий и ранее не упоминаемые в их персональных библиографиях. Показано, что два исторических события: Первая мировая война (1914—1918) и революция 1917 г. — повлияли на публикационные возможности обоих философов. Однако до 1922 г. они продолжали быть активными участниками процессов возрождения философских изданий и философского общества. В жизни Сеземана и Милорадович имела место драма политических арестов, которые вмещались. Они вмещались в их философские биографии, но не помешали им оставить свой след в истории русской философии. В статье подчеркивается, что энтузиазм их творчества и драмы судеб могут служить примером жизненной стойкости и верности делу.

Ключевые слова: Философское общество, «Новые идеи в философии», Петербургский университет, Бестужевские курсы

© Орлова Н.Х., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 11.05.2022

Статья принята к публикации 15.12.2022

Для цитирования: Орлова Н.Х. Василий Сеземан и Ксения Милорадович: пересечения тем и биографий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 27—40. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-27-40>

Vasily Sesemann and Ksenia Miloradovich: Intercrossing Themes and Biographies

N.Kh. Orlova

Novgorod State University,
41 B. Petersburgskaya St, Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation
Saint-Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory,
3 Teatralnaya sq., Saint-Petersburg, 190068, Russian Federation
nadinor@mail.ru

Abstract. The article is devoted to two talented representatives of the Russian university philosophical community of the first quarter XX century: Vasily Sesemann and Ksenia Miloradovich. It's shown that their university routes are very similar, as far as it was possible for male and female biographies of that time. The most complete list of their original works published before 1922 is given. The thematic focus of their publications and journals in which they were published is compared and the translation activity is analyzed. This allows us to see that in publications names of the “youth”: Vasily Sesemann, Ksenia Miloradovich, Sergey Hessen most often are supported by famous philosophers N.O. Lossky and S.E. Radlov. Based on the material of Ksenia Miloradovich's essay about the Philosophical Society, it's emphasized that they were acquainted with each other in the philosophical workshop. The publications of Miloradovich and Sesemann made in the genre of reviews and not previously mentioned in their personal bibliographies, were revealed. It's also shown that two historical events: the First World War (1914—1918) and the revolution of 1917 influenced the publishing capabilities of both philosophers. Nevertheless, until 1922 they continued to be active participants in the processes of reviving philosophical publications and the philosophical society. Lives of Sesemann and Miloradovich had the pathos of the drama of political arrests that trimmed their philosophical biographies, but both managed to make their contribution to the history of Russian philosophy. The article emphasizes that the enthusiasm of their creativity and the drama of their destinies can serve as an example of vitality and loyalty to the work.

Key words: Philosophical Society, “New ideas in philosophy”, St. Petersburg University, Bestuzhev courses

Article history:

The article was submitted 11.05.2022

The article was accepted 15.12.2022

For citation: Orlova NKh. Vasily Sesemann and Ksenia Miloradovich: Intercrossing Themes and Biographies. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):27—40. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-27-40>

Введение

Василий Эмильевич Сеземан (1884—1963)¹ и Ксения Михайловна Милорадович (1882 — не ранее 1940)² являются талантливыми представителями так называемой «молодежи» петербургского университетского философского сообщества первой четверти XX века. Они формировались как философы под влиянием одних и тех же профессоров Санкт-Петербургского Императорского университета. Принадлежа к одному поколению, они впитали в себя идеалы своей эпохи, были блестяще образованы и оба не мыслили себя вне философских исканий. В их биографиях отразились драматические разломы Первой мировой войны, русских революций, политических репрессий. Говоря об их творческих маршрутах, ограничусь в формате данной статьи периодом первой четверти XX века. Точнее, 1922 г., поскольку позже их философические штудии реализовывались в разных географических координатах. К этому времени они уже были хорошо знакомы философскому сообществу по своим оригинальным статьям, рецензионным отзывам и переводческим работам. Библиография Василия Сеземана открывалась статьей «“Нил” Филострата: (Imag. 1,5)» (Отгиск из журнала «Гермес» № 6—8 за 1910 г.) и к 1922 г. насчитывала, по моим данным, десять работ, в которые я включила его диссертацию и выявленные мною три небольшие заметки в жанре рецензий, хотя они и не могут быть по объему соотнесены со статьями³. Список печатных работ Ксении Милорадович к 1922 г. насчитывал 38 наименований⁴. Кроме восьми оригинальных статей, в перечень я включила 11 словарных статей для Нового словаря Брокгауза и Эфрона, а также переводы и многочисленные рецензии (в том числе и выявленные в процессе подготовки данной статьи)⁵. Некоторые рецензии, безусловно, можно рассматривать как развернутые оригинальные статьи. Например, ее первая публикация о работе Густава Ле Бона «Психология социализма» [8], опубликованная в 1908 г., или рецензия на сборник «Вехи» [9].

Конечно, нельзя обойти стороной некоторые драматические совпадения в их персональных биографиях, которые относятся к более позднему времени. Должна уточнить, что фигура Ксении Милорадович рассматривается мною как равнозначительная ее ровесникам-философам.

¹ О нем см., например: [1—4] и др.

² О ней см. [5].

³ Замечу, что, опиралась на разрозненные сведения справочных изданий, в которых освещаются биография и творчество В. Сеземана, в том числе и Lietuvos filosofinės minties istorijos šaltiniai (см. [6]). К сожалению, ни одно из них не обладает полнотой, а в некоторых содержатся неловкие ошибки и искажения. Допускаю, что и приводимая мною статистика не может претендовать на исчерпывающую полноту.

⁴ Детальный список выявленных прижизненных публикаций К. Милорадович см. [5. С. 181—184].

⁵ О философских темах и стиле письма К. Милорадович см. [7].

Полагая, что полноценное исследование истории философии невозможно без учета всех идей, течений и имен, своей миссией вижу возвращение в культурную память женских имен.

Университетские маршруты и учителя

Василий Эмильевич родился в семье финляндского шведа Эмиля Германа Сеземана (врача по специальности)⁶ и Иды Марии (в девичестве Бекман) из семьи лифляндского министра с немецкими корнями. Прочитую слова коллеги В. Белова: «Василий Эмильевич был русским и европейским мыслителем без противопоставления одного другому. <...> Русская культура и русский язык являются в характеристике творчества В.Э. Сеземана той основой, на которой только и могла оформиться его европейскость» [10. С. 413—214]. Слова эти в полной мере применимы и к Ксении Милорадович, которая принадлежала к старинному сербскому роду, представители которого переехали в Россию в начале XVIII в. по приглашению Петра I. Самый знаменитый из Милорадовичей — герой войны 1812 г. граф Михаил Андреевич Милорадович (1771—1825) — русский военачальник и государственный деятель — был убит на Дворцовой площади 14 декабря 1825 г. Ксения Михайловна принадлежала к потомству Гаврилы (Гавриила Ильича). Ее дед Александр Михайлович Милорадович (1824—1877) — подполковник российской службы — при обострении политической ситуации на Балканах в 1876 г. командовал в сербской армии русско-болгарской добровольческой бригадой, а при начале Русско-турецкой войны присоединился к регулярной русской армии и погиб. Мать Ксении Милорадович — Надежда Александровна Ярошенко (ок. 1860 — не ранее 1936) — имела институтское образование, была сестрой известного нам художника Николая Александровича Ярошенко (1846—1898) и писательницы Софьи Александровны Савинковой (по мужу) — матери Бориса Савинкова⁷. Как видим, и Василий Сеземан, и Ксения Милорадович имели в своих родословных представителей разных европейских народов, но относили себя именно к русской культуре, впитав от своих предков любовь к России.

Они были почти ровесники. Разница в датах рождения в два года определила лишь то, что Милорадович шла по образовательным маршрутам с небольшим опережением. Оба начинали свое образование с гимназических штудий. Затем продолжили его у профессоров Санкт-Петербургского Императорского университета, выбрав сходный факультет — историко-филологический.

⁶ В Историческом архиве хранится личное дело врача Сеземана Эмилия-Германа. См.: ЦГИА СПб. Фонд 255. Описание 1. Дело 1608.

⁷ Борис Викторович Савинков (1879—1925) — русский революционер, руководитель Боевой организации партии эсеров, участвовавший в организации ряда громких террористических убийств и покушений. Известен также как писатель с литературным псевдонимом В. Ропшин.

В 1900 г. Ксения Милорадович поступила на Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, бывшие в то время лучшим высшим учебным заведением для женщин в России. Сеземан поступил (перевелся из Военно-медицинской Академии)⁸ на историко-филологическое отделение Петербургского университета в 1903 г. Программы преподавания на обоих отделениях были идентичные, и преподавали, по большей части, одни и те же профессора. Если говорить о кафедре философии университета, то непосредственно в эти годы она была представлена А.И. Введенским, В.Н. Сперанским, И.И. Лапшиным, С.И. Поварниным. На Бестужевских курсах философию в годы учебы Милорадович читали А.И. Введенский и И.И. Лапшин, а в 1907 г. там появились Н.О. Лосский и С.Л. Франк.

И Сеземан, и Милорадович были рекомендованы к оставлению на кафедрах. Это была практика, дававшая наиболее способным выпускникам возможность продолжать свои научные поиски под руководством того или иного профессора. Некоторые по рекомендации кафедры отправлялись в заграничные университеты для получения научной степени, другие же находили какую-нибудь должность при курсах, пробовали себя в практической преподавательской работе.

Процедура оставления предполагала ходатайство профессора — научного руководителя — и рекомендацию кафедры. Хорошо известно по документам, что именно профессор Введенский рекомендовал к оставлению Ксению Милорадович. В протоколе заседания историко-филологического факультета Бестужевских курсов от 8 сентября 1906 г. есть запись о прохождении такой процедуры по кафедре философии Милорадович [11. С. 95—96]. Через несколько дней этот вопрос был решен вполне положительно, о чем и свидетельствует протокол заседания Совета профессоров и преподавателей Бестужевских курсов 12 сентября 1906 г. [11. С. 97].

О Сеземане пишут, что он окончил университет в 1909 г. И сразу был рекомендован к оставлению. Смею предположить, что Сеземана рекомендовал кто-то из профессоров кафедры классической филологии, на которой он был оставлен. Как следует из сохранившегося в историческом архиве документа, за границу его командировала именно эта кафедра⁹. Во всяком случае, это не мог быть Н.О. Лосский, имя которого в некоторых источниках указывается как учителя Сеземана¹⁰. Более того, в воспоминаниях Лосского имя Сеземана упоминается лишь раз и никак не несет оттенка отношений «учитель-ученик»¹¹. Замечу, что воспоминания Лосского пестрят именами

⁸ Первоначально предполагалось служение медицине, как отец.

⁹ См.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.10353. Сеземан В. О командировании за границу, как оставленного при Университете по кафедре классической филологии. 1910.

¹⁰ См., например, [12].

¹¹ Сеземан упоминается в описании летнего отдыха в 1928 г. во Франции в местечке Pontaillass: в компании имен П. П. Сувчинского, Н. Н. Алексева, С. Ефрона (мужа писательницы Цветаевой), Карсавина (см. [13]).

его учеников и учениц (Бестужевских курсов и гимназии Стоюниной), следовательно, не в забывчивости причина. Как следует из воспоминаний Лосского о его маршрутах в те годы, в 1903 г. он защищал диссертацию на степень магистра философии «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма», а в апреле 1907 г. состоялась защита его докторской диссертации в Московском университете у профессора Лопатина. Лосский также вспоминает и о появлении «молодежи» в 1910-е гг.: «в Петербурге и в Москве появилась группа молодых людей, получивших философское образование преимущественно в Германии. Большинство из них были сторонниками трансцендентального идеализма; одни из них были последователями Риккерта, другие — Когена. Они основали в 1911 г. русское отделение международного журнала „Логос“. Редакторами были С.И. Гессен, Ф.А. Степун и Б.В. Яковенко» [13]. Лосский подчеркивал, что «молодежь» не совпадала с ним во взглядах.

Об этом упоминает и Ксения Милорадович в обзоре о деятельности обновленного состава Петербургского Философского общества. «В 1921 г. Философское Общество возобновило свои собрания. <...> в состав действительных членов Общества, сделавшихся постоянными посетителями его собраний, вошел ряд новых лиц: Данзас Ю.Н., Милорадович К.М., Лазаревский Н.И., Леонтьев В.В., Маржецкий М.Н., Колубовский И.Я., Иоф В.С., Франковский А.А., Андреев Ф.К., Беляев В.А., Зусман С.С., Спасский Л.Л., Казанский Б.В., Берг Л.С., Сеземан В.Э., Срезневский В.В., Останков П.А., Геллер И.С., Пищулин В.Ф., Кроленко А.А., Болдырев В.В., Котельникова О.М., Тубянский М.И., академик В.И. Вернадский и Н.⟨М.⟩ Коялович. <...> Новейшая философия была несколько в загоне, так что вернувшиеся из-за границы за несколько лет до войны молодые философы (из них назову С.И. Гессена и В.Э. Сеземана), которые завезли к нам из германских университетов борьбу школ [главным образом] Фрейбургской и Марбургской, — даже почувствовали одно время надобность в создании своего особого „молодого“ философского общества, где бы не чувствовалось немного высокомерного отношения „классиков“ к новаторам»¹². Вероятно, речь идет о Философском Собрании СПб. Из анонсов второго выпуска «Логоса» 1914 г. узнаем, что Философское Собрание в 1914 г. состоялось один раз. В.Е. Сеземан выступил на нем с докладом «О понятии зла в античной и современной философии».

Сеземан упоминается в одной связке с Гессеном, с которым Ксения Милорадович была весьма хорошо знакома. Из письма Радлову из Швейцарии (Июль 1912 г.): «<...> В Германии думаем проехать по Рейну и затем засесть где-нибудь в Шварцвальде возле Фрейбурга. Уверяю Вас, Эрнест

¹² В Петербургском филиале Академии наук сохранилась неопубликованная при жизни рукопись статьи «Петербургское Философское общество», написанной Ксенией Милорадович в 1922 г., вероятно, для публикации в журнале «Мысль» к 25-летию Петербургского Философского общества. Цитируется по: [14. С. 94—95].

Львович, что это не ради Гессена, который должен быть там, и губы которого Вам не нравятся¹³, и даже не ради Риккерта <...>» [5. С. 142].

К слову сказать, у Ксении Милорадович, оставленной при кафедре философии по окончании курса, ситуация с научным руководителем сложилась неудачно, так как в сентябре 1906 г. А. И. Введенский неожиданно покинул Бестужевские курсы и вернулся туда только в 1908 г. Но было и другое обстоятельство, повлиявшее на отношения с Введенским. Он развивал философское знание, последовательно ограждая его от метафизики. Область знания и область веры для Введенского были абсолютно отделены друг от друга, и таким образом знание ограничивалось опытными науками, а вера, как не обладающая научной достоверностью, выводилась за пределы науки. Для Милорадович же, наоборот, знание без метафизики, философия без веры и любви не имели значения. В ее работах прослеживается тяготение к религиозно-философской тематике.

О Сеземане в философском словаре говорится, что основная тема его философского творчества — это «проблема иррационального во взаимоотношении с рациональным, которая разрабатывалась на такой фундаментальной основе, как синтез глубинного платонизма русской философской культуры, восходящей к святоотеческой традиции, с философскими принципами неокантианства Марбургской школы и „идеями чистой феноменологии“ Гуссерля» [15].

Второе имя, с которым связано вхождение Ксении Милорадович в философское сообщество — Эрнест Львович Радлов, историк философии. Счастливая встреча с ним состоялась в 1907 г., из которой родился весьма плодотворный союз «учитель-ученица». И хотя складывался он за пределами курсовых аудиторий, но совсем скоро развился в добрую творческую дружбу на всю жизнь. Как главный редактор «Журнала Министерства народного просвещения» он способствует тому, что она была принята на работу в редакцию, где выполняла самые разные работы по подготовке журнала к выпуску, чем приобрела богатый издательский опыт. В будущем Ксения Милорадович смогла осуществить и собственный издательский проект, организовав журнал «Цельное знание» [16], миссия которого была ориентирована на переводы новейших религиозно-философских текстов¹⁴. Это была распространенная

¹³ В Государственном архиве в фонде Петроградского охранного отделения есть дневники наружного наблюдения за Гессеном Сергеем Иосифовичем (кличка «губастый»). См.: ГАРФ. Фонд № 111.Опись 1. № 780. Видимо, губы Гессена действительно обращали на себя внимание.

¹⁴ Имя редактора Милорадович указано после оглавления. Содержание сборника: Основные течения религиозно-философской мысли в современной Франции / К. М[илорадович]; Критическая теория религиозного познания / [О.] Сабатье; перевела Н. Муретова; Как следует ставить проблему Бога / [Э.] Ле Руа; перевела А. Кузнецова; Энциклика Папы Пия X против модернистов (*Pascendi Dominici gregis*) / перевели Д. Муретов и И. Селиханович; [Аннотированная] Библиография важнейших произведений по религиозной философии во Франции, появившихся в течение последнего десятилетия / [сост. при участии З. Ефимовской, А. Кузнецовой, Н. Муретовой и др.].

практика того времени, когда в академическое философское сообщество «молодежь» включалась не только через философские кафедры и семинарии, где выступали с докладами, но и через переводческие проекты, в которые их вовлекали профессора. Замечательный пример — «Новые идеи в философии» под редакцией Э.Л. Радлова и Н.О. Лосского. Для этого сборника Ксения Милорадович подготовила несколько переводов: Наторп П. «Кант и Марбургская школа» [17]; Гартман Э. «К понятию бессознательного» [18]; Брентано Ф. «О внутреннем сознании» [19]. Кстати, перевод Наторпа примыкал в одном из сборников к статье Василия Сеземана «Теоретическая философия Марбургской школы» в одной компании с такими работами, как «Мистицизм в современной философии» Э.Л. Радлова, «Невозможность теории познания» Л. Нельсона (в переводе Г.А. Котляра) и «Сознание и бытие» Р. Эйслера (в переводе Г.П. Федотова) (см. [20]).

Еще одной площадкой, где встречаем имена и Сеземана, и Милорадович, был журнал «Логос», который для вернувшейся в Россию «молодежи» становится заметной трибуной. Имя Гессена с 1914 г. фигурирует в нем в позиции «ответственный редактор» (Логос. 1914. Т. I. Вып. 2. С. 188). Насколько известно, одна из самых значительных публикаций Василия Сеземана того времени — «Рациональное и иррациональное в системе философии» — опубликована именно на страницах «Логоса» [21]. В этом же номере в разделе «Библиография» мы найдем небольшой анонс-рецензию, подготовленный Ксенией Милорадович и подписанный «М»¹⁵. Заметка посвящена Вильгельму Вундту, точнее, рецензионному анонсу его книги: Max Wundt. *Der Intellectualismus in der griechischen Ethik*. Leipzig, 1907. Она пишет: «<...> многие из его выводов являются спорными <...> Тем не менее, исследование Вундта заслуживает самого серьезного внимания, как первая попытка представить фундаментальную проблему античной этики в ее имманентном историческом развитии» (Логос. 1911. Кн. I. С. 229). Позже в 1913 г. она получит заказ от ЭСБЕ¹⁶ подготовить дополнение к основной статье, написанной Вл. С. Соловьевым, касающееся творчества В. Вундта после 1892 г. [22].

К слову сказать, среди более десятка статей, принадлежащих в этом словаре ее перу, есть примечательные статьи о философах Н. Бердяеве и А.И. Введенском. Возможно, в этом словаре есть и статьи, подготовленные Василием Сеземаном. Этот жанр был ему хорошо знаком. По крайней мере, на страницах «Логоса» мне встретились две его небольшие работы: рецензия на диссертацию Лесснера «Die platonische Lehre von den Seelenteilen nach Entwicklung, Wesen und Stellung innerhalb der platonischen Philosophie» [23] и рецензия на книгу Кн. С. Волконского «Выразительный человек; Выразительное слово» [24]. В этом же номере в разделе «Классики. История философии. Современные философы» находим на одной странице и две небольшие

¹⁵ Таким манером она иногда подписывала свои рецензии и словарные статьи.

¹⁶ Новый энциклопедический словарь. СПб.—Пг.: Изд-во Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1911—1916.

заметки за подписью М[илорадович]: L.Suali. *Introduzione allo studio della filosofia Indiana Pavia* и J.Burnet. *Die Anfänge der Griechischen Philosophie* (Логос. 1914. Том I. Выпуск 2. С. 336). Как мы помним, ее опыт рецензирования начинает складываться с 1908 г. на страницах «Журнал Министерства Народного Просвещения» (ЖМНП)¹⁷. Несомненно, что ее талант аналитика, философская эрудиция и выверенный энергичный стиль философского письма способствовали тому, что в этом престижном журнале нашли свое место и несколько ее статей: «Два учения о времени: Канта и Бергсона» (1913); «Условия возможности религиозной веры» (1916); «Суд и осуждение» (1917).

Драмы истории и возвращение в философское общество

К сожалению, и «Новые идеи в философии», и «Цельное знание», и журнал «Логос», деятельность которых связана с именами Сеземана и Милорадович, перестали выходить почти сразу после начала Первой мировой войны. В биографиях обоих есть страницы, связанные с добровольческим служением на фронтах в качестве медика (Сеземан) и сестрой милосердия (Милорадович). Затем вмешалась революция 1917 г. Привычные журналы так и не возобновили своей деятельности. Заметим, что публикации до революции неплохо оплачивались авторам. И Сеземан, и Милорадович теперь еще больше зависели от преподавательских заработков и совмещали писательскую деятельность (скорее в стол) с преподаванием в различных учебных заведениях, что подтверждают и архивные документы¹⁸. В справочнике «Наука в России» мы находим их имена почти на одной университетской территории. Имя Василия Сеземана указано в разделе преподавателей философии Санкт-Петербургского университета [25. С. 16]. Ксения Милорадович упоминается в описании состава Петроградского женского университета (бывшие Бестужевские курсы) [25. С. 24]¹⁹.

Последние «публикационные» совпадения Василия Сеземана и Ксении Милорадович были связаны с журналом «Мысль» (1922). В первом номере вышла статья Василия Эмильевича «Эстетическая оценка в истории искусства» [26]. Во втором номере — статья Ксении Михайловны «Роль метафизики в философии» [27]. Забавный казус мы находим в рецензии на этот второй номер, из которой видно, что рецензент и не подозревает, что автор с фамилией Милорадович — женщина... «С радостью мы констатируем, что работа философской мысли в России продолжается <...> Если бы не новое

¹⁷ Известно о ее семи развернутых рецензиях в этом журнале (1908—1913), в том числе и на «Введение в философию» Н.О. Лосского (1912).

¹⁸ См., например: ЦГИА СПб. Фонд 306. Опись 2. Дело 50. Училище с программой гимназий при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны (г. Петербург-Петроград): 1736—1918. Сеземан В.Э. Крайние даты — 1917.

¹⁹ Где-то рядом и добрый коллега С. Гессен. В Историческом архиве хранится документ о допуске Гессена Сергея Иосифовича к чтению лекций в качестве приват-доцента Императорского Петроградского университета. ЦГИА СПб. Фонд 14. Опись 1. Дело 10866. Петроград. 1819—1918. / Дела Совета. 1819—1916 гг.

правописание, то, судя по первому впечатлению, ничто не отличало бы послереволюционную „Мысль“ от старых „Вопросов философии и психологии“. <...> В оглавлении мы встречаем знакомые имена: А.И. Введенский, Э.Л. Радлов, Н.О. Лосский, Ф.Ф. Зелинский, Н.Н. Яковлев. *Не помню лишь К.М. Милорадовича* (курсив наш. — Н. О.). <...> Интересна по затронутым проблемам, хотя и несколько смутно написана статья *Милорадовича* „Роль метафизики в философии“. Тезис автора — метафизика не есть знание и не должна быть знанием» [28. С. 376—378].

Двумя важнейшими для Сеземана и Милорадович работами в журнале «Мысль» символически завершилось не только совпадение издательских территорий двух талантливых представителей русской университетской философии, но завершилась и сама возможность совпадать. С 1922 г. привычное обоим философическое сообщество в пределах России прекратило свое существование. Закрывались журналы, в которых они публиковались. Василий Сеземан после 1922 г. занимался писательством уже в эмиграции, а Ксения Милорадович после 1922 г., хотя и работала много, но ничего не опубликовала. Из ее писем Радлову мы знаем, что в 1920—1921 гг. ею по заказу издательства З.И. Гржебина²⁰ были подготовлены две книги: «Психология: учебник» и «Что такое наука». Обе книги в свет не вышли, хотя, как следует из писем, рукописи были именно приобретены издательством. Местонахождение рукописей неизвестно. В письмах к Радлову упоминается и заказ на перевод П.А. Гольбаха, который был получен в 1921—1922 гг. Милорадович должна была его выполнить совместно с О.А. Водовозовой²¹. Какое именно произведение переводилось и по заказу какого издательства, установить не удалось; местонахождение рукописи неизвестно. Из более раннего новогодне-поздравительного (1918/1919) письма к Эрнесту Львовичу узнаем еще об одном тексте, в работу над которым она вкладывала особые смыслы, и который просила Радлова прочесть: «сообщаю Вам, что, желая быть достойной Вас ученицей, я пишу гениальное произведение, называемое “Введением в философию”» [5. С. 156—157]. Неизвестна дальнейшая судьба и этого текста.

Вместо заключения

В судьбе Василия Сеземана и Ксении Милорадович состоялось еще одно — трагическое совпадение: оба прошли через аресты и ссылки. Он несколько позже, чем она, и все-таки успел реабилитироваться при жизни. Она сгинула в лагерях (точная дата и место неизвестны), и реабилитация пришла

²⁰ В предисловии И. Савкина, подготовившего первую публикацию статьи Сеземана «Основы славянофильства», упоминается, что в Берлине некоторое время молодой профессор Василий Эмильевич Сеземан зарабатывал на жизнь в издательстве Гржебина (см. [29. С. 64]).

²¹ Ольга Александровна Водовозова (1882—1933), дочь философа А.И. Введенского. После революции эмигрировала в Прагу. В воспоминаниях Лосского описывается драма ее вольного ухода из жизни после самоубийства мужа Василия Васильевича Водовозова (после победы гитлеризма в Германии он впал в глубокую депрессию) (см. [13. С. 116]).

к ней много позже посмертно. В уголовном деле № П-18325 в отношении Милорадович Ксении Михайловны, которое в настоящее время находится в архиве УФСБ России по Самарской области, сохранились, к счастью, рассказы мемуарного характера и черновики ее философско-публицистической работы 1918 г. «Черная критика: (о К.—Д-тах и о большевиках)». Именно эта статья была ей вменена при аресте как контрреволюционная. В ответ на мое обращение в архив мне были присланы копии всех рукописей и личных документов, сохранившихся в деле. Рассказы мемуарного характера вошли в книгу избранных работ Ксении Михайловны [30].

В одном из писем Радлову в 1922 г. Ксения Милорадович написала: «Вся моя беда в том, что у меня есть *моя истина*, которая ростом гораздо больше меня самой. Я знаю, что если бы когда-нибудь мне удалось сказать ее во всей полноте, то это было бы что-то очень важное и значительное» [5. С. 162].

Какой писатель не мечтает успеть высказать себя во всей полноте... Какой писатель не верит, что у него есть для мира нечто очень важное и значительное... Мечтали об этом и Ксения Михайловна Милорадович и Василий Эмильевич Сеземан. Они формировались и заявили о себе как философы в первой четверти XX в. К сожалению, вихри Первой мировой войны, революция 1917 г., аресты и ссылки сыграли драматическую роль в их биографиях и не позволили, вероятно, осуществиться всем творческим замыслам и мечтам. Но, если сегодня, сто лет спустя, мы вновь и вновь возвращаемся к их биографиям, идеям и текстам, значит, они все же успели сказать миру нечто очень важное и значительное.

Список литературы

- [1] Белов В.Н. В.Э. Сеземан — систематик русского неокантианства // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 121—127.
- [2] Botz-Bornstein T. Vasily Sesemann Experience, Formalism and the Question of Being. Amsterdam, New York : Rodopi, 2006.
- [3] Чардобын Б. Философия Василия Сеземана и марбургское неокантианство // Кантовский сборник. 2015. Т. 3. № 53. С. 66—85. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2015-3-5>
- [4] Йонкус Д. Философия Василия Сеземана: неокантианство, интуитивизм и феноменология // HORIZON. Феноменологические исследования. 2017. Т. 6. № 1. С. 79—96.
- [5] Востриков А.В., Орлова Н.Х. Ксения Милорадович: судьба, письма, творчество: в 2 ч. Ч. 1: Хроника жизни в документах и письмах. СПб. : Парадигма, 2018.
- [6] Mureika J., Pleckaitis R. Sesemanas Vosylius // Lietuvos filosofinės minties istorijos šaltiniai. Т. 2. Vilnius : Mintis, 1991. P. 269—288.
- [7] Орлова Н.Х. Ксения Милорадович и главный интерес ее жизни [Вступ. ст.] // Милорадович К.М. У меня есть моя истина... Избранное / сост., ред., вступ. статья и примеч. Н.Х. Орловой. СПб. : Парадигма, 2020. С. 5—37.
- [8] Милорадович К.М. Рец.: Густав Ле Бон. Психология социализма // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1908. Ч. XVII. С. 383—398.
- [9] Милорадович К.М. Рец.: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1909. Ч. XXII. С. 423—434.

- [10] Белов В. Современные исследования творчества Василия Сеземана за рубежом // HORIZON. Феноменологические исследования. 2017. Т. 6. № 2. С. 411—424.
- [11] С.-Петербургские Высшие женские курсы за 1906/07 г. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1908.
- [12] Сеземан Василий Эмильевич // Биографика. Режим доступа: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/780-sezeman-vasiliy-emil-yevich.html> (дата обращения: 15.04.2022).
- [13] Лосский Н.О. Воспоминания: жизнь и философский путь. М. : Викмо-М: Русский путь, 2008. Режим доступа: <https://predanie.ru/losskiy-nikolay-onufrievich/vospominaniya-2/chitat/> (дата обращения: 15.04.2022).
- [14] Милорадович К.М. Петербургское Философское общество // У меня есть моя истина... Избранное / сост., ред., вступ. статья и примеч. Н.Х. Орловой. СПб. : Парадигма, 2020. С. 85—99.
- [15] Абрамов А.И. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М. : Мысль, 2010. Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH21209146aecasab3b76221> (дата ата обращения: 15.04.2022).
- [16] Современные течения религиозно-философской мысли во Франции: [сборник переводов / под ред. и со вступ. статьей К. М. Милорадович]. Пг. : Тип. Н. П. Зандман, 1915.
- [17] Натопн П. Кант и марбургская школа / пер. К.М. Милорадович // Новые идеи в философии. Сб. 5: Теория познания. 2 / под ред. Н.О. Лосского, Э.Л. Радлова. СПб. : Образование, 1913. С. 93—132.
- [18] Гартман Э. К понятию бессознательного / пер. К.М. Милорадович // Новые идеи в философии. Сб. 15: Бессознательное / под ред. Н.О. Лосского, Э.Л. Радлова. СПб. : Образование, 1914. С. 1—23.
- [19] Brentano Ф. О внутреннем сознании / пер. К.М. Милорадович // Новые идеи в философии. Сб. 15: Бессознательное / под ред. Н.О. Лосского, Э.Л. Радлова. СПб. : Образование, 1914. С. 24—48.
- [20] Новые идеи в философии. Сб. 5: Теория познания. 2 / под ред. Н.О. Лосского, Э.Л. Радлова. СПб. : Образование, 1913.
- [21] Сеземан В. Рациональное и иррациональное в системе философии // Логос. 1911. Кн. 1. С. 93—122.
- [22] Вундт В.М. [дополнение] // Новый энциклопедический словарь. 1913. Т. 11. С. 934—935.
- [23] Сеземан В.А. Рец.: Leissner. Die platonische Lehre von den Seelenteilen nach Entwicklung, Wesen und Stellung innerhalb der platonischen Philosophie // Логос. 1912—1913. Т. 1/2. С. 358—359.
- [24] Сеземан В. Рец.: Кн. С. Волконского «Выразительный человек; Выразительное слово» // Логос. 1914. Т. I. Вып. 2. С. 355—356.
- [25] Наука в России: Справочный ежегодник. Вып. 1: Петроград: Данные к 1 янв. 1918 г. / под набл. С.Ф. Ольденбурга. Петроград : Рос. гос. акад. тип., 1920.
- [26] Сеземан В.Э. Эстетическая оценка в истории искусства (К вопросу о связи истории искусства с эстетикой) // Мысль. 1922. № 1. С. 117—147.
- [27] Милорадович К.М. Роль метафизики в философии // Мысль. 1922. № 2. С. 58—67.
- [28] Шлецер Б.Ф. Рец. на журн.: Мысль: Журнал Петербургского философского общества / под ред. Э.Л. Радлова и Н.О. Лосского. 1922. № 2 // Современные записки. 1922. Кн. XII. Критика и библиография. С. 376—378.
- [29] Савкин И.А. Сеземан В.Э. Основы славянофильства // Начала. 1992. № 4. С. 64—72.
- [30] Милорадович К.М. У меня есть моя истина... Избранное / сост., ред., вступ. статья и примеч. Н.Х. Орловой. СПб. : Парадигма, 2020.

References

- [1] Belov VN. Sesemann VE — systematist of russian neo-kantianism. *Voprosy filosofii*. 2012; 4:121—127. (In Russian).
- [2] Botz-Bornstein T. *Vasily Sesemann Experience, Formalism and the Question of Being*. Amsterdam, New York: Rodopi; 2006.
- [3] Chardybon B. The philosophy of Vasily Seseman and marburg neo-kantianism. *Kantovskii sbornik*. 2015;3(53):66—85. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2015-3-5> (In Russian).
- [4] Jonkus D. The philosophy of Vasily Seseman: neo-kantianism, intuitionism and phenomenology. *HORIZON. Studies in Phenomenology*. 2017;6(1):79—96. (In Russian).
- [5] Vostrikov A, Orlova N. *Ksenia Miloradovich: destiny, letters, works: In 2 parts. Part 1: Chronicle of life in documents and letters*. Saint Petersburg: Paradigm; 2018. (In Russian).
- [6] Mureika J, Pleckaitis R. *Sezemanas Vosylius*. In: *Lietuvos filosofinės minties istorijos šaltiniai. Vol. 2*. Vilnius: Mintis; 1991. P. 269—288. (In Lithuanian).
- [7] Orlova N. *Ksenia Miloradovich and the Main interest of her life* [Intro. art.] In: Miloradovich KM. *I have my truth... Favorites / Comp.*, ed., intro. article and note by Orlova NKh. Saint Petersburg.: Paradigm; 2020. P. 5—37. (In Russian).
- [8] Miloradovich KM. Review: Gustave Lebon. Psychology of socialism. *Journal of the Ministry of Public Education. A new series*. 1908;XVII:383—398. (In Russian).
- [9] Miloradovich KM. Review: Vekhi. Collection of articles about the Russian intelligentsia. *Journal of the Ministry of Public Education. A new series*. 1909;XXII:423—434. (In Russian).
- [10] Belov V. On some Modern Investigations on the Works of V. Sesemann outside of Russia. *HORIZON. Studies in phenomenology*. 2017;6(2):411—424. (In Russian).
- [11] St. Petersburg High Women Courses for 1906/07. Saint Petersburg: Yu. N. Erlikh; 1908. (In Russian).
- [12] Sesemann Vasily Emilievich. *Biography*. Available from: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/780-sezeman-vasiliiy-emil-yevich.html> (accessed: 15.04.22). (In Russian).
- [13] Lossky NO. *Memoirs: life and philosophical path*. Moscow: Vikmo-M: Russian way; 2008. Available from: <https://predanie.ru/losskiy-nikolay-onufrievich/vospominaniya-2/chitat/> (accessed: 15.04.22). (In Russian).
- [14] Miloradovich KM. *St. Petersburg Philosophical Society*. In: *I have my truth... Favorites / Comp.*, ed., intro. The article and notation by Orlova NKh. Saint Petersburg: Paradigm; 2020. P. 85—99. (In Russian).
- [15] Abramov AI. *Sesemann*. In: *The New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes*. Moscow: Mysl; 2010. Available from: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH21209146aeca3b76221> (accessed: 15.04.22). (In Russian).
- [16] Modern trends of religious and philosophical thought in France: [collection of translations / ed. and intro. by Miloradovich KM]. Petrograd; 1915. (In Russian).
- [17] Natorp P. *Kant and the Marburg School*. Miloradovich KM, transl. In: Lossky NO, Radlov EL, editors. *New ideas in philosophy. Coll. 5: The knowledge theory. 2*. Saint Petersburg: Obrazovanie; 1913. P. 93—132. (In Russian).
- [18] Hartman E. *Towards the concept of the unconscious*. Miloradovich KM, transl. In: Lossky NO, Radlov EL, editors. *New ideas in philosophy. Coll. 15: The consciousness*. Saint Petersburg: Obrazovanie; 1914. P. 1—23. (In Russian).
- [19] Brentano F. *About inner consciousness*. Miloradovich KM, transl. In: Lossky NO, Radlov EL, editors. *New ideas in philosophy. Coll. 15: The consciousness*. Saint Petersburg: Obrazovanie; 1914. P. 24—48. (In Russian).
- [20] Lossky NO, Radlov EL, editors. *New ideas in philosophy. Coll. 5: The knowledge theory. 2*. Saint Petersburg: Obrazovanie; 1913. (In Russian).

- [21] Sesemann VE. Rational and irrational system of philosophy. *Logos*. 1911;1:93—122. (In Russian).
- [22] Wundt WM [supplement]. *A new encyclopedic dictionary*. 1913;11:934—935. (In Russian).
- [23] Sesemann V. Review: Leissner. Die platonische Lehre von den Seelenteilen nach Entwicklung, Wesen und Stellung innerhalb der platonischen Philosophie. *Logos*. 1912—1913;1—2:358—359. (In Russian).
- [24] Sesemann V. Review: S. Volkonsky's books. An expressive person; An expressive word. *Logos*. 1914;1(2):355—356. (In Russian).
- [25] Oldenburg SF, editor. Science in Russia: Reference yearbook. Issue 1: Petrograd: Data at January 1, 1918. Petrograd: Ros. Gos. Acad. Ed.; 1920. (In Russian).
- [26] Sesemann VE. Aesthetic evaluation in the history of art (On the question of the connection history of art and aesthetics). *Thought*. 1922;1:117—147. (In Russian).
- [27] Miloradovich KM. The role of metaphysics in philosophy. *Thought*. 1922;2:58—67. (In Russian).
- [28] Shletzer BF. Review of the journal: “Thought”: Journal of the St. Petersburg Philosophical Society. Radlov EL and Lossky NO, editors. 1922;2. *Modern Notes*. 1922;XII:376—378. (In Russian).
- [29] Savkin IA. Sezeman VE. Fundamentals of Slavophilism. *Beginnings*. 1992;4:64—72. (In Russian).
- [30] Miloradovich KM. *I have my truth... Favorites / Comp.*, ed., intro. article and note by Orlova NKh. Saint Petersburg.: Paradigm; 2020. (In Russian).

Сведения об авторе:

Орлова Надежда Хаджимерзановна — доктор философских наук, профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; профессор, Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова, Санкт-Петербург, Россия (e-mail: nadinor@mail.ru). ORCID: 0000-0002-3956-9574

About the author:

Orlova Nadezda Kh. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia; Professor, Saint-Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, Russia (e-mail: nadinor@mail.ru). ORCID: 0000-0002-3956-9574

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-41-51>

EDN: NFBOVR

Research Article / Научная статья

The Concept of Consciousness in Vasily Sesemann's Manuscripts

Dalius Jonkus

Vytautas Magnus University,
58, K. Donelaičio, 44248, LT-44243, Kaunas, Lithuania
phenolt@yahoo.com

Abstract. Vasily Sesemann's manuscript *Self-Knowledge, Self-Consciousness and Objectification* explores the relationship of consciousness with self-consciousness and the subconscious, as well as various forms of objectification of consciousness. This manuscript can be attributed to a group of manuscript texts that discuss the origin of consciousness and the metaphysical relationship between matter and spirit. Sesemann studied consciousness, describing it as an intentional experience and rejecting its naturalistic explanations. Sesemann revealed the irreducibility of life to physiological chemical processes and, at the same time, rejected the dualistic opposition of spirit and matter, soul, and body. The article aims to show that the concept of consciousness formulated by Sesemann is phenomenological. The philosopher rejects naturalistic and objectivist explanations of consciousness. Consciousness must be explored as an experiential subjectivity, not as an object. Sesemann criticizes naturalistic psychology and argues that consciousness is an intentional activity in the world. Consciousness is embodied self-awareness and empathic connection with other living beings.

Keywords: self-knowledge, consciousness, self-consciousness, objectification, phenomenology, life, empathy

Article history:

The article was submitted on 25.05.2022

The article was accepted on 01.12.2022

For citation: Jonkus D. The Concept of Consciousness in Vasily Sesemann's Manuscripts. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):41—51. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-41-51>

Introduction

Vasily Sesemann is primarily known as a philosopher who created a transcendental system of critical realism. His philosophy emphasizes the primacy of direct intuitive experience of the world around. The intuitive aesthetic experience of the world serves as the basis of all logical and scientific constructions. Sesemann argues that the life of consciousness is impossible without various objectifications

© Jonkus D., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

and embodied self-consciousness. Thus, the philosopher's theory of knowledge and aesthetics presupposes an original theory of consciousness. In manuscripts on the relationship between matter and spirit found in the manuscript archive of Vilnius University, as well as in *Self-Knowledge, Self-Consciousness, and Objectification*, Sesemann elaborates an ontology of consciousness, in which he scrutinizes the nature of consciousness, its objectification and the relationship with the subconscious, emotions, and volitional action. Researchers of Sesemann's philosophy often interpret his views as an extension of neo-Kantian philosophy [1—3], but I insist that Sesemann's theory of knowledge and aesthetics must be understood in the context of early phenomenology [4—6]. Sesemann, in his study on objectifying and non-objectifying knowledge, had already tried to show that consciousness is interconnected with self-consciousness, and this interconnection involves a dynamic process of interaction between consciousness and subconsciousness. I discussed these problems in an article in which I compared Sesemann's and Moritz Geiger's positions [7]. Manuscript studies on the nature of consciousness essentially complement this concept. Sesemann indicates the non-reducibility of the life of consciousness to physiological and chemical processes and simultaneously rejects the dualistic opposition of spirit and matter, soul, and body. The article aims to show that the concept of consciousness the philosopher elaborates is essentially phenomenological.

Sesemann's "Metaphysical-Anthropological" Manuscripts and the Philosophy of Nature

In Sesemann's heritage, there is a collection of manuscripts that can be conventionally called "metaphysical-anthropological." Presumably, most of these are fragments of the philosopher's last major work entitled *The Relationship of Spirit and Matter* which was written in a camp in Tayshet in 1950—1955 г. [9]. Fragments of this treatise also include the manuscripts *Self-Knowledge, Self-Consciousness and Objectification* [10] and *Subjective and Objective Attitudes of Consciousness, Their Difference and Relationship* [11]. The cross-cutting theme that unites all these texts is the problem of consciousness and its nature. The philosopher explores the biological roots of consciousness and exemplifies how spirit and matter are intertwined in embodied consciousness. Sesemann argues that the concepts of physical or physiological determinism do not allow us to understand the life of consciousness. To know consciousness, one must rethink the philosophical assumptions of biology. So Sesemann explores questions about the philosophy of nature and tries to show that nature must be understood as subjective life and that there is an expedient order in nature. The integrity of the laws of nature cannot be explained if nature is studied only as a subject of natural science. An understanding of nature requires a metaphysical knowledge of the relationship between spirit and matter. Sesemann was interested in the problems of the philosophy of nature as a university lecturer. There is a preserved typewritten Lithuanian version of his special course *Philosophy of Organic Nature* [12], which

was delivered at Vytautas Magnus University (Kaunas) even before World War II. Sesemann states that the natural sciences divide complex phenomena into separate elements and establish the principles of these elementary processes. Yet, we must also focus on those facts that testify to the presence in nature of structural regularities and peculiar *gestalts*, which do not depend on the quantitative side of these processes. Sesemann suggests that in inanimate and living natures the laws of structurally organized integrity are active [12. P. 84].

Sesemann, evidently, was familiar with the latest achievements of 20th-century science. In his manuscripts, the philosopher often cites examples from the latest theories of biology, physiology, physics, and cosmology. Sesemann interprets these concepts and critically reevaluates the metaphysical assumptions of the natural scientific approach. He tries to avoid the limitations of the object approach and understands nature not as the sum of individual elements but as a structured whole. Sesemann adopts the view that nature is rational and that the human mind is just one form of this rationality.

Biological Foundations of Consciousness

In the first half of the 20th century, numerous philosophers paid particular attention to the philosophy of life and to the studies of the philosophical problems of biology. A conviction formed that positivist materialism and a mechanical explanation of life were incapable of revealing the essence of vitality. Henri Bergson and Wilhelm Dilthey proposed that life be studied not by natural scientific methods, but by methods that could reveal the non-reducible specificity of life. The relationship between nature and spirit was explored not only by philosophers of life but also by phenomenologists.

Edmund Husserl, after his discussions with Dilthey at the beginning of the 20th century, devoted several lecture courses to the topic “Nature and Spirit” [13; 14]. Building on the ideas of Bergson, Dilthey, and Husserl, philosophers such as Nicolai Hartmann, Max Scheler, and Helmuth Plessner developed a philosophical anthropology that combined human knowledge with a critical understanding of the philosophical foundations of biology. Plessner, e.g., was convinced that the question of life was the central question of 20th-century philosophy. The thinker argued that anthropology should make use of the achievements of empirical research in biology since man is the most evolutionarily developed organic being, whose vital expression of the spirit is inextricably linked to his bodily nature. Biology and the philosophy of nature must be understood when rejecting the naturalistic interpretations that characterize the natural scientific approach. The task of philosophy is to use the accumulated experience of understanding life in the sciences of spirit [15. P. 76—77].

Sesemann’s studies of consciousness echo the ideas of Bergson, Scheler, and Plessner. Sesemann published in 1930 an extensive review in the Lithuanian language of Plessner’s major work *Steps of the Organic and Man: Introduction to Philosophical Anthropology* [16]. In the review, the Lithuanian philosopher

specifically emphasized the unified basis of biology and anthropology, as well as the criticism of naturalistic positivism. This review can be considered an introduction to later studies of the relationship between matter and spirit. Sesemann argued it is most important to study the living organism and how the relationship between body and soul is realized in it. The philosopher criticized the dualism of body and spirit and called for a reliance on the direct experience of life. Sesemann agreed with those philosophers of life who rejected Cartesian dualism and defended the non-reducibility of life to material processes. Life cannot be understood from the dualistic division of body and soul. Life cannot be explained by physics, chemistry or solely based on physiology and anatomy. Life must be understood as intensely interconnected with the surrounding world [16. P. 75]. The organism must be able to orient itself in space and feel the dynamic change of its body position. This wouldn't be possible without the experience of one's body. Sesemann states that the ability to experience one's own body in connection with the surrounding world and to distinguish one's own body from other bodies distinguishes a living organism from a machine mechanism [16. P. 76].

Life as an Interconnection of Matter and Spirit

Sesemann, analyzing the relationship between matter and spirit, tries to show that in matter there is already a desire for consciousness and a desire for perfection. The philosopher is convinced that the study of the vital foundations of anthropology is impossible without posing metaphysical questions. The latter should indicate possible answers about the meaning and values of human existence. The study of the unity of matter and spirit, according to Sesemann, presupposes two metaphysical foundations. First, the structure of the universe and all the processes occurring in it are rational in the sense that they are governed by the laws of a single system in the world. The general laws of the system are specified and manifest in certain areas. The organization of cosmic rationality is manifested because the individual parts or elements are subordinated to the whole by their structures and dynamics, and the individual laws gain purposefulness. Second, Sesemann argues that the individual domains of being are coordinated with each other and that the higher layers are based on the lower ones. Plants are grounded in inanimate nature, and the animal world is grounded in the plant world. Some argue there is a historical-evolutionary relationship between the lower, simpler forms of being and the higher, more complexly organized ones. Thus, the ability of matter to evolve and move from lower forms of organization to higher ones is recognized. It is a process of differentiation in which the spiritual beginning manifests itself [9. P. 26].

Sesemann's metaphysical manuscripts in the Vilnius manuscript archive are sometimes difficult to understand because they are fragmentary. Some of them are untitled, and the order is difficult to determine. However, it can be stated that the main thoughts repeat the aspects of the philosophy of nature already mentioned. In them, Sesemann concludes about the fundamental unity of spirit and matter. First, spirit and matter cannot be juxtaposed and dualistically opposed to one another as

independent of one another; their distinction and opposition are secondary, derivative, and can only be understood based on their fundamental unity. Sesemann states that the material can only be material in the sense of modern science by encapsulating the spiritual; the spiritual cannot otherwise manifest and operate as in the material and through the material. Distinction and opposition between spirit and matter are possible only based on their synthesis and interrelation. Second, the unity and interrelation of the spiritual and the material manifest itself above all in the field of knowledge and scientific knowledge. Sesemann believes the spiritual is cognized only in and through the sensuous material. Third, the connection and unity of the spiritual and the material in human existence itself also determines the two basic attitudes of human knowledge: the object or objective attitude and the subject or subjective attitude, and the relationship between these two attitudes. This relationship is revealed in the basic cognitive correlation between subject and object. Despite all the positivistic attempts to investigate psychic life based on the “objective” method, to subordinate psychology to physiology, to explain the spiritual from the material, Sesemann confesses that knowledge is not exhausted by the subject aspect alone, behind it there is always the subject aspect hidden in the unconscious, revealing itself only in the self-conscious, reflective consciousness of itself [9. P. 26].

The knowledge of the unity of spirit and matter is fundamental to Sesemann’s entire system of philosophy. The ontological monism of spirit and matter substantiates the materially sensual phenomenality of the spiritual (theory of knowledge, aesthetics, philosophy of culture). Spirit must be expressed sensually and embodied materially. Finally, the corporeal embodiment of a spiritual being cannot be reduced to objectivity. Human and natural beings must be cognized through a subjective attitude. The pinnacle of the knowledge of consciousness and its nature is the consciousness of the self as a subject, in its non-objective being. Thus, we can affirm that the correlation between object and subject turns into a correlation between objective and subjective existence. These correlations are grounded in the unity of spirit and matter.

Consciousness and Self-Consciousness

Sesemann understands consciousness as a dynamically developing whole in which self-consciousness is implicitly present. This self-consciousness is the basis of self-knowledge. The development and deepening of consciousness are based on the ability to recount self and to be aware of self without turning consciousness into an alienated object. Sesemann revealed the relationship between consciousness and self-consciousness in his works *On the Problem of Pure Knowledge* [17], *Subject and Non-subject Knowledge* [18], and *The Rational and the Irrational* [19]. The philosopher argued that the main feature of self-consciousness is the direct and pre-reflexive awareness of self. Pre-reflexive self-consciousness is the basis of objectified self-consciousness. Consciousness and self-consciousness are not two separate acts, but coexist in unity, complementing each other. Consciousness and self-consciousness coexist in every activity, be it thinking, perceiving, imagining,

or remembering. Sesemann also returns to the relationship between consciousness and self-consciousness in his text *Self-Consciousness, Self-Consciousness and Objectification*.

The relationship between consciousness and self-consciousness is evident in all experiences and is the basis of a person's identity. The presence of self-consciousness in consciousness is the basis of the unity of the self (I). The human self is a sedimentation of the activity of self-consciousness. Sesemann argues that in self-consciousness, there is no separation into subject and object. Self-consciousness creates the possibility of self-knowledge by direct and pre-reflexive self-perception. Just as importantly, self-consciousness is corporeal — it is not simply embedded in the human body. Self-consciousness is an integral part of experiencing one's own body. Experiencing one's own body is radically different from experiencing someone else's body. Self-consciousness in this sense is bodily self-awareness. It should be noted that Sesemann has described the experience of living one's own body in a variety of his studies. For instance, in *Gnoseology*, published in Lithuanian in 1931, the philosopher separated two approaches to corporeality: "We can unravel our body in two ways: either in the same way as other bodies, i.e., by examining or touching; or in a way in which other bodies are not available to us, namely, we realize our body by inner organic sensations; and only these inner organic sensations allow us to separate our body from any other one" [20. P. 296]. Sesemann also studied the problems of embodied consciousness and the objectified body in his *Time, Culture and Body. To the Knowledge of the Cultural Tasks of Our Time* [21]. He developed the phenomenology of corporeality under the influence of Scheler and Plessner [9]. Husserl's research at the moment was not yet widely available. The corporeality of consciousness and its relationship to biological reflexes and instincts is an important topic of reflection in many of Sesemann's camp manuscripts.

The Objectification of Consciousness

Sesemann is continually turning to subject and non-subject (objectifying and non-objectifying) knowledge. In *Self-Knowledge, Self-Consciousness, and Objectification*, he critiques various forms of objectification of consciousness. Sesemann believes that the natural-scientific approach simplifies consciousness and fails to grasp the specifics of subjective being. Consciousness is most often reduced to material processes and substance. The same is true of corporeality. The living body is investigated the same way as any other body. Thus, consciousness is removed from corporeality. Reduction of the living body to physical and chemical elements leads to complete desubjectification of corporeality. The natural-scientific approach seeks to remove any manifestation of anthropomorphism, yet it simplifies the embodiment of a living nature. The phenomenon of psychic subjectivity should be investigated by psychology. After all, in the experience of the world, not only the properties of objects are given but also the experiences of the particular subject. However, in psychology, especially in its naturalistic version, the subjectivity of consciousness is not the main topic of research. Sesemann emphasizes that

psychology assumes a parallelism of mental and physiological phenomena but reduces mental phenomena to physiological ones. Psychology, influenced by positivism, understands the psyche as dependent on its material beginnings. Consciousness becomes an epiphenomenon of physical phenomena [10].

From Sesemann's standpoint, we should not speak of the causal determination of the psyche, but of the interaction of physical and mental phenomena. If the psyche is understood as a determinate object, then the subjective aspect is definitively removed from it. Any self-observation turns into the knowledge of an external object. An opposition between the observer and the observed is asserted. The objectification of self-observation leads to a distancing from the self and undermines the direct connection with the self. Sesemann argues with behaviorism, which insists on objectifying the relationship with the self and rejecting self-observation as a method of psychology. He believes that even the denial of self-observation does not mean a complete rejection of implicit self-consciousness, which is assumed in any form of psychological knowledge grasping at comprehending the meaning of mental experiences [10]. Indicatively, this critique of objectivism and the denial of the naturalistic approach to the study of consciousness are entirely consistent with the phenomenological approach as represented in the works of Husserl and Merleau-Ponty.

Another, no less important feature of objectification, according to Sesemann, is that the scientific knowledge of thinking is impossible without logical objectification. The philosopher argues that the fixation of thinking structures by logical forms requires unambiguous definitions. Thinking is subject to logical laws. Living thought is objectified and takes the form of concepts, judgements, and deductions. The objectification of thought, according to Sesemann, takes place in logic and through language or other forms of sensual symbolization. We can say that Sesemann understands symbolization as the essence of any — not only scientific but also cultural or artistic — objectification.

Symbolism is inherent in any knowledge or aesthetic experience, which begins with direct intuition and transforms into objectified forms of formalized knowledge. Sesemann strives to highlight the compatibility of forms of direct intuitive knowledge with forms of objectified symbolic knowledge. Knowledge is primarily directed toward knowledge of the external world and only incidentally comes to an understanding of subjective being.

Sesemann understands consciousness as a practical interaction with the environment. Consciousness, as a volitional action, is inherently rational because consciousness considers and evaluates the circumstances in which we must act. This rationality and adaptability of action are objectified in habits. Habit is a kind of sedimentation of behavioral schemes. The philosopher believes habits are not the basis of rationality, but, on the contrary, habit as a scheme of action is possible to the extent that it is rationally grounded.

To summarize, it can be argued that Sesemann understands objectification as a twofold process. On the one hand, objectification destroys the subjectivity of consciousness and objectifies its living nature. Objectification, like symbolization,

is necessary for the development of consciousness, the acquisition of formalized knowledge, and the achievement of aesthetic expression. We can speak of a peculiar dialectical correlation between the objective and the subjective in Sesemann's philosophy. Ontologically, subjectivity is not only justified by objectivity but also justifies objectivity itself. Subjectivity becomes a necessary part of the dynamic development of objectivity.

Emotional Core of Psyche and Sub-Consciousness

Sesemann argues that subjective feelings and moods are revealed, developed, differentiated, and realized through objectification and symbolization. Without this, feelings remain indefinite. This is important because the psyche is intrinsically connected to feelings and affects. They produce positive or negative effects on the subject's life; they are, therefore, the basis of values and evaluation. First, feelings and their positive or negative intensity are related to the orientation of feelings toward objects. Feelings change depending on the quality of the content of the object. Feelings are characterized by a correlation between the experience of feeling and the content of the object of experience. The philosopher emphasizes that feelings manifest themselves as an intentional relationship with the world around them. Intentional feelings are directed toward specific objects that motivate them as a goal and cause. These are feelings such as sympathy, love, hatred, envy, anger, fear. The second group of feelings is state feelings in which there is no explicit intentionality. They are not directed toward specific objects. State feelings are the awareness of some subjective states motivated by the situation experienced. Such states are neither purely bodily nor purely mental. They are most often associated with moods and feelings of self [10]. Sesemann argues that these states, despite their objectlessness, do not cease to be intentional. They do not have an object, but they seek it, and upon finding it, they discharge, revealing themselves. Most importantly, these moods have intrinsic meaning, and they are meaningful to the subject. Thus, Sesemann understands moods as a person's incompletely realized relationship with the world around and with themselves.

Sesemann argues the senses arise as an extension of embodied instinctive action in the world. Instinctive reflexes and bodily localized sensations become more or less conscious feelings. But being subjective, the senses remain objectively indeterminate and are therefore most often considered subconscious. Sesemann states that conscious life must be understood as a stream of consciousness in which each moment and element is defined through its relationship to other moments and the personality of the experiencer. Consciousness is one, but it is a dynamic unity of different layers. Just as importantly, consciousness is dynamically interconnected with the subconscious, with instincts and cravings. Sesemann understands the correlation of intuitive and logical knowledge as different levels of consciousness — it is the interaction of hot and cold knowledge. There is no clearly defined boundary between them. Therefore, the subconscious might encompass the whole consciousness when it goes into unconsciousness mode. In another vein, the subconscious itself also has different levels of consciousness [10].

According to Sesemann, most people experience relationships with other people and living beings as empathic knowledge. Empathy is not just sensory perception; it is the sensory experience of expressions of another's life. To empathize with another is not to experience subjectively. Empathy is an objective experience because it is guided by the immediate expression of living beings. Sesemann obviously borrows his concept of empathy from early phenomenology. The philosopher refers to the research of Scheler, who argued that the possibility of understanding another's life through bodily expressions proves the general unity of life in its various manifestations. The topic of empathy was particularly popular among early phenomenologists. One may recall the works of Edith Stein and Moritz Geiger. Geiger, following Scheler, argued that man experiences nature primarily empathically. Man lives not only in nature but also experiences an essential unity with it. In nature, therefore, what matters most is life and sensitivity to its expressions [22]. For Sesemann, the ability to understand the expressions of life and empathically empathize with other life is nothing less than an openness of consciousness. It is the transcending of immanence and the knowledge of being independent of the subject. To summarize, Sesemann rejects the traditional opposition between objectivity and subjectivity. There is no need to eliminate subjectivity to achieve objectivity in the knowledge of the life of consciousness. Objectivity is attainable through the intersubjective confirmation of the validity of one or another subjective experience.

Conclusions

Vasily Sesemann's manuscript *Self-Knowledge, Self-Consciousness, and Objectification* belongs to a group of texts written in 1950—1955 in which the philosopher discusses the nature of consciousness and the metaphysical correlation of spirit and matter. In these manuscripts, the author analyzes the integrity and wholeness of the natural world and the embodied unity of spirit and matter that manifests itself as the existence of life in the world. Sesemann insists that, on the one hand, consciousness cannot be explained materialistically when it is reduced to physiological or physical processes; on the other hand, it cannot be explained idealistically when consciousness is opposed to the body and embodied existence in the world. Sesemann elaborates on a phenomenological conception of consciousness. The philosopher argues that consciousness should be studied using a subjective rather than an objective approach. He understands consciousness as an intentional relationship to the world and ourselves. Consciousness is as a structured totality of experiences in which all experiences are linked by semantic connections. Consciousness is embodied bodily. Consciousness is always accompanied by self-consciousness and subconsciousness. Self-consciousness may be pre-reflective or reflexive. Consciousness can be more conscious or less conscious. Sesemann asserts that consciousness is an activity in the world and an openness to the world. Consciousness is empathetically connected to other consciousnesses and life forms. Consciousness is a living corporeality, so it reacts emotionally and evaluates the world around it.

References

- [1] Botz-Bornstein T. *Vasily Sesemann: Experience, Formalism, and the Question of Being*. Amsterdam, New York: Rodopi; 2006.
- [2] Belov VN. V.E. Sesemann — Systematist of Russian Neo-Kantianism. *Voprosy filosofii*. 2012;(4):121—127. (In Russian).
- [3] Czardybon B, Belov WN. Znajomość postaci i idei rosyjskiego neokantyzmu w Polsce. *Diametros*. 2017;(52):1—22.
- [4] Yonkus D. La Fenomenologia de la razon y la experiencia estetica. Edmund Husserl y Vasily Sesemann. *Investigaciones Fenomenológicas*. 2014;(11):129—142. <https://doi.org/10.5944/rif.11.2014.29568>
- [5] Jonkus D. *Vasily Sesemann's Theory of Knowledge, and Its Phenomenological Relevance*. In: Płotka W, Eldridge P, editors. *Early Phenomenology in Central and Eastern Europe. Main Figures, Ideas, and Problems*. Berlin: Springer; 2020. P. 93—110.
- [6] Jonkus D. *Critical Ontology and Critical Realism. The Responses of Nicolai Hartmann and Vasily Sesemann to Husserl's Idealism*. In: Parker R, editor. *The Idealism-Realism Debate among Edmund Husserl's Early Followers and Critics*. Berlin: Springer; 2021. P. 99—118.
- [7] Jonkus D. Phenomenological Approaches to Self-consciousness and the Unconscious (Moritz Geiger and Vasily Sesemann). *Studia Phaenomenologica*. 2015;(15):247—258. <https://doi.org/10.5840/studphaen20151513>
- [8] Jonkus D. Body and Time in Sesemann's Philosophy of Culture: Preface to the Publication of the Vasily Sesemann's Manuscript "Sport and Contemporary Culture". *RUDN Journal of Philosophy*. 2021;25(3):524—532. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2021-25-3-524-532>
- [9] Sesemann V. *The relationship of spirit and matter*. Manuscripts Department of the Vilnius University Library. F122—96. (In Russian).
- [10] Sesemann V. *Self-knowledge, self-consciousness and objectification*. Manuscripts Department of the Vilnius University Library. F122—102. (In Russian).
- [11] Sesemann V. *Subjective and objective attitudes of consciousness, their difference and relationship*. Manuscripts Department of the Vilnius University Library. F122—86. (In Russian).
- [12] Sesemann V. *Philosophy of organic nature*. Manuscripts Department of the Vilnius University Library. F122—4.
- [13] Husserl E. *Natur und Geist: Vorlesungen Sommersemester 1927. Husserliana 32*. Dordrecht: KluwerAcademic Publishers; 2001.
- [14] Husserl E. *Natur und Geist: Vorlesungen Sommersemester 1919. Husserliana Materialien Band 4*. Dordrecht: KluwerAcademic Publishers; 2002.
- [15] Plessner H. *Die Stufen des Organischen und der Mensch. Einleitung in die philosophische Anthropologie*. Berlin, New York: Walter de Gruyter; 1975.
- [16] Sezemanas V. Organiškojo pasaulio laiptai ir žmogus. *Vairas*. 1930;4(7):13—11.
- [17] Sesemann V. On the problem of pure knowledge. Belov VN, transl. *Logos*. 2006;6(57):119—162.
- [18] Sesemann W. Beiträge zum Erkenntnisproblem. Über gegenständliches und ungegenständliches Wissen. *Lietuvos universiteto Humanitarinių mokslų fakulteto raštai*. 1927; (2):69—142.
- [19] Sesemann W. Studien zum Erkenntnisproblem. Rationales und Irrationales. *Humanitarinių mokslų fakulteto raštai*. 1927;3(4):127—192.
- [20] Sezemanas V. *Gnoseologija. In Raštai. Gnoseologija*. Lozuraitis A, editor. Vilnius: Mintis; 1987. P. 209—334.

- [21] Seseman V. *Time, culture and body. To the knowledge of the cultural tasks of our time*. In: *Thirties. The approval of the Eurasians. Book VII*. Paris: Eurasian Publishing House; 1931. P. 147—190. (In Russian).
- [22] Schloßberger M. *Phänomenologie der Naturerfahrung. Einföhlung und Einföhlung mit der Natur bei Geiger und Scheler*. In: *Natur und Kosmos. Entwürfe der frühen Phänomenologie*. Nordhausen: Traugott Bautz GmbH; 2019. P. 55—75.

About the author:

Jonkus Dalius — PhD, Professor, Department of Philosophy, Vytautas Magnus University, Kaunas, Lithuania (e-mail: phenolt@yahoo.com). ORCID: 0000-0001-8879-878X

Концепция сознания в рукописях Василия Сеземана

Далиус Йонкус

Университет Витаутас Магнус,
Lithuania, 44248, LT-44243, Kaunas, K. Donelaičio, 58
phenolt@yahoo.com

Аннотация. В рукописном тексте Василия Сеземана «Самопознание, самосознание и объективация» исследуются отношения сознания с самосознанием и бессознательным, а также различные формы объективации сознания. Эту рукопись можно отнести к группе рукописных текстов, в которых обсуждается происхождение сознания и метафизическая взаимосвязь между материей и духом. Сеземан изучал сознание, описывая его как интенциональный опыт и отвергая его натуралистические объяснения. Сеземан раскрыл несводимость жизни к физиологическим и химическим процессам и в то же время отверг дуалистическую противоположность духа и материи, души и тела. Цель статьи — показать, что Сеземан сформулировал феноменологическую концепцию сознания. Философ отверг натуралистические и объективистские объяснения сознания и утверждал, что сознание следует исследовать как субъективный опыт, а не как объект. Сеземан критиковал натуралистическую психологию и утверждал, что сознание есть интенциональная деятельность в мире. Сознание — это воплощенное самосознание и эмпатическая связь с другими живыми существами.

Ключевые слова: самопознание, сознание, самосознание, объективация, феноменология, жизнь, эмпатия

История статьи:

Статья поступила 25.05.2022

Статья принята к публикации 01.12.2022

Для цитирования: *Jonkus D.* The Concept of Consciousness in Vasily Sesemann's Manuscripts // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 41—51. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-41-51>

Сведения об авторе:

Йонкус Далиус — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Университет Витаутас Магнус, Каунас, Литва (e-mail: phenolt@yahoo.com). ORCID: 0000-0001-8879-878X

Рукописи и переводы

Publications and Translations

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-52-61>

EDN: OTXFYF

Рукопись / Manuscript

Самопознание, самосознание и объективация

В. Сеземан

Под редакцией Д. Йонкуса

Университет Витаутас Магнус,
Lithuania, 44248, LT-44243, Kaunas, K. Donelaičio, 58
phenolt@yahoo.com

Аннотация. Рукопись «Самопознание, самосознание и объективация» — это текст из рукописного фонда В. Сеземана Вильнюсского университета (F122—102). Рукописный текст в блокноте датируется третьим кварталом 1954 г. (Краснокамск). Записи сделаны чернилами, кое-где карандашом. Текст написан во время пребывания Сеземана в трудовом лагере в Тайшете (Иркутская область) 1950—1955 г. Ввиду ограниченности журнального объема публикаций приводится только часть текста Сеземана.

История статьи:

Статья поступила 25.05.2022

Статья принята к публикации 01.12.2022

Для цитирования: Сеземан В. Самопознание, самосознание и объективация / под ред. Д. Йонкуса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 52—61. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-52-61>

© Сеземан В., 2023

© Йонкус Д., под ред., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Self-knowledge, self-consciousness and objectification

V. Sesemann

Edited by *Dalius Jonkus*

Vytautas Magnus University,
58, K. Donelaičio, 44248, LT-44243, Kaunas, Lithuania
phenolt@yahoo.com

Abstract. The manuscript “Self-knowledge, self-consciousness and objectification” is the text of Sesemann’s manuscript collection, Vilnius University (F122—102). The manuscript in the notebook dates from the third quarter of 1954 (Krasnokamsk). The notes were made in ink, some in pencil. The text was written during Sesemann’s stay in a labor camp in Taishet (Irkutsk region) in 1950—1955. Due to the limited volume of publications in the journal, only part of Sesemann’s text is given.

Article history:

The article was submitted on 25.05.2022

The article was accepted on 01.12.2022

For citation: Sesemann V. Self-knowledge, self-consciousness and objectification. Jonkus D., editor. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):52—61. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-52-61>

Человеческое сознание в своей динамической подвижности и со своей способностью к развитию, углублению и расширению, содержит в себе уже в большей или меньшей степени момент самосознания, из которого в дальнейшем вырастает самопознание в полном смысле слова. Самосознание потенциально или актуально сопровождает всякий акт переживания и познания, сознательного действия. Это сказывается уже в том, что мое тело, хотя оно с материальной (предметной) стороны такое же тело как все другие материальные тела; оно в то же время радикально отличается от них тем, что оно есть мое тело, что все те воздействия, которые оно испытывает извне и те процессы, которые протекают в нем (как функционирование его органов) переживаются и сознаются как мои ощущения, восприятия, чувства — повсюду присутствует на переднем плане или заднем плане момент самочувствия. И даже в моменты полного самозабвения, полного погружения сознания в объект или действие, сохраняется возможность и способность к всплытию на поверхность, возвращения сознания в обычное бодрствующее сознание (способное переключаться), а также воспоминание о том, что это мои образы, мысли и переживания. Сохраняется единство личности (Я) во всех изменениях содержания и состояния сознания. Речь идет только о сознании в его собственных пределах, не о его подпочве в виде подсознания или глубинного сознания. В этом самосознании (самочувствии, самоощущении) нет деления на

субъект и объект, оно дорефлексивно, но оно необходимое условие самопознания. Иначе самопознание было бы неотличимо от познания [неразбор.] О том, что субъективное [неразбор.] все что мое, относящееся к „моему“ телу, познается научно лишь в объективной форме, свидетельствует следующие обстоятельства:

1) В области естествознания мое тело и его жизнь (зарождение, развитие, функциональное равновесие, увядание, смерть) — рассматривается и изучается как любое другое (не моё). Физические и химические закономерности определяемые моментами пространства — времени и массы — энергии (движущейся материи). Субъектность здесь отсутствует или если и присутствует в скрытой непознанной форме (сила, энергия) — определяются известными количественными отношениями, с определенными коэффициентами и моментами времени, пространства, массы. Но об этом особый разговор. Во всяком случае, современное естествознание исключает из этих понятий какое-то ни было „антропоморфическое“ значение. А вместе с антропоморфизмом выбрасывается и всё субъективное без исключения.

2) Субъектность в своем своеобразии изучается психологией. Субъективное или вернее специфически субъектное — это область психического. Данные чувственного опыта здесь являются не свойствами предметного мира, а как мои — ощущения определенного субъекта. Двуликость этих данных: субъективная и объективная сторона, отношение их к переживающему субъекту и отношение к объективному миру и его связям, закономерностям. Отсюда параллелизм между психологией и физиологией принципиального характера: каждому психическому переживанию соответствует известные процессы в центральной нервной системе. Но конкретно может быть обнаружен для простейших чувственных данных (ощущений, образов) их ассоциаций. Психофизиология: связь раздражения с возбуждением и ощущением (интенсивность, пороги и пр.; Психофизический параллелизм. Разные его толкования. Метафизическое: Спиноза, Фехнер; позитивистическое-конвенциональное. Два аспекта: зависящие от отношения, которое устанавливается между чувственными данными. Объекты и мое тело (субъект) или объект с другими объектами. Или два языка: физикалистский (физико-химические процессы) и язык ощущений и их пространственно-временных структур. (Карнап). Но в позитивистическом толковании — аспект материалистический (физико-химический) получает основополагающее значение. Нет полного, сплошного параллелизма. Не всякому физическому явлению соответствует психическое, а лишь вполне определенным (процессам в нервной системе, в мозговом центре). Причем причинная связь (каузальное единство) осуществляется полностью лишь в физическом плане бытия. В психическом физическое лишь частично отражается, и притом с пробелами, перерывами. Психическое в этом смысле даже не феномен, а эпифеномен, зависящий от физико-химической основы. Он не самостоятелен. Отрицание взаимодействия физических и пси-

хических явлений. Возникающая отсюда трудность объяснения взаимоотношений смысловых связей с физически причинными. (Не одноплановость и качественная разнородность физически-материального и чувственно-феноменального аспекта). Первый имеет характер конструкции, сводящей все качественное многообразие чувственных данных к количественно-определенным закономерностям некоторых основных элементов (моментов чувственного мира: пространство, время, материя, энергия). Второе ограничивается систематическим упорядочиванием чувственных данных и их явлений (структуры пространства и времени). Но и психические переживания при таком подходе рассматриваются как данности, как объективные факты, противостоящие субъекту. Полное элиминирование субъекта и субъектности называется в том, что он рассматривается как вторичная конструкция (мышления? разума?) и что поэтому с научной точки нельзя говорить „я мыслю то-то и то-то“, а лишь имеется такая та мысль (представление, восприятие, ощущение и т. п.) соотношенная с таким-то телом, в такое-то время, в таком-то месте. Самонаблюдение всегда связано с известной более или менее ясно выраженной объективацией наших переживаний, так как будто мы их наблюдаем со стороны, как будто наблюдаемый и наблюдающий различны. Известное различие есть, поскольку самонаблюдение всегда относится не к настоящему моменту совершения самого акта, а к прошлому либо уже отдаленному и отличенному от настоящего, либо непосредственно с ним сливающимся, в нем продолжающемся (ср. Кант: самонаблюдение невозможно также как глаз не может видеть самого себя, крайняя точка зрения объективизма имманентного).

Из этого объективистического подхода, отрицающего самонаблюдения или стремящегося свести его значение и роль в научном знании до минимума, берет свое начало и так называемый бихевиоризм, полагающий что объективная (научная) психология, психология животных, внутренняя жизнь которых нам вообще недостижима, но также психология человеческих существ, социальная психология, психология массы, детей, умалишенных, где самонаблюдения неточны, невыразимые словесно, должна изучать и считать своим предметом не переживания душевные, а их поведение в самых разнообразных действиях, их реакции на те или другие конкретные ситуации, которые выражаются в определенных движениях, поступках, жестах, мимике, изменениях дыхания, кровообращения и подобных внешних, чувственно воспринимаемых проявлениях. Здесь получается уже более точное соответствие между мозговыми процессами и внешними проявлениями в движениях, звуках и т. д. Но и здесь возникает вопрос: может ли бихевиоризм действительно обойтись без данных самонаблюдения, без учета субъектного момента и его данностей, к которым относится и которыми обуславливается все то, чему присваивается смысловое значение.

Но особенно четко этот объективистский подход проявляется в научном познании мышления — в логике. 1) Вся структура мышления зафиксирована

в логических формах понятий, суждений и умозаключений. Все научные теории и понятия должны удовлетворять требованиям однозначной определенности, которая обусловлена законами логическими. Мысль здесь опредмечена в однозначном содержании понятий, суждений, умозаключений. Строгая разграниченность, дискретность, статический аспект мышления.

2) Объективация мышления в слове, в речи, в чувственных знаках. Значение слова для фиксации точности и ясности мысли. Отсюда понимание логики как синтаксиса мышления. Неразрывность мышления со структурой речи (Карнап и другие). Словом, речью фиксируется общее (роды, виды предметов, явлений) и их общие связи. По существу, и предметное обобщение сводится к связям вплоть до простейших элементов категорий. (Абстракция, анализ и синтез). Объективация мышления, а также всего психического есть вместе с тем и символизация. И притом символизация в двойном смысле. Во-первых, символизация охватывает всякое знание, будет ли это познание внешнего чувственного мира или познание психического, духовного бытия. Повсюду в знании (в мышлении), какого бы ни было его содержание, выделяется общее из конкретного сплетения явлений, из сращенности с конкретным в действительности и противопоставляется единичному и фиксируется сначала в наглядных образах, затем в словах-символах. Но и наглядные образы уже становятся символами, поскольку они обозначают собою общее. Но это символы натуральные, естественные, ибо непосредственно связанные с природой (чувственной) самого предмета, в отличие от символов условных или искусственных, какими являются слова и всякого рода сигнальные знаки. Эти условные (конвенциональные) знаки необходимы там, где сам предмет имеет нечувственный характер, не может быть *непосредственно* представлен наглядным образом. И это касается в одинаковой мере как физического, так и психического мира. Но символичность психического и духовного является в значительной степени еще более глубокой в том смысле, что она опирается на символику внешнего чувственного мира и ее так или иначе предполагает. Эта ослабленность символики психического обусловлена тем, что сознание, а постольку и познание, прежде всего направлено на внешний мир, а лишь потом и на внутренний мир человека. Это не значит, что первоначально сознается только внешние, чувственные явления, при полном отсутствии сознания внутреннего (собственно субъективного). Это значит лишь, что интенция сознания направлена на внешний мир, он находится в фокусе сознания. Субъективное же, (внутреннее состояние субъекта) сознается лишь попутно, как нечто сопутствующее познанию внешнего бытия и вместе с тем эмоционально его окрашивающее. И лишь в акте *рефлексии* интенция сознания обращается к субъективной стороне так что она попадает в его фокус. (*Intentio recta* и *intentio obliqua* схоластиков). В рефлексии внутреннее переживание (субъективная сторона содержания сознания) *объективируется*, т. е. становится противостоящим субъекту предметом. В этом смысле до известной степени *отчуждается* (отрывается от сознающего субъекта). А это значит, что

внутреннее, субъективное вместе с тем проецируется как бы в плоскость внешнего бытия, рассматривается по аналогии с ним. Это явствует из состава языка, из всех тех слов и выражений, которые служат для обозначения психических явлений, душевных переживаний. Подавляющее большинство из них *метафорично*, т. е. это слова и выражения, относящиеся первоначально к чувственным (внешним) явлениям и затем лишь в переносном смысле применяемые к психическим и духовным явлениям. Разные стороны, свойства, способности психической жизни рассматриваются по аналогии с самостоятельно существующими обособленными вещами. Отношения и связи духовного характера (мышления, эмоций, чувств) подводятся под пространственные и временные отношения чувственных вещей и явлений или фиксируются на их основе и по аналогии с ними (предлоги, падежи). Также и психические процессы, изменения, движения определяются по аналогии с пространственно-временными процессами, изменениями, движениями. (Логические связи и отношения: понятие, заключение, вывод, основание, противоположность и т. п.). Эта объективация психического, духовного, облечение его в чувственную форму (образы). Проникает и оформляет не только научное познание, но и художественное изображение, художественное восприятие. Поэт, художник своими художественными образами дает зрителю, читателю возможность осознать, прояснить себе то, что он сам переживал, смутно чувствовал, но не сознавал. Само чувство приобретает определенную значимость, осмысленность именно тогда, когда оно находит адекватное чувственное выражение, когда ему дается соответствующее его природе [выражение]. В этом заключается художественное значение метафоры, сравнения и некоторых других поэтических приемов. Словом духовное обретает свою силу и действенность через воплощение в чувственном. (Даже в области логики имеется и действует нечто аналогичное пространственно-временным отношениям: основание и следствие, подчинение и сочинение; объем и содержание и пр. Аббревиатура, стяженная форма или схема этих отношений). Не говоря уже о всей сфере представлений, образов воспоминания и воображения, которая целиком основана на данных восприятия. Исключения представляют те понятия и представления, которые обозначают определенные физические действия человека как по отношению к окружающей природе, так и к социальной сфере. Может быть еще некоторые понятия, обозначающие вообще отношения человека к миру или связь с этим отношением и с его действиями. Не символичны все понятия первичных ощущений, некоторых основных чувствований, эмоций, основного положительного и отрицательного тонаса человеческих переживаний. (Но это требует еще уточнения). Все же дальнейшее развитие этих отношений, уточнение и дифференциация их уже имеет символический (метафорический) характер. Таким образом вся картина мира, которая складывается в голове человека, насквозь пронизана символами. В области искусства это прежде всего символизация естественная, основанная на метафорах, сравнениях, аналогиях. В жизни практической (на пример

в области экономики, финансов) эта символизация — результат абстракции, обобщения новых понятий. Знаменательно, что именно то, что является наиболее субъективным, — чувства, настроения, эмоции раскрываются, развиваются, дифференцируются и осознаются через объективацию и символизацию. Одна — непосредственная объективация (непроизвольная) в действиях, в выражениях; другая опосредствованная, через рефлексивное осознание в словесных, звуковых или зрительных символах. Вне того или другого вида объективации и символизации — чувства представляют собой нечто неопределённое [неразбор.]. Таким образом между объективной и субъективной стороной бытия нет такого параллелизма, чтобы они изменялись и развивались в полном взаимном соответствии, но каждая из них отдельно (самостоятельно) от другой. Здесь имеет место своеобразное взаимное проникновение. Все вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что внутреннее развитие субъективного начала (психического, духовного) возможно лишь при помощи и через посредство объективации, символизации (непосредственной реальной или опосредствованной идеальной, в слове-понятии, в чувственных образах). Но это только одна сторона взаимоотношений между субъективным и объективным. Субъективное не только опирается в своем бывании на объективное, но и со своей стороны является в известной степени основой объективного и необходимым условием его внутренней динамики. Эта обусловленность объективного субъективным сказывается в разных отношениях: во-первых, если взять элементарную материю познания-ощущения, то они имеют как субъективную, так и объективную сторону, при чем в качественно разных ощущениях и при разных установках сознания преобладает то одна, то другая сторона. Но сама качественная сторона ощущения — цвета, звука, запаха, вкуса имеет субъективно индивидуальный характер. Непосредственно его интерсубъективный характер не может быть доказан, т. е. что субъект А и Б, видя один и тот же предмет, испытывают качественно тоже самое ощущение цвета, звука, и т. д. Лишь опосредованно через сравнение, как перешиваются определенные структуры, в которые входят данные ощущения, можно с приближением (большим или меньшим) [знать], приписывают ли разные субъекты одному и тому же ощущению то же самое место (значения) в данной структуре. Иначе говоря, критерий объективности в смысле интерсубъективности значимости — здесь практический — одинаковость поведения всех субъектов в одинаковой ситуации, в одинаковых условиях.

Эти первичные данные являются результатом непосредственного, интуитивного усмотрения моего личного переживания. И тому, кто не обладает соответствующим чувственным органом (восприимчиком-реципиентом), никак не объяснишь и не передашь, что есть данное ощущение, каково его специфическое качество. В этом отношении в том, что случается с самой первичной данностью (что для эмпирического позитивизма есть основа познания и опыта) заключается необходимый, неустранимый субъективный момент.

В этом сказывается известная замкнутость индивидуального сознания, обусловленная его связанностью именно этим индивидуальным телом. И в этом один из великих аргументов субъективного идеализма и его предельной формы — солипсизма. Учение Юма: Я — субъект как личность, [неразбор.] сравнительно постоянных и повторяющихся ощущений.

Эта особенность никак не может быть упущена из виду, если взять в его непосредственной конкретности и ситуативности. Она связана с аспектом моей субъектности, поскольку я являюсь центром всего окружающего мира. И только в этой непосредственной интуитивной данности качества ощущения содержится момент несимволического безотносительного бытия, но только момент, ибо это специфическое качество никогда не дано в отдельности, а всегда в известных связях и отношениях, налагающих на него свою печать; его изоляция всегда является результатом известной выделяющей абстракции (окружение, фон, предшествующие впечатления и пр.). — Вообще простая данность и безотносительность (и там, где она как будто несомненная наличность) не есть нечто первичное, а результат уже известной привычки сознания (приспособленности), ведущей к упрощению его и к приобретению им характера известной индифферентности.

Mutatis mutandis тоже самое следует сказать о восприятиях. И здесь есть субъективная сторона — восприятие как переживание вот этого субъекта — и восприятие как аспект предмета. Качественная специфичность в ее конкретности сказывается в субъективной стороне, объективная сторона всегда уже результат определенной опытной обработки (внесение моментов прошлого опыта) и подчинения образа сложившегося общей схеме предмета. В обыденной практике преобладает этот уравнивающий объективный аспект (импрессионизм), который, однако, не исключает интерсубъективной значимости. Во всяком случае восприятие как субъективное переживание является основой для восприятия как предметного образа. Это последнее с одной стороны является основой для уточнения, обогащения (объективирования, фиксирования) восприятия переживания, с другой стороны является известным очищением его от субъективных моментов эмоциональной окраски, элиминированием ее и в этом некоторой невольной или намеренной абстракции. Поскольку незаинтересованное лично и непосредственно практическое научное познание направлено прежде всего и в основной своей интенции на объективный предметный образ, этот последний обычно приобретает при естественной (непроизвольной) настроенности сознания (установке) преобладающее значение и заслоняет собою восприятие-переживание, а это обстоятельство оказывает влияние на производные от восприятия психические образования (представления) — будь это образы воспоминания или образы воображения, между которыми, впрочем, нет четкой однозначной границы (она подвижна и относительна). А именно, когда психологическое исследование делает своим объектом сами представления, а не тот предмет, который они

представляют, то вполне естественно, что при свойственной научному познанию созерцательно-объективирующей установке (подходе) в качестве исследуемого предмета выступает (подсовывается) прежде всего предметный (обработанный объективацией, зафиксированный) образ, а не привычный образ-переживание, являющимся как бы следом пережитком — восприятия переживания.

Объективно-предметный аспект представления, взятый в отдельности, оторван от субъективного аспекта переживания ведет к незаконной субстанциализации или к овеществлению представлений, к пониманию их по аналогии с материальными вещами как психических вещей, обладающих известным постоянством, известной самостоятельностью, способных вступать в разнообразные сочетания (ассоциации) и вновь разъединяться, спускаться в бессознательное (забвение) и вновь подниматься в сферу сознания. Ср. Учение Гербарта о представлениях; но в более скрытой, нечеткой форме эта концепция продолжает сказываться и до настоящего времени. Здесь связь представлений вторична, произвольна, игнорируется отношение к личности, к «Я», или по меньшей мере не учитывается. Как только внимание психолога направляется на представление-переживание, то сразу выясняется неправильность атомистического взгляда на психические явления, выясняется необходимость рассматривать сознательную жизнь как поток сознания, в котором каждый момент — элемент определяется связью с другими моментами и прежде всего отношением к личности субъекта. А тем самым выступает и решающее значение эмоциональной стороны психики. Это не только чувственная окраска представлений и мыслей; а мощный динамический фактор. И далее: связь сознания с подсознательным, с инстинктами, влечениями и т. п. (в разных его слоях и формах).

Позитивистически единство потока сознания связывается с единством живого тела. Но это единство само динамично, есть единство органических жизненных процессов (сохранение равновесия в отношениях к окружающему миру, непрерывное его нарушение, сменяющееся восстановлением). Это лишь одна из сторон, объективный девиз единства личности (психики), как единства сознания и самосознания, но отнюдь [не] то, что его целиком исчерпывает и целиком к этой физиологической основе сводится. С позитивно-эмпирической точки зрения это единство личности («я») — бессодержательно, пусто, потому что ему не соответствует ничего, что можно было бы чувственно воспринять; оно не осязаемо, неосязаемо и потому рассматривается как конструкция ума, как нечто нереальное; реально лишь вечно меняющееся эмпирическое содержание сознания. (ср. Юма, его концепцию Я и в противоположность ей кантовское различие между эмпирическим сознанием и трансцендентальным единством апперцепции. Но в этом кантовском понимании «Я» есть известная двойственность: с одной стороны, это единство «Я» как самое основное условие возможности познания, как априорная основа научного знания; это объективирующая фиксация той роли, которую «Я»

играет в научном (объективно значимом) познании (т. е. момент, по существу, идеальный, не реальный). С другой стороны — это «метафизическая» реальность (Я самоопределяющейся нравственной личности); отсюда и идеализм Канта, не только как научная теория, а как учение выражающее, устанавливающее то, что на самом деле есть значение не только гносеологическое, но и онтологическое. Так нечувственное, самое идеальное превращается в самое реальное. К этому противоречию приводит отрицание умственной интуиции (интуиции нечувственного). Заслуга феноменологической школы (Гуссерля) установившей наличие идеальной интуиции (идеации), интуиции общего (идей). Но эта интуиция не ограничена только областью общего. В плане самосознания личности (Я) она включает в себе индивидуальный момент; который в своей объективации приобретает либо общий характер, либо воплощается в чувственном содержании и лишь в нем просвечивает.

Сведения об авторе:

Сеземан Василий — российский, литовский, советский философ-неокантианец марбургской школы, профессор Каунасского и Вильнюсского университетов.

Сведения о редакторе:

Йонкус Далиус — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Университет Витаутас Магнус, Каунас, Литва (e-mail: phenolt@yahoo.com). ORCID: 0000-0001-8879-878X

About the author:

Sesemann Vasily — Russian, Lithuanian, Soviet neo-Kantian philosopher of the Marburg school, professor at Kaunas and Vilnius universities.

About the editor:

Jonkus Dalius — PhD, Professor, Department of Philosophy, Vytautas Magnus University, Kaunas, Lithuania (e-mail: phenolt@yahoo.com). ORCID: 0000-0001-8879-878X

История философии

History of Philosophy

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-62-78>
EDN: OVARVR

Research Article / Научная статья

Aleksandr Bogdanov's Concept of Revolution and the Organisation of State

Tatyana Rumyantseva¹✉, Daniela Steila²

¹Belorussian State University,
4, Nezavisimosti Av., Minsk, 220030, Belarus

²University of Turin,
20, via Sant'Ottavio, Turin, 10124, Italy
✉t.rumyan30@gmail.com

Translated from Italian by L. Pasini

Abstract. The article is devoted to the controversy of Alexander Alexandrovich Bogdanov, the so-called “another Bolshevik”, with Lenin and his associates on the question of the revolution and the ways of building a socialist society and state. It is shown that Bogdanov expressed a critical attitude towards the revolution and its socialist nature, the ability of the proletariat to play a decisive role in it, and wrote about Russia’s unpreparedness for an anti-capitalist coup, thereby expressing a distinctly marked anti-Leninist position. Based on the analysis of a large corpus of Bogdanov’s works, the authors focused their attention on the following aspects of his work relating to the theme of revolution: the contradictions between Bogdanov and Lenin in its interpretation even before October 1917; Bogdanov’s views on the revolution and real socialism after its completion; his interpretation and evaluation of “war communism”; the program for building socialism in the USSR and the search for ways to form fundamentally new social structures developed in the context of the science of tectology, created by him; Bogdanov’s project “Proletkult” and his utopian novels, in which he foresaw how “socialism in one country” would be built and how the transition from the old exploitative to new forms of human coexistence would be carried out, as well as the danger of the degeneration of democracy into a dictatorship.

Keywords: revolution, socialism, “war communism”, proletariat, tectology, Proletcult project, utopia, dictatorship

© Rumyantseva T., Steila D., 2023

© Pasini L., translator, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history:

The article was submitted on 24.04.2022

The article was accepted on 12.12.2022

For citation: Rumyantseva T, Steila D. Aleksandr Bogdanov's Concept of Revolution and the Organisation of State. L. Pasini, translator. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):62—78. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-62-78>

A critical attitude towards the revolution, its socialist nature, the possibility that the proletariat could have a prominent role in it, and the meaning of the “war communism,” was present in Russia right after the revolution among Marxist intellectuals and political leaders, whose different points of view made for a varied panorama that only the political circumstances forced into a scheme of pro- or anti-Lenin positions. The so-called “other Bolsheviks,” to use Robert Williams’ expression [1], defined a space of high theoretical originality, which became over the years the subject of deeper and deeper inquiries, first in the West, then also in Russia. Among them, particular attention was paid to Aleksandr Aleksandrovich Bogdanov, Lenin’s greatest rival since the beginning of the century, whom the official Party statements had condemned as “heretical” since soon after the revolution. When the second edition of Lenin’s *Materialism and Empirio-Criticism* was published in 1920, a harsh postface by V.I. Nevsky (*Dialectical Materialism and the Philosophy of Dead Reaction*) established a direct relationship between the ideas criticized by Lenin in 1909 and Bogdanov’s more recent statements [2. P. 371—384]. It is only at the end of the 1950s, that Bogdanov’s name resurfaced in the USSR in a non-polemical context, as the author of *Tectology*, which was retrieved as a forerunner of cybernetics and systems thinking within Soviet space programs [3. P. 161—169; 4. P. 172]. During the Cold War and starting from the mid-Sixties, Western historians, oriented towards ideological and political questions, got interested in Bogdanov, when the first monograph entirely devoted to *Lenin’s Rival* by Dietrich Grille [5] came out in Germany. A new generation of scholars, partly involved in the spirit of ‘68, and seeking a “socialism with a human face,” started working on the alternatives to Leninism, and published a very important series of works [6. P. 37—41]¹. More recently, Bogdanov has been studied in the context of Russian positivism within a comparative frame with contemporary Western philosophy [21, 22].

During the *Perestroika* period, Bogdanov’s works circulated again in Russia: in 1989, *Tectology*, which had disappeared since the 1920s, was republished; in 1990, an important selection of Bogdanov’s writings ranging from 1904 to the 1920s was edited by N.K. Figurovskaja and G.D. Gloveli under the title *Problems of Socialism*; in 2003, the three volumes of *Empiriomonism* appeared in a common edition [23—25]. In 1991, the journal *Voprosy filosofii* devoted a whole number to Lenin’s *Materialism and Empirio-Criticism* and included Bogdanov’s critical booklet, published in 1910 under the title *Faith and Science* [26]. In 1995,

¹Among the most meaningful Western publications: [7—20].

a significant event was the publication of three volumes of unpublished materials with the common title *Unknown Bogdanov*. Not only N.S. Antonova and N.V. Drozdova, under the supervision of G.A. Bordjugov, published documents from the former Party Archive, which had been until then practically inaccessible, but the Prefaces to the three volumes were entrusted to Western scholars (respectively to John Biggart, Gabriela Gorzka, and Daniela Steila), with a rather unusual attempt, especially for that time, to put in contact the Western and the Russian scholarly worlds [27]. In that same year, N.I. Moiseev emphasized some possible further developments of tectology and considered it a “natural constitutive part of the theory of self-organization” [28. P. 9—11].

If we consider the general theme of revolution within Bogdanov’s thought, it seems interesting to focus on three main moments:

1. the controversies between Bogdanov and Lenin before October 1917 as far as they concerned their conceptions of revolution;
2. Bogdanov’s views on the revolutions of 1917 and his conception of “war communism”;
3. Bogdanov’s ideas about building a socialist system after the Bolshevik revolution.

1

Bogdanov and Lenin ascertained their deep theoretical disagreements as soon as the summer of 1904 when they had just met in Switzerland. But, for some of the following years, they set them aside to fight together on the Bolshevik side. During the revolution of 1905, Bogdanov was on the front line. According to Bonch-Bruевич’s memories, “there were times in Russia — for instance, in 1905, after January 9th — when the immediate leadership of the Party belonged completely to A.A. Bogdanov, and his authority was truly immense among our most active lines and among the underground activists” [29. P. 9]. After the failure of the 1905 revolution, the situation became tenser. On one side, Bogdanov’s followers, or “left-wing Bolsheviks” were convinced that the revolutionary movement was soon going to regain strength, after a period of fatigue to which it seemed condemned. For this reason, they defended the importance of the clandestine apparatus, thus neglecting the possibilities for legal action. On the other side, the “Leninists” aimed more or less honestly at the reconstruction of a unitarian party that would be capable of both maintaining the activities of clandestine agitation and of profiting from the legal opportunities that would arise from the participation in the Duma. The tactical divergences sparked again the theoretical conflict between two different worldviews: Lenin’s, close to Plekhanov’s orthodox materialism, and Bogdanov’s, open to the constructivist suggestions of contemporary epistemology.

In this context, the opposition between the two different conceptions of the revolution was neatly outlined: for Lenin, revolution meant consciously leading the proletariat by every means to insurrection and socialist order, depending on the circumstances, which would have ultimately resulted in a new culture. For Bogdanov, the development of an authentic proletarian culture was not to be

postponed until the post-revolutionary period. The new culture had to develop in line with the activity of the revolutionary movement following the direction of a collectivist vision of the world and the perspective of its general transformation. In the volume *The Fall of the Great Fetish*, published in 1910, Bogdanov remarked that the victory of the proletariat in the revolution could have been acquired “not so much by the seizure of political power and the removal of the capitalistic mode of production in favor of the socialist one, as by the creation of a new quality of culture” [30. P. 20].

In this perspective, the “Party School” for activists and propagandist workers, organized by Bogdanov, Lunacharsky, Gorky, Aleksinsky, and other eminent Bolsheviks on Capri island during the Summer and the Fall of 1909, responded not only to the aim of preparing new revolutionary and proletarian executives but also and mostly it was supposed to produce self-conscious socialists, who would have gone back to Russia to dedicate themselves to the revolutionary work in all its width. The school’s program, which went from the assessment of the present condition to the general conception of the world, had to allow the proletarians to build their own culture, thus freeing themselves from their subjugation to the bourgeoisie. For this reason, when Trocky, after having been invited to participate in this experience, criticized the excessive ambition of the school, which, according to him, was risking to create only “*self-satisfied half-learned people*” [31. P. 459] Bogdanov commented with Gorky that Trocky was evidently “looking at the school just as a propaganda circle of a slightly superior type; for him, the *creative* side of the deal does not exist” [32. P. 66]. For Bogdanov, Gorky, and their companions, the activities of the schools for workers had to provide the stimula and the context for the elaboration of an authentic and innovative, if still embryonal, collectivist worldview.

In the programmatic article *Socialism in the Present Time*, published in February 1911, Bogdanov gave voice exactly to the idea that socialism did not consist only in the economic overtaking of private property, but also in the construction of a new society in all of its aspects, which should have developed from the comradely relationships between workers. The brotherly relationships created by collaboration within the collective had to become the basis for the new organization of the entire society and the elaboration of the new overall worldview. According to Bogdanov, “the struggle for socialism does not in any way come down to the mere war against capitalism or the simple gathering of forces to this aim. Such a struggle is at the same time a positive and creative work... it is *the elaboration of the socialist proletarian culture*” [24. P. 101].

Of course, a mature socialist culture could not have fully developed in capitalist conditions and during the struggle to overcome them, but it is clear that, for Bogdanov, the goal to be attained in the revolutionary activity was not only an economic and political conquest but the actual transformation of the proletariat itself during the process of the struggle. The article closed with a clear-cut declaration: “in every sphere of life — usual work, social activity, family, scientific and philosophical knowledge, art — by creating new forms in its implacable

struggle with the old society, the proletariat will live more and more in its way, reorganizing itself in a socialist way, to reorganize in its turn the whole of humankind” [24. P. 103]. The contrast with the Leninist idea of revolutionary tactics could not have been sharper. Craig Brandist has even considered this aspect as the real core of the differences between the two main Bolshevik leaders before the revolution: “while Lenin focused on the direct political dimensions of hegemony, Bogdanov foregrounded the need to develop an elaborated proletarian culture in advance of the seizure of state power” [33. P. 19; 25—40]. In a book published in 1918, Bogdanov openly declared a thoroughly new conception of the chronology of the revolution: “According to the old conceptions, socialism has to win first, and only then can be implemented; before its victory, it is not real, it does not exist, it is just a ‘final aim.’ For us, it is not like that. Socialism is the worldwide comradely cooperation of people... who dominate nature and consciously create their reciprocal relations, their realm of ideas, and their organization of life and experience, according to a plan” [24. P. 349].

2

Bogdanov was touched by the war. After he came back to Russia because of the amnesty of 1913, he was drafted as a doctor at the beginning of the World War. To tell the truth, he had briefly practiced as a doctor in a psychiatric hospital more than ten years before, but had since then been involved in completely different things. Nevertheless, he served for approximately six months in an infantry regiment at the front. In February 1915, he was hospitalized for three months following a nervous breakdown, after which he was proclaimed unfit to serve and was reassigned first to a military hospital, then to another one, and finally, from the summer of 1916, he served as a medical inspector in the camps for war prisoners in the Moscow region [34. P. 53].

The war appeared to Bogdanov, as the good Marxist that he was, as the expression of the crisis of the capitalist world. He remarked it was exactly in the war's catastrophe that capitalism demonstrated “in fact its own enormous resilience and strength” [35]. While analyzing the war, Bogdanov distinguished the aspects that would have helped the development of the revolution and the aspects that would have hindered it. According to Bogdanov, the war damaged the socialist cause because of “1) the decimation of people and the destruction of the work products; 2) the destruction of many international links and their long-term weakening in the future; 3) the dimming of ideas and feelings of the working masses and the socialist intelligentsia” [36. P. 25]. Other aspects and consequences of the war solicited in their turn the revolution: “1) [the war] provided the greatest *revelation of capitalism* in the whole of history; 2) in capitalism itself, it caused changes that facilitate the transition to the socialist system, and gave rise to the so-called ‘*state capitalism*’; 3) it broadened the workers’ preparation for socialism by providing a *new and rich economic experience*” [36. P. 27].

But when the war in Russia gave a decisive push to the revolution, Bogdanov was certain that its goal should have been a democratic republic, although the

revolutionary movement in Russia was first of all the doing of workers and soldiers, and only subordinately of the bourgeoisie [37. P. 17]. According to his analyzes, just after the February revolution, the dedication of the revolutionary class should have been directed at the rapid convocation of a Constituent Assembly that would complete the transition to a democratic republic. The claims of the working-class movement should have been limited to universal suffrage (direct and secret in every election), immediate peace, the realization of a minimal economic program and its working day of 8 hours at least in those sectors that were not directly linked to the needs of the military, the support to the agricultural reform demanded by the peasants (while paying attention not to damage “the interests of production”), and the organization of a popular militia “for the further defense of freedom and democracy” [37. P. 20—21]. In June 1917, Bogdanov published in the paper of the Soviet of Moscow a decisively polemic article against Lenin’s *Letters on Tactics* and in particular against the idea of the “State-Commune” as a form of transition between the bourgeois regime and socialism [24. P. 344—348; 38. P. 590—592]. If, as soon as April 1917, Lenin declared finished the “bourgeois phase” of the revolution, for Bogdanov the process had just begun and its abrupt acceleration would have resulted in such a violent reaction that it would have inevitably become “a civil war, with a huge waste of the best forces of the people” [24. P. 347; 39. P. 102].

Before the seizure of power by his companions of a lifetime, in October 1917, Bogdanov took the position of a socialist who did not feel at home in any party, but who continued to analyze the events with all the scientific instruments at his disposal [38. P. 585—587]. Since he stayed faithful to historical materialism, he could not admit the voluntarism that was implicit in the idea of “premature revolution”: that which had happened had to be perfectly justified by the historical conditions, otherwise it could not have happened at all. In the article *The Fates of the Workers Party in the Current Revolution*, which he published at the beginning of 1918 in the journal *The New Life*, Bogdanov remarked that “the moment of the explosion was determined by the spontaneous forces of this [working] mass, and not by someone’s bad will; plots could just frame the explosion, not generate it, and not even speed it up. One cannot blame the explosion for having occurred at a certain time, and not having waited for anybody” [40. P. 2]. It is not by accident that Bogdanov put in exergue to the article Spinoza’s motto: “not to cry, not to laugh... but to understand.” ([41] Cap. 1, IV).

Bogdanov too was hoping for a quick ending to the war, but he specified that “peace is just the first condition to save Russia and the revolution if their salvation is still possible. The other equally necessary condition is a wide economic and cultural construction. Such a task presented itself to the Bolsheviks after they seized power” [42. P. 2]. But, for this purpose, it was first necessary to reconsider the evolution of the party itself during the previous revolutionary months. According to Bogdanov, because of the conditions of the country at war, the working class, which was still very mixed with the peasant element, had been radicalized, thus transforming the Bolshevik faction “into the one and only actual workers’ party” [40. P. 2], the only one to support coherently the peace cause. In this way,

Bolshevism “expanded far beyond the working class. Military masses were pulled in,” and, as a result, “Bolshevism did not become a worker, but a worker-military party” [40. P. 2].

A few months before, Bogdanov had already anticipated an analysis of these consequences to his close friend and brother-in-law A.V. Lunacharsky, who, unlike Bogdanov, had actively taken part in the revolution and was involved in the new Bolshevik government of the country as Commissar of Enlightenment. During the months immediately following the revolution, on many occasions, his former companions in the struggle offered Bogdanov numerous collaborations and prominent positions [43. P. 23]. Lunacharsky did the same, but Bogdanov answered with a sharp and bitter refusal². Here, too, he insisted on the inevitability of the actions of the Bolsheviks while underlining their ambiguities and risks. First, he stated he would not stand up for sabotage or boycott and that he saw nothing funny in what they were doing, often in an absurd but almost always *compelled* way. He not only saw the tragedy of their position but thought that they did not see it fully; and that he should try to figure it out in his way. According to Bogdanov, the war gave rise to an economic and cultural collapse and a giant development of war communism.

Whether or not he was the inventor of the term [44. P. 40; 45. P. 147], Bogdanov certainly elaborated a very precise conception of it long before Lenin used the expression “war communism,” starting in 1921, to indicate the brutal condition that would have been imposed by the war soon after the revolution and that should have been overcome with the assistance of the new economic policy [38. P. 606—609; 46. P. 219—220]. For Bogdanov, the war conditions had forced on the whole of society a centralized organization of consumption that might have been called “communism” because its model was the “commune” of the army, thus applying to the whole of society the principle of the centralized organization of consumption typical of the barracks, but which was in truth opposed to the socialist ideal. Bogdanov believed that socialism was *first of all* a new type of cooperation and organization of production; war communism was the authoritarian-controlled organization of mass parasitism and destruction and they should not be confused [24. P. 342]. In his letter to Lunacharskij, he explained: “War communism, developing from the front to the rear, temporarily rearranged society: a multi-million commune of the army, rations for the soldiers’ families, regulation of consumption; in relation to that, normalization of sales and production. The whole system of state capitalism is nothing else than a hybrid between capitalism and consumer war communism — which nowadays economists don’t understand since they have no idea of organizational analysis” [24. P. 352].

Bogdanov was elaborating his “general science of organization” or “tectology,” as a universal science capable of “scientifically and integrally arranging the organizational experience of mankind” [47. P. 60], thus providing an ensemble of basic principles on which it would have been possible to rapidly master

² This letter, dated November 19th (December 2nd), 1917, was first published in 1991 in [24. P. 352—355] and then in [27. P. 189—192].

the knowledge and develop it according to innovative perspectives. One of the basic principles of the science of organization could have been applied to the situation of post-revolutionary Russia: “if a system consists of parts with lower and higher degrees of organization, its relation with the environment is determined by the lower degree of organization” [24. P. 353]. According to this principle, by becoming a worker-military party, Bolshevism would inevitably become a soldier party, and consequently “it assimilated the logic of soldiers’ barracks, all their methods, all their specific culture and their ideals” [24. P. 353]. The logic of the barracks seemed to Bogdanov as antithetic to the logic of the factory: the barracks are a super-individual organization, but they are organized according to criteria of authority and strength that have very little in common with the cooperation and solidarity of workers with a view to the common result. According to the logic of the barracks, every task was to be conducted by force and the revolution is reduced to the seizure of power. To confuse war communism with the ideal at which the revolutionary process should have aimed, constituted for Bogdanov a dangerous deception: “War communism is still a communism; and its harsh contradiction with the usual forms of individual appropriation creates such an atmosphere of mirage that vague prototypes of socialism are taken as its realization.” For this reason, Bogdanov asserted his role as “scientific analyst:” “the task of scientific thinking is to uncover and explain mirages, which distract from the right path towards the ideal” [24. P. 344].

First, socialism had to be collective production, while war communism was a centralized organization of consumption, which extended the logic of the barracks to society. In his analysis of the situation following the seizure of power by the Bolsheviks, Bogdanov identified many practical cases where crucial questions had been resolved hastily, without considering the complex organization of society and the cares in the handling of the transition to socialist collectivism. Bogdanov, e.g., examined the rapid liquidation of the technical boards of factories, but also the control of banks and tribunals, commenting that “it is an undeniable waste of forces, which cannot be justified from the organizational standpoint, but is due to the psychology of the soldiers’ mass, reckoning with the old lords” [42. P. 2]. The same constant resort to decrees resulted from the habit of “the order, which actually determined and allowed everything in the military life” [42. P. 2], but which accounted for very little in the economic, social, and cultural life.

In his article published in *The New Life*, Bogdanov did not spare a cutting remark to Lunacharsky, whose exhortations to the intelligentsia not to abandon their posts and to pass to the service of the new power seemed to him useless and naïve, because “the general politics of the government is such that it inevitably leads the intellectuals to depart, as far as their existing capabilities make it possible for them” [42. P. 2]. After all, it was Lunacharsky’s dedication to the Bolshevik government that mostly embittered Bogdanov on a personal level. He sharply wrote to his brother-in-law: “I have nothing against the fact that the rough chess player Lenin and the narcissistic actor Trocky accomplish the surrender of socialism to the soldiery. It makes me sad that you are mixed up in it, 1) because for you the

disillusion will be much worse than for them; 2) because you could do something else, no less necessary, but more durable, although at this moment less remarkable, and you could do that without changing yourself” [24. P. 354]. The reference here is to the analytical work to which Bogdanov entrusted his residual hopes to avoid the failure of the revolution.

His analysis in his long article on the *Fates of the Workers Party* closed with a series of concerns: “We come to the sad but undeniable conclusion that in Russia nowadays there is no workers’ socialist party. There is a war-communist party, leading the working class, and there are some groups of the socialist intelligentsia. The war actually made the army the task, and the working class the means; our revolution reflected that fact in the proportions of each force within politics as well. It could not be otherwise. But war is not eternal, and this situation is going to end. What will happen then” [42. P. 2]? Bogdanov thought that, once peace would be obtained, the two souls of Bolshevism would separate and the elements of the socialist intelligentsia would reunite with the workers to realize their ideal. But there was no certainty that this process could be carried out quickly and, most of all, peacefully. If the published article closed with the exhortation to make this happen, the letter to Lunacharsky was quite pessimistic: socialism “handed its faith to the soldiers’ bayonets, and the day is not very far when those same bayonets will slaughter its faith, if not its body. Here is the real tragedy. [...] A demagogical-soldiery dictatorship is fragile in principle: one cannot ‘sit on the bayonets’” [24. P. 354].

For this reason, the revolutionary process was very far from its conclusion. Its objective could not simply be “the revolution of property, the owner’s replacement in society, a matter of class interest and mass material strength.” On the contrary, it was “the creative revolution of the world culture, the replacement of the spontaneous formation of social forms and their struggle by their conscious creation, a matter of a new class logic, new methods for combining forces, new ways of thinking” [24. P. 354]. Socialism should have involved the whole planet, while, just after the war, Bogdanov did not see any possibility for a revolution even in Europe, which constituted by itself a meaningful impediment to the realization of a full revolutionary design. In his utopian novel *The Red Star*, as soon as 1907, one of the protagonists made a comparison between socialism as realized on Mars with the result of a hypothetical triumph of socialism in a few isolated countries, “like islands in a hostile capitalist and even to some extent precapitalist sea.” Here, “even in those instances where socialism prevails and triumphs, its character will be perverted deeply and for a long time to come by years of encirclement, unavoidable terror and militarism, and the barbarian patriotism that is their inevitable consequence. This socialism will be a far cry from our own” [48. P. 114].

For these reasons, “projects that suddenly impose on the proletariat the most radical, complex and difficult deal, unprecedented in history, that is the reorganization on a world basis” resulted in being “cruel irony, or a childish folly” [24. P. 331]. To realize such an imposing task, the proletariat would have had to have already possessed solid cultural foundations, in the form of that science of

organization that Bogdanov was elaborating and that would have allowed the workers to understand the dynamics of the whole of reality and to transform the entire world based on their own collective experience in the factory. Without this preliminary acquisition, to attempt the realization of socialism “would have been a gamble without the slightest chance of success, an attempt to build a worldwide palace without knowing the laws of architecture” [24. P. 332].

3

Aside from the risks of failure that Bogdanov saw in the specific condition of revolutionary Russia, we already said that the seizure of power and the consequent measures did not mean for him an automatic approach to socialism. A characteristic of the socialist system had to be “the highest conceivable stage of *power on nature, organization, sociality, freedom, and progress*” [24. P. 98]. For this reason, Bogdanov had been insisting for his entire life that “the hidden premise of Bolshevism” was “the idea of creating now, within the present society, a great proletarian culture, stronger and more graceful, incomparably freer and more creative, than the culture of the declining bourgeois classes” [49. P. 4]. His dedication to the cultural preparation of workers, from the first circles in Tula to the schools in Capri and Bologna, from the idea of an encyclopedia for workers to the projects for a proletarian university [38. P. 601—602; 50. P. 238—262; 51], was aimed at elaborating, with the “universal class,” the methods and means to organize the collective life of humanity.

While he remained faithful to his decision to stay outside of the party, Bogdanov was immediately interested in the activities of the proletarian educational and cultural organizations, which were so lively that their first conference was inaugurated in Petrograd one week before the seizure of the Winter Palace. From the very beginning, Bogdanov was an inspiring figure for the whole movement, and he entered the executive Board of the Prolekult and the editorial office of the periodical *Proletarian Culture*. At the first congress of the Prolekult in Moscow in February 1918, he held one of the central interventions by the title *Science and the Working Class*, where he indicated the necessity for the proletariat to become the organizing class through the tools offered by Bogdanov’s tectology, which was an accessible science for workers, as they were prepared by the experience of labor to think from the point of view of the collective. The proletariat, as Bogdanov had already written in 1911, “should [...] strive for the simplification and the unification of science, for retrieving its general ways of researching, which would give a key for the most different specializations and would allow the proletarian to quickly take control of them” [24. P. 102].

After all, Bogdanov’s remaining hopes for a non-tragic result of the Bolshevik revolution were entrusted to the fast cultural development of the proletariat. For this reason, a strict scientific organization was necessary.

In this perspective, universal social planning would not have represented for Bogdanov a risk of violence or coercion. Instead, it would have guaranteed a harmonious development, where individuals would have soundly cooperated in

“*the struggle for happiness*, the struggle for everything that life and nature can give to humankind” [24. P. 63]. The collaboration of all given the common ideals would have been asserted instead of individualism and competition, and the new science of organization would have allowed the overtaking of the opposition between manual and intellectual, creative and executive work. Bogdanov had already faced this problem in his utopian novel of 1907. On Mars, production was regulated by a capillary system of statistical data gathering on the quantity of the available workforce and of the workforce demanded by each productive sector to respond to the needs of society. The “Central Institute of Statistics has agencies everywhere that keep track of the flow of goods into and out of the stockpiles and monitor the productivity of all enterprises and the changes in their workforces.” Thus, production is subdued to very precise planning, as explains the Martian guide: “what and how much must be produced for any given period and the number of man-hours required for the task can be calculated. The Institute then computed the difference between the existing and the desired situation for each vocational area and communicated the result to all places of employment. Equilibrium is soon established by a stream of volunteers” [48. P. 66]. The statistical tables of production have to be made public and accessible to all for this to be achieved. Statistics succeed in harmonizing freedom and necessity and obtaining the labor for the survival and the development of society forcing nobody to do a job that she does not choose voluntarily and spontaneously. “The statistics continually affect *mass* transfers of labor, but each individual is free to do as he chooses” [48. P. 68].

In the ideal socialist society that Bogdanov describes, harmony is guaranteed by the organization of production, while there is no restriction on consumption: “everyone takes whatever he needs in whatever quantity he wants” [48. P. 66]. The ideal society imagined by Bogdanov in 1907 was constructed on a planning model that was completely opposed to the war communism of the first years of Bolshevik power. It has often been said that Bogdanov, disappointed with the results of the revolution, had abandoned politics to commit completely to science. But developing tectology and supporting the proletarian cultural organizations was to Bogdanov a truly political activity, because it was science that the revolution needed. It was with this spirit that, in July 1918, Bogdanov became one of the members of the first Presidium of the socialist Academy (then renamed Communist), and that he held lectures of political economics and philosophy in different universities, first of all, in the newly established “proletarian University,” but also the University of Moscow.

In the fall of 1920, the autonomy of the Prolekult was under discussion: the organization’s number of members represented a potential threat [52. P. 193—194]. The attack on Bogdanov that was orchestrated in that period can be read in this light. In 1920, as has already been mentioned, the second edition of Lenin’s *Materialism and Empirio-Criticism* was published with a long postface by Nevsky, which was addressed by the critique of Bogdanov’s most recent works, in particular *Tectology* and *Philosophy of Living Experience*, which was supposedly in continuity with the positions that Lenin had harshly criticized over ten years before.

Some pieces by Lenin and Plekhanov were collected in a few small volumes under a telling title: *Against Bogdanov, Against Bogdanovism* [53; 54]. When, towards the end of 1921, Lenin took a stand against the Prolekult by proposing to the Politburo the adoption of a very critical resolution, Bogdanov resigned from the executive council in order “not to taint the organization with his name” [34. P. 56]. He did not stop to advocate for his original positions in his interventions at the Academy and in his writings. On September 8, 1923, Bogdanov was arrested, because he was suspected of having connections with the group the *Workers’ Truth*, which was inspired by his theories in its critique of Bolshevism, without — so it would seem — Bogdanov’s direct involvement. He was only released on October 13, after many declarations of extraneousness from active politics, an indignant letter to Felix Dzerzhinsky, and requests for help from numerous friends. He suffered physically and psychologically because of this “incident.” As Kremontsov has remarked, “it possibly played a role in Bogdanov’s decision to move from theorizing on the questions of physiological collectivism to attempting its practical implementation. Or perhaps, the death of his old rival, on January 21, 1924, prompted Bogdanov to begin experimenting with blood exchanges” [34. P. 58].

In this case, too, we cannot say that it was a complete withdrawal from the revolutionary draw. He had imagined the work on transfusions, which lead him to found the Institute of Hematology in 1926, as soon as 1907, in the *Red Star*, as the realization of an actual physiological “collectivism.” On Mars, the inhabitants of the socialist society “perform *mutual blood transfusions* between human beings, whereby each individual receives from the other a number of elements which can raise his life expectancy” [48. P. 85]. As is known, Bogdanov died two years after the foundation of the Institute, during a transfusion experiment.

His opinions on the period following Lenin’s death are largely left to the secret of the notes that are kept in the former Party archive in Moscow. These are scattered comments, whose context is sometimes difficult and, up to a certain extent, arbitrary in its reconstruction. Sometimes, the statements are very clear. Even in the notes, as far as the decisive role of the proletariat is concerned, we can read: “One of the two: either it takes the old culture, the methods of other classes, and at the same time subordination, or it creates its own culture, its methods, and subjects its organizational forces to them, wherever they come from, and then, as master of the course of events, fulfills its historical mission”³. Nevertheless, instead of the universal organizing class, Bogdanov seemed to see a flock in search of a guide. “A class, which needs absolute leaders, is still of course in its own nature a subordinate class”⁴. It will easily give in to some great leader “without understanding that the point of dealing with historical challenges is not in leaders, but in methods”⁵.

The temptation of subordination within the revolutionary movement itself was, for Bogdanov, a long-term process. He had repeatedly criticized Lenin, starting

³ RGASPI, f. 259, op. 1, d. 48, l. 42.

⁴ Ibid., l. 43.

⁵ Ibid., l. 32ob.

from 1908, because he had commenced establishing an authoritarian leadership in the Bolshevik faction. He writes it down in his notes as well, pinpointing that the period 1908-1910 had been that of the “*struggle for unique personal leadership*”⁶, and that, between 1910 and 1924, he had witnessed “a gradual transition from democratic-revolutionary to bureaucratic thinking”⁷. From this, “the fate of the new vision. A half-spontaneous collective prefers an ‘ennobling fraud’ rather than a gloomy truth, it prefers considering its heroes-leaders as made from its same flesh, as its loyal servants [...], and it does not like at all to know that the chain of dedicated fights objectively came down to a struggle for replacing the master”⁸.

Bogdanov’s disappointment was certainly profound, and it shows particularly strongly in some notes written under the recurring title “for the novel,” as if they had been remarks and cues to be used in a novel, maybe a third unwritten utopian novel. In this hypothetical novel, one of the characters was supposed to be some kind of tyrant, whose dictatorship was nevertheless justified by history. We can read of him: “In the struggle for a sole dictatorship he was objectively right: such was the level of his herd that it was a necessity; but single, randomly developed strong individuals of the European type could not add as much, as they took away since they evoked the fundamental authoritarian type of link within the organization by their existence itself. — With his limited education, entire fields of the ‘spirit’ of his herd would have stayed out of his control, under the influence of these same individuals. Hence, the attempt to take over these fields too, a childish attempt, but successful after 10-15 years, which testifies to the striking intellectual slavery of the herd.” And of this slavery, he gave an example in an aside: “professors, who quote a children’s book with highest blessing”⁹.

Bogdanov was wondering: “What did *I* want to make of Marxism and what did *they* do with it”¹⁰? The reality of the 1920s must have seemed to him the brutal result of the substitution of the ideology of troops to the liberating vision of socialism, which he had sensed during the confused months of 1917: “sometimes it happens like this, that the ideology of creation becomes the ideology of stagnation and complacency, the ideology of social fighters becomes the ideology of oppressive soldiery”¹¹.

References

- [1] Williams RC. *The Other Bolsheviks. Lenin and His Critics 1904—1914*. Bloomington-Indianapolis: Indiana U.P.; 1986.
- [2] Nevskij VI. *Dialectical materialism and the philosophy of dead reaction*. In: Lenin VI. *Materialism and empirio-criticism. Critical notes on a reactionary philosophy*. 2nd ed. Moscow: Gosizdat; 1920. (In Russian).

⁶ RGASPI, f. 259, op. 1, d. 48, l. 44ob.

⁷ Ibid., l. 42ob.

⁸ Ibid., l. 46.

⁹ Ibid., l. 36.

¹⁰ Ibid., l. 111.

¹¹ Ibid., l. 46ob.

- [3] Susiluoto I. *The Origins and Development of System Thinking in the Soviet Union. Political and Philosophical Controversies from Bogdanov and Bucharin to Present-day Re-evaluations*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia; 1982.
- [4] Novik IB, Uemov AI, Bogdanov AA, Tectology. *Voprosy filosofii*. 1990;(11): 172—174. (In Russian).
- [5] Grille D. *Lenins Rivale. Bogdanov und seine Philosophie*. Köln: Wissenschaft und Politik; 1966.
- [6] Scherrer J. *Ortodossia o eresia? Alla ricerca di una cultura politica del bolscevismo*. In: Scherrer J, Steila D, editors. *Gor'kij-Bogdanov e la scuola di Capri. Una corrispondenza inedita (1908—1911)*. Roma: Carocci; 2017. P. 17—200.
- [7] Bailes KE. *Lenin and Bogdanov: the End of an Alliance*. In: Cordier AW, editor. *Columbia Essays in International Affairs*. New York-London: Columbia U. P.; 1967. P. 107—133.
- [8] Ballestrem KG. Lenin and Bogdanov. *Studies in Soviet Thought*. 1969;9(4):283—310. <https://doi.org/10.1007/bf01044079>
- [9] Haupt G, Scherrer J. Gor'kij, Bogdanov, Lenin. Neue Quellen zur ideologischen Krise in der bolschewistischen Fraktion (1908—1910). *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1978;19(3):321—334. <https://doi.org/10.3406/cmr.1978.1332>
- [10] Jensen KM. *Beyond Marx and Mach. Aleksandr Bogdanov's "Philosophy of Living Experience"*. Dordrecht: Reidel; 1978.
- [11] Scherrer J. Les écoles du parti de Capri et Bologne: la formation de l'intelligentsia du parti. *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1978;19(3):259—284. <https://doi.org/10.3406/cmr.1978.1321>
- [12] White JD. From Karl Marx to Bogdanov. *Co-existence*. 1978;15:187—206.
- [13] Scherrer J. *Bogdanov e Lenin: il bolscevismo al bivio*. In: *Storia del marxismo. II: Il marxismo nell'età della Seconda Internazionale*. Torino: Einaudi; 1979. P. 493—546.
- [14] Biggart J. Anti-Leninist Bolshevism. The "Forward" Group of the RSDRP. *Canadian Slavonic Papers*. 1980;23(2):134—153. <https://doi.org/10.1080/00085006.1981.11091662>
- [15] Gorzka G. *A. Bogdanov und der russische Proletkult. Theorie und Praxis einer sozialistischen Kulturrevolution*. Frankfurt a.M. — New York: Campus; 1980.
- [16] Yassour A. Lenin and Bogdanov: Protagonists in the "Bolshevik Center". *Studies in Soviet Thought*. 1981;22(1):1—32. <https://doi.org/10.1007/bf00837970>
- [17] Mänicke-Gyöngyösi K. "Proletarische Wissenschaft" und "sozialistische Menschenheitsreligion" als Modelle proletarischer Kultur. *Zur linksbolschewistischen Revolutionstheorie A.A. Bogdanows und A. A. Lunacharskijs*. Berlin-Wiesbaden: Harassowitz; 1982.
- [18] Yassour A. The Empiriomonist Critique of Dialectical Materialism: Bogdanov, Plechanov, Lenin. *Studies in Soviet Thought*. 1983;26(1):21—38. <https://doi.org/10.1007/bf00832209>
- [19] Yassour A. Bogdanov-Malinovsky on Party and Revolution. *Studies in Soviet Thought*. 1984;27(3):225—236.
- [20] Sochor ZA. *Revolution and Culture. The Bogdanov-Lenin Controversy*. Ithaca-London: Cornell U. P.; 1988.
- [21] Soboleva M. *Aleksandr Bogdanov und der philosophische Diskurs in Russland zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Zur Geschichte des russischen Positivismus*. Hildesheim-Zürich-New York: Olms; 2007.
- [22] Steila D. *Science and revolution. Reception of empirio-criticism in Russian culture (1877—1910)*. Moscow: Akademicheskij proekt; 2013. (In Russian).
- [23] Bogdanov AA. *Tectology. General organizational science*. Moscow: Ekonomika; 1989. (In Russian).
- [24] Bogdanov AA. *Problems of socialism*. Moscow: Politizdat; 1990. (In Russian).

- [25] Bogdanov AA. *Empiriomonism. Articles on philosophy*. Moscow: Respublika; 2003. (In Russian).
- [26] Bogdanov AA. Faith and Science. *Voprosy filosofii*. 1991;12:27—91. (In Russian).
- [27] Bordjugov GA, editor. *Unknown Bogdanov*. Vol. 1—3. Moscow: AIRO-XX; 1995. (In Russian).
- [28] Moiseev NI. Bogdanov's Tectology: modern perspectives. *Voprosy filosofii*. 1995;8:8—13.
- [29] Bonch-Bruevich VD. Geneva memories. *Pod znamenem marksizma*. 1929;1:18—46.
- [30] Bogdanov AA. *The fall of great fetishism*. Moscow: Navstrechu revolyutsii; 1910. (In Russian).
- [31] Trocky's letter to Gorky M. 20 (7) June 1909 [letter]. In: Scherrer J, Steila D, editors. *Gor'kij-Bogdanov e la scuola di Capri. Una corrispondenza inedita (1908—1911)*. Roma: Carocci; 2017. P. 458—463. (In Italian).
- [32] Bogdanov's letter to Gorky M. After 21 (8) June 1909 [letter]. *Gorky in the mirror of the era. Unpublished correspondence*. Moscow: IMLI RAN; 2010. P. 66—67 (In Russian).
- [33] Brandist C. *The Dimensions of Hegemony. Language, Culture and Politics in Revolutionary Russia*. Leiden-Boston: Brill; 2015.
- [34] Kremontsov N. *A Martian Stranded on Earth. Alexander Bogdanov, Blood Transfusions, and Proletarian Science*. Chicago and London: University of Chicago Press; 2011.
- [35] Bogdanov AA. World crises, peaceful and military. *Letopis'*. 1916;7:214—238. (In Russian).
- [36] Bogdanov AA. *The path to socialism. 2nd ed.* Moscow: Novaya Rossiya; 1917. (In Russian).
- [37] Bogdanov AA. *The tasks of the workers in the revolution*. Moscow: Тип. Ya. G. Sazonova; 1917. (In Russian).
- [38] Biggart J. World War and World revolution: interpretation by Alexander Bogdanov. In: Belykh AA, editor. *Economists on 1917 revolution*. Moscow: Delo RANKhiGS; 2021. P. 585—616. (In Russian).
- [39] Mjasoedov BA. Heretic of Marxism. *Mir novoj ekonomiki*. 2015;2:100—112. (In Russian).
- [40] Bogdanov AA. The fate of the workers' party in the present revolution, P. 1. *Novaja zhizn'*. 1918 January 26 (February 8):19(233). (In Russian).
- [41] Spinoza. *Tractatus theologico-politicus*. London: Trübner & Co., 60, Paternoster row; 1862.
- [42] Bogdanov AA. The fate of the workers' party in the present revolution, P. 2. *Novaja zhizn'*. 1918 January 27 (February 9):20(234). (In Russian).
- [43] Gloveli GD, Figurowskaja NK. *Tragedy of collectivist*. In: Bogdanov AA. *Questions of socialism*. Moscow: Politizdat; 1990. P. 3—27. (In Russian).
- [44] Buldakov VP, Kabanov VV. “War communism”: ideology and social development. *Voprosy istorii*. 1990;3: 40—57. (In Russian).
- [45] Pljutto PA. Bogdanov AA on “war communism”. *Sociologicheskie issledovanija*. 1990;11: 147—151. (In Russian).
- [46] Lenin VI. *About food tax. The meaning of the new policy and its conditions (1921)*. In: *Collection of works. Vol. 43*. Moscow: Politizdat; 1977. P. 205—245. (In Russian).
- [47] Dudley P, editor. *Bogdanov's Tectology*. Hull: Centre for Systems Studies; 1996.
- [48] Bogdanov AA. *Red Star. The First Bolshevik Utopia*. Bloomington-Indianapolis: Indiana U. P.; 1984.
- [49] Bogdanov AA. *No need to mislead*. In: *To all comrades!*. Paris. 1910. P. 1—5. (In Russian).

- [50] Bogdanov AA. *About proletarian culture. 1904—1924*. Leningrad—Moscow: Kniga; 1924. (In Russian).
- [51] Steila D. *A Proletarian Encyclopédie*. In: Di Salvo M, Kaiser DH, Kivelson VA, editors. *Word and Image in Russian History*. Boston: Academic Studies Press; 2019. P. 90—117.
- [52] Mally L. *Culture of the Future. The Proletkult Movement in Revolutionary Russia*. Berkeley: University of California Press; 1990.
- [53] Lenin VI, Plekhanov GV. *Against Bogdanov A*. Moscow: Krasnaja nov'; 1923. (In Russian).
- [54] Plekhanov GV. *Against Bogdanovshchina*. Khar'kov: Proletarij; 1925. (In Russian).

About the authors:

Rumyantseva Tatyana — Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Belorussian State University, Minsk, Belarus (e-mail: t.rumyan30@gmail.com). ORCID: 0000-0001-5893-9852

Steila Daniela — PhD, Professor, University of Turin, Turin, Italy (e-mail: daniela.steila@unito.it). ORCID: 0000-0002-1374-5699

About the translator:

Pasini Lucia — PhD candidate, Sorbonne-Nouvelle University, Paris, France; University of Turin, Turin, Italy (e-mail: lucia.pasini@sorbonne-nouvelle.fr). ORCID: 0000-0002-3482-0862

Концепция революции и организации государства Александра Богданова

Татьяна Румянцева¹ , Даниэла Стейла²

¹ Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, 220030, Минск, пр. Независимости, д. 4

² Туринский университет,
Италия, 10124, Турин, Виа Верди, д. 8
 t.rumyan30@gmail.com

Перевод с итальянского Л. Пазини

Аннотация. Статья посвящена полемике Александра Александровича Богданова, т.н. «другого большевика», с Лениным и его сподвижниками по вопросу о революции и путях построения социалистического общества и государства. Показано, что Богданов высказывал критическое отношение к революции и ее социалистической природе, возможности пролетариата играть в ней решающую роль, писал о неготовности России к антикапиталистическому перевороту, выражая тем самым ярко обозначенную анти-ленинскую позицию. На основе анализа большого корпуса работ самого Богданова авторы сосредоточили свое внимание на следующих аспектах его творчества, касающегося темы революции: противоречиях между Богдановым и Лениным в ее трактовке еще до Октября 1917 г., взглядах Богданова на революцию и реальный социализм уже после ее свершения, его трактовке и оценках «военного коммунизма»; разработанной Богдановым в контексте созданной им науки тектологии программе построения социализма в СССР и поискам путей формирования фундаментально новых социальных структур;

богдановском проекте «Пролеткульта» и его романах-утопиях, в которых он предвидел то, как будет строиться «социализм в одной стране» и осуществляться переход от прежних эксплуататорских к новым формам общежития людей, а также опасности перерождения демократии в диктатуру.

Ключевые слова: революция, социализм, «военный коммунизм», пролетариат, тектология, проект «Пролеткульта», утопия, диктатура

История статьи:

Статья поступила 24.04.2022

Статья принята к публикации 12.12.2022

Для цитирования: *Rumyantseva T., Steila D. Aleksandr Bogdanov's Concept of Revolution and the Organisation of State / translator L. Pasini // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 62—78. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-62-78>*

Сведения об авторах:

Румянцева Татьяна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь (e-mail: t.rumyan30@gmail.com). ORCID: 0000-0001-5893-9852

Стейла Даниэла — доктор философских наук, профессор, Туринский университет, Турин, Италия (e-mail: daniela.steila@unito.it). ORCID: 0000-0002-1374-5699

Переводчик с итальянского:

Пазини Лючия — кандидат PhD, Университет Париж III Новая Сорбонна, Париж, Франция; Туринский университет, Турин, Италия (e-mail: lucia.pasini@sorbonne-nouvelle.fr). ORCID: 0000-0002-3482-0862

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-79-93>

EDN: PDLULR

Научная статья / Research Article

Эллинская теология эпохи Высокой классики

В.М. Найдыш✉

Российский университет дружбы народов (РУДН),
Российская Федерация, Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
✉v.naidysh@bk.ru

Аннотация. Концептуальной основой эллинской теологии выступала теоретическая рефлексия над сущностью мифа, философия мифологии. В истории эллинской теологии может быть выделено несколько этапов. Предметом данной статьи является эллинская теология эпохи высокой классики (вт. пол. V в. до н. э.). Культурные корни Высокой классики уходят в античное Просвещение, сформировавшее рациональное отношение античного сознания к миру. Главное событие эпохи Высокой классики — Пелопоннесская война, ускорившая кризис полисной системы, ее жизненного уклада, культурных идеалов. Война привела к разрыву социальных связей, ускорила индивидуализацию сознания личности, вынужденной искать новые социальные и духовные опоры. Серьезные сдвиги произошли в экзистенциальных основах эллинской религии, изменилось понимание зависимости человека от воли олимпийских богов и меры человеческого воздействия на них. Если в начале эпохи Высокой классики существовала смысловая гармония отношений человеческого и божественного, то к концу эпохи она сменилась противостоянием и отчуждением сакрального и профанного. Представления о зависимости человека от мира богов и возможном влиянии на сакральное «размыслись», стали предельно неопределенными. Эта тенденция проявилась в разных формах — в усилении влияния софистики с ее скептицизмом, противопоставлении хтонической и олимпийской мифологий, актуализации мотива рождения новых богов (при этом старые вовсе не умирают), сюжетов об обожествлении ярких личностей и др, в том числе и в теологии эллинской религии, концентрированно выраженной сюжетами и образами античной драмы (Софокл, Еврипид). Противопоставление сакрального и профанного обесмысливало эллинскую религию, вело ее к самоотрицанию. В этих условиях эллинская теология оказалась перед необходимостью трансформации образа сакрального мира. Во-первых, через придание чувственному образу потусторонней реальности абстрактно-понятийной трансцендентности. Во-вторых, через предельное обобщение мира мифологических образов богов, вплоть до монотеизма. Эти задачи решала следующая эпоха — поздней классики.

Ключевые слова: теология, сознание, мифология, образ, абстракции, рациональность, смыслы, история, Анаксагор, Фукидид, античная драма

© Найдыш В.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 05.06.2022

Статья принята к публикации 15.12.2022

Для цитирования: Найдыш В.М. Эллинская теология эпохи Высокой классики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 79—93. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-79-93>

Hellenic Theology of the Epoch of High Classics

V.M. Naidysh✉

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

✉ v.naidysh@bk.ru

Abstract. The conceptual basis of Hellenic theology was theoretical reflection on the essence of myth, the philosophy of mythology. Several stages can be distinguished in the history of Hellenic theology. The subject of this article is the Hellenic theology of the epoch of the high classics (Vt. half of the V century BC). The cultural roots of the High Classics go back to the ancient Enlightenment, which formed the rational attitude of the ancient consciousness to the world. The main event of the era of High Classics is the Peloponnesian War, which accelerated the crisis of the polis system, its way of life, and cultural ideals. The war led to the rupture of social ties, accelerated the individualization of the consciousness of the individual, forced to seek new social and spiritual supports. Serious shifts have taken place in the existential foundations of Hellenic religion, the understanding of man's dependence on the will of the Olympian gods and the measure of human influence on them has changed. If at the beginning of the epoch of the High Classics there was a semantic harmony of the relations between the human and the divine, then by the end of the epoch it was replaced by the confrontation and alienation of the sacred and profane. Ideas about the dependence of man on the world of the gods and the possible influence on the sacred have "blurred", have become extremely uncertain. This tendency manifested itself in various forms — in the strengthening of the influence of sophistry with its skepticism, the opposition of Chthonic and Olympic mythologies, the actualization of the motive of the birth of new gods (while the old ones do not die at all), stories about the deification of bright personalities, etc. Including in the theology of the Hellenic religion, concentrated expressed by the plots and images of the ancient drama (Sophocles, Euripides). The juxtaposition of the sacred and the profane made Hellenic religion meaningless, led it to self-denial. Under these conditions, Hellenic theology was faced with the need to transform the image of the sacred world. Firstly, by giving the otherworldly reality an abstract-conceptual transcendence. Secondly, through the ultimate generalization of mythological images of the gods, up to monotheism. These tasks were solved by the next epoch — the late classics.

Keywords: theology, consciousness, mythology, image, abstractions, rationality, meanings, history, Anaxagoras, Thucydides, ancient drama

Article history:

The article was submitted on 05.06.2022

The article was accepted on 15.12.2022

For citation: Naidysh VM. Hellenic Theology of the Epoch of High Classics. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):79—93. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-79-93>

Введение

Теология — форма теоретизации основ религиозного сознания. Точка зрения на теологию как неотъемлемый компонент лишь мировых религий существенно обедняет историю религиозного сознания. Теологиям мировых религий предшествовали теологии их предтеч; например, теологии христианства предшествовали теологии эллинской религии, иудаизма, и, по-видимому, буддизма. Особое место в этом ряду занимает теология эллинской религии, которая в эпоху эллинизма оказала значительное воздействие на формирование оснований христианства. В теологии эллинской религии уже зримо представлена основная функция любой теологии — переход от наглядно-образной к понятийной интерпретации экзистенциальных оснований религиозного сознания, предмета религиозного почитания и связей человека с ним, отношений сакрального и профанного, зависимости человека от сакрального и возможности влияния на него. Концептуальной базой эллинской теологии выступала античная философия мифологии как теоретическая рефлексия над сущностью мифа [1]. В силу разных причин, прежде всего мировоззренческого антагонизма политеизма с христианским монотеизмом, богатая история эллинской теологии остается недостаточно систематизированной. В частности, остаются не вполне проясненными ее основные исторические этапы, их конкретно-исторические характеристики.

На наш взгляд, в истории эллинской теологии могут быть выделены следующие этапы. Первый этап — рефлексия над сущностью мифа в эпоху древнегреческой архаики (VIII — VI вв. до н.э.). На этом этапе было осознано различие между образно-поэтическим и рационально-понятийными способами отражения мира, сформировалась самая ранняя форма эллинской теологии — аллегорическая теология [2]. Второй этап охватывает эпоху ранней классики (1-я половина V в. до н. э.). В это время в основном завершился процесс «децентрации сознания», т. е. сняты когнитивные ограничения развитию абстрактно-понятийного мышления, формируется критическое отношение к мифологии [3]. Мифология все чаще ставится под сомнение (сначала в частности, а затем и в целом), ее содержание переносится в прошлое. Смыслообразы богов обобщаются в абстрактные символы, выполняющие роль установок социальной и личностной жизнедеятельности. При этом связи религиозного сознания с его предметно-действенными, ритуально-обрядовыми истоками остаются еще достаточно крепкими. Поэтому теология в значительной мере остается вплетенной в область художественно-эстетического переживания мира, прежде всего в театральное представление античной драмы [4]. Третий этап — теология эллинской религии эпохи Высокой классики (вторая половина V в. до н. э.). Четвертый этап — эллинская теология эпохи поздней

классики, IV в. до н. э.; время от конца Пелопоннесских войн до возникновения Македонской империи (400—323 гг. до н. э.). И, наконец, пятый этап связан с эллинистической культурой и эпохой зарождения христианства.

Данная статья посвящена эллинской теологии эпохи Высокой классики. Это яркий и остро противоречивый период древнегреческой истории. Его начало связано с блистательным периодом «Великого пятидесятилетия», а завершение — с окончанием тридцатилетней Пелопоннесской войны, которая (и физически, и духовно) истощила эллинский мир, обнажила противоречия полисного образа жизни, вызвала его кризис. В эпоху Высокой классики подверглась также глубинным трансформациям как эллинская религия, так и ее теология.

Особенности эллинской религии

Нарративом Просвещения эллинская религия оценивалась как светская религия, как время чуть ли не полного господства разума, «царство» рационализма. Однако дальнейшие исследования показали, что рационалистические ориентации античного сознания не следует преувеличивать. На самом деле древний грек был крайне суеверным человеком. Его повседневная жизнь была пронизана мифологией, мистицизмом, насыщена просьбами к богам, обсуждениями этих просьб с оракулами и др. Все это сопровождалось обрядами, ритуалами, в том числе жертвоприношениями (иногда даже человеческими) и др. По сути, все сферы общественной жизни — военная, экономическая, политическая, культурная, семейно-бытовая и др. — были освящены сакральностью. Гражданская и религиозная жизнь в полисе не разделялись. В жизни греческого общества эллинская религия выступала в качестве «духовного стержня, скреплявшего изнутри его основную структурную ячейку — полис, и это значение она не утратила до тех пор, пока не прекратил свое существование сам полис» [5. С. 309]. Хотя в древнегреческом обществе церкви и религиозного образования как социальных институтов так никогда и не было, тем не менее все религиозные праздники были одновременно и государственными праздниками. Любое значимое общественное событие обязательно получало религиозную окраску. А обязанностью гражданина полиса являлось участие в религиозных праздниках, ритуалах, обрядах, культах. Это придавало эллинской религии важную институциональную функцию — быть средством формирования полисной личности.

Воспитательная функция религиозного сознания порождается его мировоззренческой ролью — нацеленностью на снятие отчуждения человека от мира, гармонизацию отношений индивида с реальностью. Преодоление отчуждения от мира осуществляется на основе двух групп ценностно-смысловых установок. В первой выражено отношение *зависимости* субъекта от сакрального объекта (не важно, реального или воображаемого), которое ощущается как необходимость сакрального для жизнедеятельности субъекта. Оно наделяет сакральное властью над человеком. Во второй выражена волевая

нацеленность субъекта на преодоление своей зависимости от сакрального объекта. Взаимодействие этих групп ценностно-смысловых установок не только порождает высокую чувственно-эмоциональную напряженность религиозного сознания, но и оказывает влияние на потребностно-мотивационную сферу сознания, которая формирует основания личности, ее мировоззренческие ориентации. Эти, представленные смыслообразами, две группы ценностно-смысловых установок являются непосредственным предметом теологии. А ее основная задача состоит в их концептуализация, выражение смыслообразов средствами абстрактно-понятийного мышления, поднятия их содержания на уровень теоретического мышления.

В эллинской религии сакральным объектом выступал мифологический мир могущественных олимпийских богов. Отношения к нему носили двойственный характер. С одной стороны, чувство зависимости от богов. Люди жили в обстановке постоянного страха, опасаясь на каждом шагу карающей воли богов, их злых козней и др. С другой стороны, стремление воздействовать на богов, снискать их покровительство, расположение, отвратить их гнев. Сама возможность влияния на богов базировалась на (уходящем своими корнями в первобытность) принципе дарообмена [7]. Платон характеризовал его следующим образом: «всех убажуют дары — и богов и царей величайших» [б. кн. III, 390 е]. Причем дарообмен ставился в прямую зависимость от соблюдения обрядово-ритуальных действий. Основные из них — вклады в святилище божества в качестве его постоянной собственности для снискания его длительного расположения; жертвоприношения для одноразового обращения к богам с целью выразить им благодарность или снискать их благосклонность на будущее и др¹. В центре таких просьб к богам обычно простые, житейские, материальные ценности — здоровье, судьба, дети, благополучие и т.п. В отношениях с богами был и существенный прагматический момент: «Существовали даже способы „давления“ на богов: в случае нужды их содействие просто-таки вымогалось» [11. С. 87].

Важно, что личностное отношение к богам (племенным и полисным), потусторонней жизни не играло в эллинской религии значительной роли. Она требовала не исповедания определенной системы верований, а строгого соблюдения официально признанных обрядов и ритуалов. По сути, это религия без «священной книги», без Откровения. Все авторитетные тексты (поэмы Гомера, Гесиода и др.) никогда не догматизировались в той мере, в какой это свойственно, например, авраамическим религиям (Библия, Тора, Коран). Это объясняется племенной раздробленностью истоков эллинской религии, множественностью вариаций мифов, моральных и правовых норм и др. Запрещалось отвергать или хулить официальных богов, а в остальном эллинская религия допускала вольнодумство. Как отмечал Ф. Зелинский, «право выбора было для эллина неотъемлемым признаком умственной свободы... На смех

¹ Жертвоприношения могли быть бескровными и кровавыми (в том числе человеческими), очистительными, умиловительными, гадательными, клятвенными и др. [8—10].

были бы подняты те, кто вздумал бы призывать небесные и земные громы на инакомыслящего и верующего» [12. С. 35]. Важнейшая особенность эллинской религии — ее адогматичность, критичность, связь с рационально-понятийным мышлением. Она изначально открыта абстрактно-понятийным интерпретациям. Религиозность и рациональность здесь не исключают, а предполагают друг друга, что создавало благоприятную почву для творческого становления эллинской теологии.

Античное Просвещение

Духовные предпосылки культуры Высокой классики формировались в середине V в. до н. э., в период «Великого пятидесятилетия», время от окончания греко-персидских войн до начала Пелопонесской войны. Греки окрылены успехами. Открылся простор для культурного творчества. Греки открыты этнокультурному миру, не боятся диалога с ним. Как писал Геродот, в истории надо передавать «все, что рассказывают» [13. VII,152]. Они смело идут навстречу будущему и нацелены на поиск объективного знания о мире, на рационально-критическое отношение к миру. Не случайно Великое пятидесятилетие называют античным Просвещением [14; 15].

Греки убеждены, что олимпийские боги к ним благосклонны, оказывают покровительство. И потому следует почитать волю богов, их святость, установленные ими незыблемые законы, базирующиеся на божественной справедливости. Так гармонизируются экзистенциальные основания эллинской религии — представления о зависимости человека от богов и о влиянии на них. Такая мировоззренческая гармония порождает ориентацию на гармонию всех форм жизнедеятельности (как общественных, так и личных), придание им четкости, строгой организации и др. В системе культуры начинают господствовать идеалы пропорциональности, соразмерности, сбалансированности, логичности, принципиальности и др. «Вся человеческая деятельность, — писал Т. Гомперц, — от приготовления пищи до изготовления предметов искусства, от гуляния и до ведения войны, подвергалась регулированию и сведению к принципам» [14. С. 331—332].

Таковыми идеалами также было проникнуто философское и художественно-эстетическое творчество. Здесь господствовали ценности пропорциональности, порядка, чувства формы и ритма, точности, ясности, соразмерности частей и целого, и др. На уровне философского познания утверждается идея связи миров, времен, частей бытия; аналитичность сменяется синтетичностью. На смену аналитизму ранней классики, с ее стремлением к расчленению мироздания на составные части, уровни и слои, приходят идеалы теоретического синтеза, парадигмы «собирания» Космоса из составляющих его частей. Созревала ментальная почва для анаксагоровской теории гомеомерий и демокритовского атомизма. Творчество Анаксагора — вершина философского рационализма эпохи Высокой классики. Антропоморфные образы мифологических богов у него уже значительно преобразованы абстрактно-

понятийным мышлением, а Нус (Ум) — это не мифологический образ, а абстрактно-символический принцип объяснения Космоса. Он нес в себе сложное содержание, сочетал различные идеи — активность Космоса, однородность действующих в нем сил, постоянство протекающих в нем процессов, первичность движения по отношению к его субстрату, материи.

В сфере художественно-эстетического творчества утверждалась уверенность, что на всем должен быть отпечаток прекрасного, возвышенного и безмятежного совершенства. Так, в изобразительном искусстве на первый план выходят «человеченные боги и люди, мудрые и прекрасные, подобные богам... Отодвигая на задний план все низменное, нестандартное и непохожее на других, она создает надындивидуальный идеал совершенного человека — человека в полном расцвете духовных и физических сил, запечатленного в искусстве вне конкретного пространства и времени» [16. С. 130]. Образная монументальность свойственна трагедиям Эсхила [17] и раннего Софокла [18]. Она отражала целостность и устойчивость полисного образа жизни, ответственность личности перед коллективом, соответствие его поведения полисным моральным нормам и др. В идеализации гражданина полиса состоит нравственное обаяние персонажей трагедий Эсхила и Софокла. Трагический конфликт здесь порождается не чертами личности героя, а отклонением его поведения от норм полисной морали. Мифология здесь еще осознается как духовный каркас полисного образа жизни, не поддающийся сомнению, критицизму, обеспечивающий торжество справедливости как высшего принципа мироздания. Жертвы, страдания и испытания людей рано или поздно будут возмещены, справедливого возмездия никто не избежит.

Кризис полисного общества и его культуры

Идейный перелом наступил во второй половине V в. до н. э., когда греческий мир погрузился в состояние глубокого кризиса. Это кризис был вызван внутренним расколом полисной системы, противоречиями между олигархической верхушкой, сконцентрировавшей (на основе эксплуатации и рыночного обмена) значительные богатства, и основной массой обнищавших свободных граждан. Уравновесить интересы классов возможно было путем интеграции полисных связей в едином греческом государстве. Но объединение полисов в политические союзы (как на демократической, так и на олигархической основе) не остановили нарастание противоречий. Полисный образ жизни с его экономической и социальной замкнутостью себя исчерпал. Греческий мир погрузился в пучину военных конфликтов.

Почти вся Эллада и несколько «варварских» государств были втянуты в Пелопоннесскую войну (431—404 гг. до н. э.). Те, кто начинал эту войну, совершенно не представляли ее длительности, меры ожесточения, последствий. В ходе этой войны эллинский мир истощился и физически, и духовно. Хотя формально она закончилась победой Спарты, но на самом деле победителя здесь не было — пострадали все. Кризис затронул не только социально-

экономические и политические устои полисной организации жизни, но и ее духовную культуру, а также эллинскую религию. Ведь война принесла острое дыхание смерти, чувство ничтожности земного существования.

Трагическими нотами было пропитано искусство. Например, вазапись наполнилась изображениями умерших, погибших, переходящих из земного, солнечного мира в мир подземный, а также переживающих родственников (например, через всю классику прошел образ седовласого старика-отца, скорбно опирающегося на палку). Война обрушила психологическое ощущение времени. Оно застыло «в какой-то пространственно-временной неопределенности, совершенстве несовершенного, и впереди — то ли полусон-полуявь, то ли миф, облаченный в реальность» [16. С. 242]. Затормозился процесс демифологизации сознания, в массовом сознании миф вновь, как и в эпоху архаики, слабо отделялся от реальности. Трансформировались и ценностно-смысловые основания эллинской религии. Как оправдать богов, если они позволили братоубийственную гражданскую войну? Если они многократно уличены во лжи? Если они, буквально на каждом шагу, обманывают и предают людей?

В таких условиях усилилось влияние софистики с ее субъективизмом, релятивизмом и прагматизмом. Софистика отвергала принцип подчинения поведения личности общегражданским ценностям полиса («человек есть мера всех вещей»). В своих воззрениях софисты демонстрировали скептический протест против традиционных религиозных ценностей. Падал авторитет «почитателей» Гомера и возросло влияние «порицателей Гомера», которые нередко превращали творчество Гомера в предмет насмешек, заявляли, что его поэмы алогичны, бессмысленны, вредны с воспитательной точки зрения и др. В мифопоэтике противопоставлялись друг другу исторические пласты мифологии, усилились мотивы поражения культурного (аполлонийского) начала в битвах олимпийских богов с силами, олицетворяющими хтонические начала (титаномахия, кентавромахия, амазономехия и др.), а также мотивы рождение новых богов (при этом старые вовсе не умирают), множатся сюжеты об обожествлении ярких личностей и др. Произошли также изменения в обрядово-ритуальной сфере. В V в. до н. э. уходят в прошлое человеческие жертвоприношения. Сначала их стали оценивать как варварство, а затем полностью отказались. Стали жертвовать домашних животных [9]. В результате в изобразительном искусстве антропоморфизация образов богов отошла на второй план; богам вновь придают зооморфный облик. В итоге отношения божественного и человеческого, сакрального и профанного приобрели характер взаимного отчуждения:

...Богов лишь
Ни старость не касается, ни смерть;
Все прочее всесильною рукою
Стирает время. Убывают силы
И наших тел, и матери-земли,
Хиреет вера и коварство крепнет [20. С. 607—612].

Ценностно-смысловое отчуждение сакрального и профанного в основаниях эллинской религии отразилось в эллинской теологии, концентрированным художественно-образным воплощением которой выступала античная драма.

Новые идеи и смыслы эллинской теологии

Предмет аттических трагедий ранней и Высокой классики — отношения человека и мира олимпийских богов, которые раскрывались путем переосмысления и переработки, обобщения и концептуализации мифологических сюжетов и образов. Эллинскую теологию и античную драму ранней и Высокой классики связал своим творчеством Софокл (496—406 гг. до н.э.).

В своих ранних произведениях он (как и Эсхил) опирался на мировоззренческое убеждение в благоговении олимпийских богов деяниям афинян, в гармонии сакрального и профанного миров. Отсюда и монументальность, завершенность и пластичность художественных образов в его ранних трагедиях. Впоследствии, под влиянием ценностей античного Просвещения, накопленного личного опыта, Софокл трактует отношения богов и людей не как непосредственные и однозначные, а как сложно опосредованные, многозначные, определяемые душевными состояниями олимпийских богов (по аналогии с эмоциональным переживанием людей). Это значит, что богов не следует идеализировать. Они, как и люди, по большей части антиморальны, мстительны, злы, очень редко милосердны. Но людям не дано давать богам моральную оценку. Они не способны постичь разумом божественные решения и потому бессильны перед богами. Людям остается только покорно переносить посылаемые богами бедствия, страдания и войны. Таким образом, в творчестве Софокла отразились дезгармонизация сакрального и профанного, а также неопределенное, по сути, иррациональное, понимание зависимости человека от воли богов.

В эпоху Высокой классики в центре интересов Софокла — не внутренний мир богов, а духовный мир человека, мотивы его поведения. Мир богов все больше отчуждается от человека. Ведь это боги толкают людей на страшные преступления, оказывают поддержку безнравственности и пороку, подпитывают насилие насилием. Его драмы приобретают все более все более светский, профанный характер. Герои «позднего» Софокла уже открыто посмеиваются над богами, старыми традициями, обрядами, оракулами (Иокаста), поносят пророков за их корыстолюбие (Креонт). А как охарактеризовать влияние человека на олимпийских богов? Ответ на этот вопрос у Софокла связан с пониманием Судьбы, которое в V в. до н. э. претерпело значительные изменения. Чувственный образ монументального Рока, который тяготел над жизнью людей², обобщается и приобретает характер некоторого универсального

² Лики Рока многообразны. Это — Мойры, ткущие нити судьбы; Тюхе, богиня удачи, атрибутом которой являлось вращающееся колесо как символ переменчивости судьбы;

принципа, о котором твердо известно лишь то, что он объединяет сакральное и мирское. Античную драму интересовало, насколько могут быть эффективны ответы на удары Судьбы. Для этого необходимо определиться, а что вообще человек может знать о Судьбе. Постепенно утверждается мысль, что причиной страданий человека является не нарушение им морали или непокорность богам, а ограниченность человеческого знания. Судьба не только невидима и неосязаема, но она и непознаваема. Причем непознаваема не только людьми, но и богами; потому-то боги и совершают те страшные дела, о которых мы знаем из мифов. В эпоху Высокой классики образ Судьбы еще больше абстрагируется и насыщается понятийным содержанием. Рок осознается как случайное стечение жизненных обстоятельств, как игра бесцельного случая. Всемогушественны не боги, преследующие свои, часто коварные, цели. Всемогушественен случай, именно он правит миром. Перед лицом случая человек еще более бессилён, чем перед волей богов. Игре случая противостоять нельзя, перед ней возможно только смирение. Такая трактовка Судьбы получила свое развитие в творчестве Еврипида, последнего великого трагика эпохи Высокой классики.

Еврипид отошел от художественных установок Эсхила и Софокла на образную монументальность и нравственную нормативность мифологии. В фокусе интересов Еврипида — не боги, а отдельная личность, ее поведение и душевные качества, благородство, величие и страдания. Для него человек ценен и интересен сам по себе. Античная критика называла Еврипида «философом на сцене». Еврипид обращается к изображению характеров, психологических ситуаций, наполненных бурными страстями и сомнениями. Его привлекали порывы, страсти и внутренняя борьба в душе индивида. Его герои борются и страдают не во имя божественной справедливости, а для преодоления бессмысленности сложившегося положения вещей. Источник трагического конфликта — в самом человеке. Именно мир чувств человека является подлинным источником его несчастий. Отсюда и насыщенность трагедий Еврипида острыми интригами, внезапными поворотами действия, неожиданностью ситуаций.

У Еврипида не жестко детерминированный Рок, а игра случая определяет жизненный путь человека. Предоставленный случайностям Судьбы и игре собственных страстей, человек достоин не наказания, а сострадания («Медея», Федра в «Ипполите» и др.).

Желание верить в могучую неба поддержку
Таёт, когда о делах и о муках раздумаюсь наших.
Вечно — сегодня одно, а завтра другое—
Жребии смертных, что спицы
Быстрых колес, там мелькают... [23. С. 1106—1110].

почитаемая орфиками Ананке, вращающееся веретена которой символизировало «мировую ось», и др.

Вера в возможности и силы человека, его разум уже серьезно поколеблена:

Я не хотела бы видеть глубокую сущность творений,
Но и в потемках коснеть не хотела бы я суеверных.
Солнце хочу я встречать веселой улыбкой,
Благословляя сегодня
И уповая на завтра.
Разум мутится, и нет у сердца крылатой надежды [23. С. 1114—1119].

Духовная атмосфера заката Высокой классики насыщена пессимизмом. Там, где Эсхил и Софокл видели славный подвиг и героизм, Еврипид видит несчастных людей, нуждающихся в сожалении и утешении. Человек беззащитен перед лицом непостижимых стихийных сил, за которыми часто скрывается «гнев богов» с их мелочным тщеславием, злым капризным своеволием, коварством и др. («Ипполит», «Геракл»). Изображая олимпийских богов, Еврипид подчеркивает их низменные качества — капризы, произвол, чувственную страстность, жестокость по отношению к людям. Нередко люди терпят страдания безо всякой своей вины, только в силу аморальности богов. Так в «Ионе» Аполлон трактуется как насильник и обманщик, поведение которого не может быть ничем оправдано. Боги мстительны, они мстят людям буквально на каждом шагу. Эта черта недостойна богов. Мстительность несовместима с сакральностью. В трагедии «Беллерофонт» Еврипид заявляет, что, если олимпийские боги совершают позорные поступки, то они не боги:

Говорят, что на небе есть божества:
Ах, какая фальшь ! Нужно перестать верить
Насчет суеверий — это мое мнение [24].

Еврипид — критический рационалист, он не верит оракулам, в гадания, полон скептицизма, иронии в адрес жреческих обманов, двусмысленности оракулов и др. Сакральные мифы он излагает так, что становится очевидной их нелепость. Еврипид предлагает зрителям естественные объяснения мифологических чудес. В трагедии «Электра» хор излагает миф о том, что Зевс однажды изменил движение солнца и звезд, а затем продолжает:

Так молва говорит, но словам
Этой сказки мало я верю.
Что мы ей, колеснице бога?
И неужто покинет путь,
Чтобы люди мукой платили
За обиду других людей?
Страха божия ради сложила
Эту сказку молва в миру [25. С. 737—744].

В трагедиях Еврипида мифология по сути играет роль антуража, внешней оболочки, служебного средства, а боги теряют сакральность и нормативность,

выполняют преимущественно символические функции. Мир, в котором живут боги, далек и неведом для нас, он в принципе непознаваем. Это вызывает у людей страх перед богами, а иногда и ненависть к ним. Признавая зависимость человека от мира богов, герои Еврипида недовольны ее неопределенностью.

О, Зевс! О, что скажу я? Соблюдаешь
Ты точно ль нас? Иль даром ты почтен
От нас такую славой, а поставлен
Над смертными лишь случай? [26. С. 488—491].

Осознание этих обстоятельств уже само по себе — прозрение, ведущее к трансцендентальности сакрального. Богов много, они многофункциональны, кто из них за что отвечает, не ясно³. А значит, неопределенными становятся и попытки влияния на богов (через просьбы, вклады в святилища, жертвоприношения и др.). К кому из них имеет смысл обращать свои просьбы? Так размышлялась и вторая ценностно-смысловая группа экзистенциальных оснований эллинской религии.

Минимизация роли сакрального в профанном мире нашла свое отражение в историческом творчестве Фукидида, в его описании хода Пелопоннесской войны. Изображая события войны, Фукидид строго логичен, точен, последователен и рационалистичен. Он заявляет, что, в отличие от логографов, не «слагает» историю, заботясь лишь о занимательности и не считаясь с подлинностью событий, а «отыскивает истину», «описывая» реальный исторический процесс [21. С. 13]. В качестве источников его привлекают не мифы, а документы (тексты договоров, официальные постановления и др). Фукидид уверен, что в описании исторических событий надо отвлекаться от всего сказочного, анекдотического и мифического. Он нацелен на изображение безличной обьективизированной детерминистической истории и стремится последовательно изобразить ход исторических событий в их внутренней связности. Места богам в его истории уже попросту нет. Фукидид равнодушен к мифологическим объяснениям истории. Олимпийские боги не обеспечивают связь прошлого, настоящего и будущего. История трактуется Фукидидом как обьективный закономерный поток, в котором господствуют не люди с их сознательными планами и не боги, а стихийные, слепые космические силы. Они-то и придают историческому процессу черты непредсказуемости и иррациональности.

Высокая классика по сути «размыла» экзистенциальные основы эллинской религии. Назрела потребность в их серьезной трансформации в двух основных направлениях. Во-первых, в направлении дальнейшей понятийной генерализации образов богов. Это путь вел к монотеизму. Во-вторых, в направ-

³ Так, Артемида говорит умиряющему Ипполиту: «Оставь богов. Иль думаешь, что гнев (царя афинского Тесея, погубивший Ипполита)... останется неотомщенным?» [23. С. 1116—1119].

лении придания сакральному миру свойств трансцендентности и мистериальности. Возродить гармонию сакрального и профанного, тождество человека и бога можно в том случае, когда сакральное станет Тайной.

Заключение

Эпоха Высокой классики кардинально изменила духовный климат Древней Греции. Пелопоннесская война ускорила кризис полисного образа жизни, его культуры, привела к трансформациям экзистенциальных основ эллинской религии. Личность теряла социальные опоры, возрастало отчуждения человека от мира. Антропоморфные образы всевластных и безжалостных мифологических богов обобщились в абстрактные принципы, выполняющие роль установок и регуляторов социальной и личностной жизнедеятельности. Ушла в прошлое свойственная полисному сознанию гармонизация сакрального и профанного. Боги пока еще наделены сакральностью, но исчезает ясность в понимании характера и меры зависимости человека от воли богов. В этих условиях эллинская теология столкнулась с необходимостью расширения понимания сакрального мира и его свойств. Возникла потребность, во-первых, в дальнейшей концептуализации образов богов, которая в конечном счете вела к монотеизму, во-вторых, в придании представлениям о сакральной реальности черт трансцендентности и мистериальности. Эти процессы определили развитие эллинской теологии в эпоху поздней классики.

Список литературы

- [1] *Найдыш В.М.* Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М. : Гардарика, 2002.
- [2] *Найдыш В.М.* Мифология и теология. Статья вторая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2019. Т. 23. № 2. С. 210—221. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-2-210-221>
- [3] *Найдыш В.М.* Мифотворчество в деятельности сознания // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 26—34
- [4] *Naidysh V.M.* Hellenic theology of early classical period // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Т. 24. № 4. С. 669—680. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2020-24-4-669-680>
- [5] *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб. : Алетей, 1998.
- [6] *Платон.* Государство // Собрание сочинений: в 4 т. / пер. А.Н. Егунова. 2-е изд. М. : Мысль, 1994. Т. 3. С. 79—420.
- [7] *Mauss M.* Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques // L'Année Sociologique. 1ère Année, 1923—1924. P. 30—186.
- [8] *Burkert W.* Homo Necans. Interpretationen altgriechischer Opferriten und Mythen. Berlin : De Gruyter, 1972.
- [9] *Detienne M.* La cuisine du sacrifice en pays grec. En collaboration avec Jean-Pierre Vernant. Paris : Gallimard, 1997.
- [10] *Воеводский Л.Ф.* Каннибализм в греческих мифах. Опыт по истории развития нравственности. СПб. : Тип. Академии наук, 1874.

- [11] Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М.: КДУ, 2007.
- [12] Зелинский Ф.Ф. Эллинская религия. Минск : Экономпресс, 2003.
- [13] Геродот. История: в 9 т / пер. Г.А. Стратановского. Ленинград : Наука, 1972.
- [14] Гомперц Т. Греческие мыслители. Т. 1 / пер. У. Герцых и Д. Жуковского. СПб. : Изд-во Д.Е. Жуковского, 1911.
- [15] Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи: время расцвета демократии. М. : Наука, 2008.
- [16] Акимова Л. Искусство древней Греции: Классика. СПб. : Изд. Азбука-классика, 2007.
- [17] Эсхил. Трагедии / пер. В. Иванова. М. : Наука, 1989.
- [18] Софокл. Трагедии / пер. С.В. Шервинского. М. : ГИХЛ, 1954.
- [19] Лебедев А.В. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М. : Наука, 1989.
- [20] Софокл. Эдип в Колоне / пер. Ф.Ф. Зелинского. М. : Наука, 1990.
- [21] Фукидид. История / пер. Г.А. Стратановского. Ленинград : Наука, 1981.
- [22] Еврипид. Трагедии. В 2 томах. Литературные памятники. М. : Наука, Ладомир, 1999.
- [23] Еврипид. Ипполит // Трагедии. В 2 томах. Литературные памятники. Т. 2. М. : Наука, Ладомир, 1999.
- [24] Tragedies d'Euripide. En 2 volumes. Artaud M, transl. Paris : Charpentier, Libraire-editeur, 1842. Режим доступа: <http://remacle.org/bloodwolf/tragediens/euripide/Euripide7> (дата обращения: 15.01.2022).
- [25] Еврипид. Электра // Трагедии. В 2 томах. Литературные памятники. Т. 1. М. : Наука, Ладомир, 1999.
- [26] Еврипид. Гекуба // Трагедии. В 2 томах. Литературные памятники. Т. 2. М. : Наука, Ладомир, 1999.

References

- [1] Naidysh VM. *Philosophy of mythology. From antiquity to the era of romanticism*. Moscow: Gardariki; 2002. (In Russian).
- [2] Naidysh VM. Mythology and Theology. Second Article. *RUDN Journal of Philosophy*. 2019;23(2):210—221. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-2-210-221> (In Russian).
- [3] Naidysh VM. Mythmaking in the Activities of Consciousness. *Voprosy Filosofii*. 2017;(5):26—34. (In Russian).
- [4] Naidysh VM. Hellenic theology of early classical period. *RUDN Journal of Philosophy*. 2020;24(4):669—680. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2020-24-4-669-680>
- [5] Andreev YV. The price of freedom and harmony: A few touches to the portrait of Greek civilization. Saint Petersburg: Aletheia; 1998. (In Russian).
- [6] Platon. *State*. In: *Collected works: in 4 volumes. 2nd ed*. Egunov AN, transl. Moscow: Mysl; 1994. Vol. 3. P. 79—420. (In Russian).
- [7] Mauss M. *Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques*. In: *L'Année Sociologique. 1ère Année; 1923—1924*. P. 30—186.
- [8] Burkert W. *Homo Necans. Interpretationen altgriechischer Opferriten und Mythen*. Berlin: De Gruyter; 1972.
- [9] Detienne M. *La cuisine du sacrifice en pays grec. En collaboration avec Jean-Pierre Vernant*. Paris: Gallimard; 1997.

- [10] Voevodskij LF. *Cannibalism in Greek myths. Experience in the history of the development of morality*. Saint Petersburg: Typ. Academy of Sciences; 1874. (In Russian).
- [11] Surikov IE. *Archaic and Classical Greece: Problems of History and Source Studies*. Moscow: KDU; 2007. (In Russian).
- [12] Zelinskij FF. *Hellenic religion*. Minsk: Econompres; 2003. (In Russian).
- [13] Herodotus. *History. In nine volumes*. Stratanovsky GA, transl. Leningrad: Science; 1972. (In Russian).
- [14] Gomperz T. *Greek thinkers. Vol. 1*. Saint Petersburg: Ed. D.E. Zhukovsky; 1911. (In Russian).
- [15] Surikov IE. *Ancient Greece: Politics in the Context of the Epoch: The Heyday of Democracy*. Moscow: Nauka; 2008. (In Russian).
- [16] Akimova L. *The Art of Ancient Greece: Classics*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika Publishing House; 2007. (In Russian).
- [17] Aeschylus. *Tragedies*. Ivanov V, transl. Moscow: Science; 1989. (In Russian).
- [18] Sophocles. *Tragedies*. Shervinsky SV. Moscow: GIHL; 1954. (In Russian).
- [19] Lebedev AV. *Fragments of early Greek Philosophers. Part 1. From Epic Theocosmogonies to the emergence of Atomistics*. Moscow: Science; 1989. (In Russian).
- [20] Sophocles. *Oedipus in Colon*. Zelinsky FF, transl. Moscow: Science; 1990. (In Russian).
- [21] Thucydides. *History*. Stratanovsky GA. Leningrad: Science; 1981. (In Russian).
- [22] Euripides. *Tragedies. In 2 volumes. Literary Monuments*. Moscow: Science, Ladomir; 1999. (In Russian).
- [23] Euripides. Ippolit. Annensky I, transl. In: *Tragedies. In 2 volumes. Literary Monuments*. Moscow: Science, Ladomir; 1999. (In Russian).
- [24] *Tragedies d'Euripide. En 2 volumes*. Artaud M, transl. Paris: Charpentier, Libraire-éditeur; 1842. Available from: <http://remacle.org/bloodwolf/tragediens/euripide/Euripide7> (accessed: 15.01.22).
- [25] Euripides. Elektra. Annensky I, transl. In: *Tragedies. In 2 volumes. Literary Monuments*. Moscow: Science, Ladomir; 1999. (In Russian).
- [26] Euripides. Gekuba. Annensky I, transl. In: *Tragedies. In 2 volumes. Literary Monuments*. Moscow: Science, Ladomir; 1999. (In Russian).

Сведения об авторе:

Найдыш Вячеслав Михайлович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии и теории познания, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: v.naidysh@bk.ru).

About the author:

Naidysh Viacheslav M. — DSc in Philosophy, Professor of the Department of Ontology and Epistemology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: v.naidysh@bk.ru).

Будущее человека и человечества

The Future of Human and Humanity

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-94-107>

EDN: PHLXJV

Research Article / Научная статья

Pedagogy of Work in Postmodern Society: Between Job Insecurity and Digital Revolution

M. De Martino¹, R. Alonzi¹, E. Isidori²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

²Foro Italico University of Rome,
6, Piazza L. De Bosis, Rome, 00135, Italy

de-martino-m@rudn.ru

Abstract. This article aims to analyze how the so-called ‘pedagogy of work’ attempts to answer the challenges of unemployment and job insecurity characterizing the labor market in contemporary society. The authors reflect on the concepts of nihilist pedagogies and the ‘end of work’ by distinguishing two approaches: an active and a passive nihilist pedagogy. The passive approach, based on resignation, is opposed to an active attitude in which labor pedagogy offers tools to address current challenges. The authors support the idea that pedagogy as a human-improving science cannot adopt the position of passive nihilism in interpreting work in contemporary society. To better understand the dynamics related to job insecurity and corrective solutions by pedagogy, the authors analyzed the thoughts of three contemporary philosophers: Zygmunt Bauman, Jeremy Rifkin, and Dominique Méda. These authors redefined the concept of work in connection with the transformations because of globalization, the advent of new communication technologies, and digital work. These changes have redefined not only the concept of work but also the models of work pedagogy in the Western world: capitalism and Marxism. Considering the current challenges, the pedagogy of work needs to be rethought, starting from the problem of employability and focusing on the new occupations in demand in the Internet age. By integrating ideas on interpreting work from the theories of Bauman, Rifkin, and Méda, it is possible to propose a pedagogy of work in the age of change and to outline possible values of education inspired by it.

Keywords: pedagogy of work, postmodernism, nihilism, job instability, education, digital technologies

Article history:

The article was submitted on 01.06.2022

The article was accepted on 22.12.2022

© De Martino M., Alonzi R., Isidori E., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: De Martino M, Alonzi R, Isidori E. Pedagogy of Work in Postmodern Society: Between Job Insecurity and Digital Revolution. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):94—107. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-94-107>

Introduction

In contemporary society, work seems to assume more and more the appearance of a product-process of “communication”, which often comes as “services” (more or less shared and personalized) and services. All this means that the work in our society is configured as an object that requires qualified personnel and human “resources” or “human capital” equipped with skills for creating, optimizing, developing, and implementing this communication.

The new paradigms of labor sharing understood as “communication” in the sense ascribed to it above seem to bring back into vogue the Marxist dream of a planetary government by the masses and a hypothetical “democratic dictatorship” of the “proletariat” that the masses today have replaced, thus redesigning and opening up new and unthinkable scenarios until a few decades ago for labor pedagogy [1; 2].

Someone may object that this “government” and this “democracy” are only apparent and that, in reality, they are always masses controlled by the interests of oligarchs, the new capitalists of the e-economy. This economic elite, interested in maximizing the profits obtained from their companies that, focusing on goods and services, aimed at consumers, conditioned and standardized in their tastes through induced needs, can count on a planetary clientele able to increase their sales and the consequent earnings out of all proportion.

However, on closer inspection, the criticism of this complex form of democracy open from the scenarios of the production of goods and services in contemporary society is a problem that concerns democracy tout court. Democracy always represents the domain of the “many” over the “few” and, as a form of government, it is not alien to malfunctions, misunderstandings, errors, and iniquities. These shortcomings occur when the masses are not actually educated to use democracy, are deceitfully deceived, and are not accustomed to developing critical and reflective thought.

Western democracies represent a good example. In those cases, governments highly depend on the interests of parties, elites, oligarchies, and dominant groups, always careful to limit the freedom of expression and communication at the moment in which criticisms are addressed to them that may affect the consensus acquired more or less with the imposition or non-shared change of the rules of democracy itself. The Italian case is exemplary in this sense, a country that is in 58th place in the 2022 *Reporters Sans Frontiers* (RSF) report for freedom of expression and in which there is a continuous manipulation of information (economic, political, social) transmitted by the mass media often controlled by parties and government bodies interested in maintaining a permanent *status quo* situation.

However, as the advocates of direct democracy well know, it is possible to combat these forms of control and obstacle to the undemocratic manipulation of

information precisely through those means of sharing knowledge and opinions and of participation represented precisely by the new technologies of network communication and distance. The future and the quality of western democracy seem to move towards “electronic democracy” (*e-democracy*) that encourages participation in digital form and at a distance in people’s decisions. This form of democracy, which also impacts the conception and implementation of working practices in the contemporary world, needs a pedagogical reflection that can guarantee qualitatively acceptable fruition through specific education [3].

The new scenarios, opened up by the possibility of direct and democratic participation and disclosed by the new means of web communication, envisage new dynamics for the conception of work and the development of theoretical-practical models of work education in contemporary society. These scenarios complicate the dynamics between Marxist and capitalist forms of conceptions of work, hybridizing them and calling pedagogy as a human and social science to an analysis of work in the contemporary world [4].

Nihilist pedagogies and ‘end of work’

In contemporary times, the concepts of development and growth seem to be determined not only by economic logic but also by psychological and emotional variables that the human sciences seem better able to capture than other sciences. In recent years, economists have introduced the concept of happy degrowth, referring to an environment dominated by uncertainty and instability about the future with a substantial inability to predict and respond to change. In this context, the American economist Rifkin introduced the idea of “the end of work” [5].

But is it correct to use the term “end” to conceive work in contemporary society? Is this really an “end” or, in reality, does this expression indicate nothing more than the “beginning” of something new destined to last over time and for future years? Perhaps in contemporary society and culture, it is not a work to be finished, but what is ended is a specific “ideology” of work as it had been delineating and structuring itself in western history and to whose development in modernity Marxist and capitalist theories have contributed significantly.

According to this perspective, it would not be the end of the work we are witnessing today but its “crisis”. The current situation should be understood not in the sense of destruction or irreparable and definitive loss but of a transformation that implies a rethinking of its purpose and its meanings considering the profound and structural changes that new technologies (especially today of the Web) are causing to the ways of sharing and implementing work in our society [6]. This crisis is always positive regarding feedback and information received and usable for improving human actions and behaviors.

These profound transformations envisage the possibility of interpreting the work from a “nihilistic” perspective that can be passive or active. The view proposed by the passive nihilistic interpretation of work implies a pessimistic approach based on resignation, acceptance of the status quo of a factual situation where employment for people in traditional jobs has decreased or disappeared

because of structural changes in the production systems and the conception of the goods produced. This idea of irreparable loss generates a void from which flows a lack of commitment toward accepting the challenge posed by the change of work in the contemporary world.

The active nihilist perspective toward work suggests a position contrary to the previous one. The starting point of active nihilism is that contemporary society has radically changed in the last few years affecting the labor market. The transformation of society and work in Western society was because of multiple factors like globalization and the advent of new communication technologies and digital work [7]. Active nihilism supports the idea that work, as it was traditionally understood in the past, does not exist anymore.

These two types of nihilism (passive and active) correspond to two specific pedagogies of work, which we can define as “nihilist”. Both have in common the idea of “absence” and “emptiness” in work. However, in the passive nihilist pedagogy, the so-called “end” of work is inescapable and characterized by an unbridgeable void with all the pessimism and resignation that comes with it. For the active nihilist pedagogy of work, this void triggers the deployment of energy to change the situation. Active nihilist pedagogy aims to rethink contemporary work differently by using education and new technologies to train human beings who will have to operate in that work context in the future [8].

Passive nihilist pedagogy sees contemporary work as a complex challenge to be faced and overcome through education. Contemporary work pedagogy thus seems to involve a choice between resignation and passive acceptance of work as presented by interpreting a possible passive nihilism and the commitment and enthusiasm of a possible active nihilism.

Work perceived from the perspective of active nihilist pedagogy presupposes a logic that replaces the idea of *nihil* (nothing) with that of *diversum* (different). From a *diversum* perspective, work is “different” and “distant” from how it was in the past.

Contemporary work is based on the principle of different (*diversum*), as opposed and distinct concerning work as it was understood in the past. This difference makes it uncertain, and inconstant, and generates perplexity among people. This characteristic can be defined as the perspective of diversity in contemporary work. Such a perspective sees contemporary work as diverse and fills the conceptual gap and the absence of pedagogical engagement assumed by passive nihilism.

This interpretation unveils other perspectives and the possibility of rethinking meanings, spaces, functions, and jobs in the contemporary world according to different logics. Active nihilism, in the diversity perspective, presupposes the development of the logic of adaptation and resilience in interpreting contemporary work by implying a new pedagogy.

Such pedagogy firmly takes critical positions against the rhetoric of work based on generic statements such as, “work exists; however, one must invent it”; “one must adapt to working conditions and be content”; “one must always train to

develop skills.” The rhetoric of work, while responding to some founding principles of work education in contemporary times (creativity, flexibility understood as open-mindedness and adaptation, disposition to lifelong learning), often seems to be dictated more by interests that are subject to capitalist logic rather than implementing pedagogical models [9]. This rhetoric seems to have more to do with lowering expectations of remuneration and positioning concerning the qualifications possessed, maintaining the status quo in a society that increasingly sees the dominance of a McDonaldized conception of work [10]. This rhetoric should divert the tension of workers or job seekers toward demanding rights and greater dignity and quality in the work they do or wish to do.

Indeed, for pedagogy as a science, the choice between the passive and active nihilistic conception of work is complex. However, pedagogy as a human-improving science cannot adopt the position of passive nihilism in interpreting work in contemporary society.

The active nihilist pedagogy of work opens up new spaces for reflection that oppose the possible pessimistic instances implicit in the widespread theory of the “end of work”. This theory supports the idea that what is “finished” in today’s society and culture is not work but the ideology of work as it was conceived in the past. This end implies a “crisis” of work understood as a “rethinking” of its purposes and meanings in the contemporary world [11].

In this context, spaces open up for an extensive pedagogical reflection that starts from complex and specific questions that highlight and challenge the very structure of pedagogy as a human science. These questions (besides questioning whether pedagogy can have a role within the contemporary conception of work) are: is it possible to conceive a “liquid” pedagogy of work (or a pedagogy of “liquid” work) in the contemporary world? Is a pedagogy of end of work theoretically and practically possible? In an age in which economists introduced the idea of “degrowth” as a concept as opposed to “growth” and “development,” is a pedagogy of degrowth possible? And if so, how can the theory implied in it be reconciled with the capitalist and Marxist pedagogies of labor that continually dominate or resurface in contemporary society?

Perspectives of Bauman, Rifkin, and Méda on contemporary work

The philosophers Zygmunt Bauman (1925—2017), Jeremy Rifkin (1945) and Dominique Méda (1962) have reflected on the concept of work and its socio-pedagogical dimension (Table 1). These thinkers redefined the concept of work in connection with the transformations of contemporary society. These changes have radically reshaped both production and communication relations. The profound changes in society accelerated by new communication technologies have changed the concept of work and challenged classical educational theories.

Zygmunt Bauman has highlighted the ‘liquidity’ of the human condition by using a metaphor that has become indicative of the society and culture of the first decades of the new millennium. This ‘liquidity’ — as opposed to the ‘solidity’ and

‘solidity’ of the societies of the past — characterises all our lives and conditions all possible relationships that mark the existence of human beings [12]. The ‘liquidity’ of people’s social, economic and professional lives makes the lack of certainty the very essence of the conception of the future. The impossibility of foreseeing future trends or scenarios makes any forecast on work and employment vain, uncertain and unpredictable.

Table 1 Perspectives of Bauman, Rifkin, and Méda on contemporary work and its socio-pedagogical dimension

Perspectives	Type of pedagogical intervention suggested	Result/objective
Liquidity (Bauman)	pedagogy of improvement effort	personal and community well-being and happiness
End of work (Rifkin)	up-to-date education (more digital skills)	knowledge elite
Work less, work all (Méda)	critical education that reshapes people’s needs	pursuit of happiness and psychic and social well-being / happy degrowth

Job instability and uncertainty for the future create psychological and social problems [13, 14]. All this generates suffering, pain, and anger (due to unfulfilled expectations on the part of society), forces the younger generations to emigrate, or causes them to shut themselves up in laxity and total passivity. Uncertainty spreads feelings of psychological and social malaise that turn into pathologies that jeopardize the very survival of western democracies and their implementation in terms of the correctness of methodological procedures and content (democratic values).

All this implies ethical and pedagogical problems of epochal proportions [15]. The work ethic has now become a life (and vital) ethic. Work, for example, is sometimes presented as something that is supposed to be used to earn enough to survive and be happy by doing or producing something (a good or service) that is useful to others and that others will consider qualitatively valuable to their lives and worthy of being bought. It is crucial always to aim to improve one’s product or service. Rest is only the starting point for regaining one’s strength and continuing to strive and work to offer a better product to others.

These ethical principles, if developed in the context of respect for both the rights and duties of workers and the needs of employers, could effectively lead to overcoming possible logic of deception, asymmetry, and dominance in labor and production relations. A work ethic conceived in this way unveils anthropo-pedagogical perspectives in which work becomes the pretext for the activation of personal improvement processes, for the deployment of resources and energies in pursuit of an objective that is none other than one’s perfectibility as a human being.

In this effort to improve the production of a shared good, it is crucial to rediscover the dignity of work and of the person who performs it and the social values that education and training always aim and intend to pursue. These ethical principles envisage a pedagogy of work that is directed towards a pedagogy of effort

committed to improving the quality of people's lives through the production of goods and services that are ethically grounded and oriented not towards a mere and superficial 'consumption' but towards a purpose that pursues personal and community well-being and happiness. Here, happiness is given by the emotional gratification generated by the production of a good for the well-being of others can generate.

The American economist Jeremy Rifkin (1945) emphasized how, in an 'unnatural' and obsessive economy where resources are used to produce in a way that fosters excess consumption, there is a need to re-enter a 'natural' cycle of production. In this context, concepts such as 'recycling', 'clean and renewable energies', 'happy degrowth', and 'sustainability' assume a central role.

The main problem is that formal and non-formal education cannot keep up with the constant updates and demands for specific training emerging from the ongoing technological changes [16]. The contents proposed by education systems appears outdated: most of the digital skills of the new generations are learned 'informally', autonomously, and through the Internet itself.

The so-called 'access' metaphor dominates today's society and has become one of the metaphors of our era (and thus also of the economy and education/training), as Rifkin himself emphasized. In the age of access, the Internet seems to cause our ills and its remedy.

The Internet offers endless work and training opportunities for those who know how to access it with versatility and competence. Accessing and using the network also requires skills people need to develop to use the Internet profitably and critically. Digital technologies and production systems have changed the way of working, training, and social relations [17].

As Rifkin indicated over twenty years ago, the workers on whom the industrial production system of the past rested are gradually being transformed into knowledge workers [6]. The younger generations must be formed — and this is the task of schools and universities — into knowledge elites capable of creating, investing, and managing the improvement of human community life. This capital will no longer be predominantly economic but social and knowledge-based.

An alternative vision that seeks to reconcile the work perspective outlined by Bauman and Rifkin is offered to us by French economist, sociologist, and philosopher Dominique Méda (1962). According to this scholar, to make up for the lack of employment that is an objective fact of the traditional labor system, it is necessary to reduce the actual working hours per week performed by people to redistribute the work itself better [18].

For Méda, for example, by working all and less (even with a pay cut), people would have more time for themselves and leisure activities [19; 20]. Working, having a place in society, and feeling useful would prevent people from the psychological damage and suffering associated with a lack of work [21]. Consequently, the person with his dignity would assume a central role in the working context. After all, work is not the goal of life: it should only be a means of

procuring enough to guarantee oneself a dignified life and satisfy one's needs in enjoying shared psychological, social, and economic well-being [22].

This working model envisages a pedagogical intervention in favor of a new (and critical) education that redraws the map of human needs and values to which people's lives must conform. These values are sociality, leisure, solidarity, and the cultivation of personal interests. This economic model, to be implemented, needs a rethinking of the competitive models advocated by contemporary society. It is then a matter of developing an economic and social model that, before gain and wealth, puts the pursuit of happiness and psychic and social well-being first among the objectives to be achieved through work.

The pedagogy of work between old epistemologies and new anthropologies

Within the educational sciences and the framework of so-called “nonformal education,” pedagogy of work, through an interdisciplinary approach, studies the conditions for possible improvement of teaching-learning conditions within the enterprise in anthropological labor relations and lifelong learning of people [23].

Characterized by an interest in economic-enterprise efficiency and the humanization of work, this specialized pedagogy focuses on the impact that the content and forms of work organization can have on people's education. As in all pedagogies, the person plays a central role in the pedagogy of work [24]. This specialized pedagogy is constantly seeking a balance between the democratization of work and the market needs in an ethical effort to reconcile the rights and duties of the actors involved in work processes through training. Pedagogy of work not only considers training as the primary and fundamental tool for improving skills, interpersonal relations, and communication between all the actors involved in the human labor system but is also committed on the social side to creating permanent learning opportunities for all [25]. This commitment is driven by the awareness that from the qualitative improvement of the processes of work implementation can come the psychological and social well-being that is the prelude to a better, fairer, and more just society.

If the task of pedagogy of work can be summarized as ‘thinking educationally about work’ [26] and helping companies to think as such, it is also true that its main objectives are mainly social. As a borderline science between psychology and sociology, contemporary pedagogy of work, despite the identity crisis it is suffering through for the reasons highlighted in this essay, continues to envisage an epistemology that seeks to understand and interpret work by bringing together three main visions, namely:

- 1) the sociological vision, which studies work as a social reality that interacts with other social phenomena linked to specific historical and political contexts;
- 2) the educational vision, which considers work from the perspective of education (formal education) and training (non-formal education) and seeks to unify the two perspectives by using them for the development of skills in people;

3) the anthropological vision, which analyzes work as an activity that gives meaning to human beings and permanently perfects them by realizing their specific vocation.

As a specific field of educational sciences, pedagogy of work is committed to defining not only the relationship between *homo socialis* (social man) and *homo faber* (man the maker) but also the cultural and educational spaces in which the perspectives disclosed by this relationship can meet. This space is naturally a critical-hermeneutic pedagogical space in which, through continuous reflection and an emancipation-oriented praxis, work-related processes are analyzed and understood in their socio-cultural meanings and transformed into pedagogical actions of integration and inclusion addressed to people and the improvement of the communities and territories in which they live.

Therefore, pedagogy of work is like any other pedagogy, an interpretive and normative hermeneutic science centered on intervention, which also has a descriptive dimension that it shares with other specialized social sciences (such as the sociology of labor) that are now also taking shape according to an interventionist logic [27].

Pedagogy of work presents itself as an educational knowledge born to find a response to specific needs. Therefore, it should be considered as a project for research and development of the human being in the context of work understood as a system described by productive, educational, and social processes linked to specific modes of expression and creativity, both individual and collective.

The concentration of the interests of contemporary pedagogy on work is, in fact, helpful in eliminating clichés related to the view of pedagogical research on work concerning the analysis conducted by the other human sciences [1]. The object of study of this form of pedagogy is distinct from but related to that of social pedagogy, which, in turn, has natural links and continuous comparisons with general pedagogy. Labor pedagogical research, which is mainly focused on the social dimension, aims at improving human coexistence in a view that can unite educational demands with inclusive social responses such as employability [28].

This is the area of interest of work pedagogy which has now become autonomous in the peculiarity of research, with its study object, although connected to general pedagogy, but with its methodological peculiarity [29]. Of course, the relationship with other human sciences, particularly sociology, is favored and desirable. In the method implemented, the working dimension as a specific constituent of the pedagogy of work maintains the relationship with the general pedagogy through the design phase, followed by the description, interpretation, and combination of social results.

In the pedagogy of contemporary work, there are currently two specific contemporary anthropologies: of *homo otiosus* and *homo voluntas* [30—32]. The anthropology of *homo otiosus* expresses the condition in which contemporary man lives in which the lack of employability and the progressive replacement of human work with machines means that people have a considerable amount of free time and time to devote to recreational activities (sports, recreational activities, tourism). The

anthropology of *homo voluntas* refers to a specific vision of the postmodern subject and his creativity from the perspective of Paul Ricoeur's philosophy (1913—2005) [33]. This vision presents the idea of a contemporary human being who, to escape the emptiness and annihilation of the postmodern condition, finds its existential meaning in creative activities based on models and implementation processes similar to work. Some examples of creative activities are volunteering, recreation, hobbies, or the cultivation of particular interests for practical utility, which express the will of the subject to escape and assert his own identity by engaging in pursuing a personal and community good even in contexts in which the absence of employability and traditionally understood work appears to be a fact [34].

Conclusion

In this complex and changing scenario, does it still make sense to discuss a pedagogy of work? If so, what pedagogy of work should be adopted in the age of the end of work? Liquidity, if we like it, with all its ethical, anthropological, organizational, and educational implications, is a fact that cannot be ignored. We propose to rethink the pedagogy of work, starting from the problem of employability and focusing on the new occupations required in the Internet age. By integrating the ideas on interpreting the work briefly obtained from the theories of Bauman, Rifkin, and Méda, it is possible to propose a sketch of a “provisional” pedagogy of work in the era of change and outline the possible values of education inspired by it.

The pedagogy of work we propose results from integrating different pedagogies. These pedagogies refer to the ‘fragments’ of what remains of work as traditionally understood in our time. In the perspective of ‘liquidity’, ‘end of work’, ‘work less, work all’, and in the context of a shared economy and solidarity, we propose the pedagogy of ‘micro’, as opposed to the pedagogy of ‘macro’. In an era in which the objectives of macroeconomic systems seem to fail because they not only put wealth in the hands of a few but do not generate “development” and “growth”, often appearing to be unsustainable both from a social and environmental point of view, it is necessary to enhance the so-called “microeconomies” and the projects that promote them. An example of such an economic model was developed by the Bengali economist and banker Muhammad Iunus (1940), who proposed the revolutionary system of micro-credits (modest loans to entrepreneurs too poor to obtain bank lending). This model, however, requires a new approach to the economy and needs an economic education that puts people, their real needs, their interests, and their territories seen at the center of the economy, seen as micro-centers / micro-cells of an organization/organism that can live independently and interdependently to the “whole”.

Moreover, the difficulties of adaptation and the suffering generated by the lack of traditional employment, the need to adapt and constantly question one's skills, and the uncertainty of job insecurity require the assumption of particular instances and educational strategies in the pedagogy of work envisaged by the ‘pedagogy of resilience’. This pedagogy, which stems from the educational theory and practice

of ‘resilience’, aims to educate and train people to develop skills that enable them to cope with — through individual and community strategies — and overcome the traumas of job loss. Moreover, people can develop skills to overcome difficult periods due to job loss by resisting stress through psychological mechanisms that promote personal well-being.

It is, therefore, a matter of rethinking the pedagogy of work in terms of a theory and praxis of an ‘education to hope and happiness’ as envisaged by Brazilian pedagogue Paulo Freire (1921—1997). A happiness that is not naively conceived or pursued, which is to be found not in the traditional work of industrial production — as the grand narratives of the West would have it — but in ‘other’ jobs. Those jobs have as their starting point the cultivation of one’s interests and the gratification derived from the manifestation of one’s solidarity with others in the sharing of values embodied in the spirit of humanity (whether religious or secular) and brotherhood [35. P. 20].

This pedagogy of work also takes the form of a ‘pedagogy of leisure’ and culture and sees work as an activity that contributes to the development of human cultures. This pedagogy appreciates human culture’s value and beauty in producing material and spiritual goods [36]. This approach is the synthesis of what we can call the ‘pedagogy of *otium*’ instead of ‘*negotium*’ which no longer seems to exist in its traditional forms.

Of course, to conclude the synthesis of the possible disciplinary contributions that different pedagogies can make to the so-called ‘pedagogy of work’, we cannot forget those derived from digital pedagogy. That kind of pedagogy refers to the use of the Internet and the possibilities offered by Web 2.0 resources by critically examining them and using them as tools to develop lifelong competencies for life (first and foremost) and work as an integral but not exclusive part of it. In the age of communication, the Internet is becoming increasingly important to train skills helpful in carrying out new professions, which often have the digital and virtual context built by them as their scenario. The Internet, in reality, opens up new opportunities and configures “other” scenarios for contemporary work.

In a scenario in which the presence of virtual reality advances more and more every day and the time of learning, having fun, and working are confused, the Internet and technology will increasingly represent a safe and reassuring place for our life. This place will have to be transformed, through education, not into a refuge to escape the pain and dissatisfaction of everyday life, nor *opium* for the new generations without occupation. On the contrary, the Internet and technology should turn into a new world in which everyone can work and train themselves, becoming those nobles and kings for whom work was and will always be an *otium* and never *labor* marked by fatigue and pain.

References

- [1] Alessandrini G. *Pedagogia delle risorse umane e delle organizzazioni*. Milano: Guerini studio; 2004.
- [2] Alessandrini G. La pedagogia del lavoro. *Education Sciences & Society*. 2012;3(2):55—72.

- [3] Apple M, Kenway J, Singh M. *Globalizing education: Policies, pedagogies, & politics*. New York: Peter Lang Publishing; 2005.
- [4] Giroux H. Public Pedagogy and the Politics of Resistance: Notes on a critical theory of educational struggle. *Educational Philosophy and Theory*. 2003;35(1):5—16. <https://doi.org/10.1111/1469-5812.00002>
- [5] Rifkin J. *The end of work*. New York: Tarcher/Penguin; 2004.
- [6] Rifkin J. *The Age of Access: The New Culture of Hypercapitalism, where All of Life is a Paid-for Experience*. New York: Putnam Publishing Group; 2000.
- [7] Means A. *Learning to save the future: Rethinking education and work in an era of digital capitalism. 1-st ed*. New York: Routledge; 2018.
- [8] Fraile J, Vera C. *Un nuevo modelo de formación para el siglo XXI: la enseñanza basada en competencias*. Barcelona: Davinci; 2008.
- [9] Díez Gutiérrez E. La globalización neoliberal y sus repercusiones en educación. *Revista electrónica interuniversitaria de formación del profesorado*. 2010;13(2):23—38.
- [10] Ritzer G. *The McDonaldisation of Society: Into the Digital Age. 10-th ed*. New York: SAGE Publications; 2020.
- [11] Bocca G. *Pedagogia del lavoro*. Brescia: La scuola; 1998.
- [12] Bauman Z. *Liquid Modernity. 1-st ed*. Cambridge: Polity; 2000.
- [13] Bauman Z. *Work, consumerism and the new poor. 2-nd ed*. Milton Keynes: Open Univ. Press; 2005.
- [14] Bauman Z. *Globalizzazione e glocalizzazione*. Roma: Armando editore; 2005.
- [15] Bauman Z. *Postmodern Ethics. 1-st ed*. Oxford: Blackwell; 1993.
- [16] Serres M. *Petite poucette*. Paris: Editions le Pommier; 2012.
- [17] Pignalberi C. Le employability e le soft skills per orientarsi e dirigersi nel lavoro del futuro: il contributo della pedagogia del lavoro. *Education Sciences & Society*. 2020;(2):155—176. <https://doi.org/10.3280/ess2-2020oa9408>
- [18] Méda D. *Au-delà du PIB. Pour une autre mesure de la richesse*. Paris: Flammarion; 2008.
- [19] Méda D. *Travail, la révolution nécessaire*. La Tour-d'Aigues: Editions de l'Aube; 2010.
- [20] Bourg D, Kaufmann A, Méda D. *L'Âge de la transition. En route pour la reconversion écologique*. Paris: Les Petits Matins; 2016.
- [21] Larrouturou P, Méda D. *Einstein avait raison: il faut réduire le temps de travail*. Ivry-sur-Seine: Éditions de l'Atelier; 2016.
- [22] De Masi D. *Lavorare gratis, lavorare tutti*. Milano: Rizzoli; 2017.
- [23] Schaub H, Zenke K. *Wörterbuch zur Pädagogik*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag; 2007.
- [24] Manici S. Per una pedagogia del soggetto: la centralità della persona negli interventi educativi. *Ricerca Psicoanalitica*. 2022;33(1):55—67. <https://doi.org/10.4081/rp.2022.607>
- [25] Cegolon A. *Oltre la disoccupazione. Per una nuova pedagogia del lavoro*. Roma: Studium; 2020.
- [26] Reyero García D. Pensar educativamente el trabajo. *Revista Complutense de Educación*. 1999;10(1):93—104.
- [27] Cegolon A. *Lavoro e pedagogia del lavoro: origine, sviluppo, prospettive*. Roma: Studium; 2020.
- [28] Alessandrini G, Pignalberi C. *Le sfide dell'educazione oggi. Nuovi habitat tecnologici, reti e comunità*. Lecce: Pensa Multimedia; 2012.
- [29] Palma M. Verso una pedagogia del lavoro: spunti di riflessione per pensare il rapporto tra formazione e lavoro. *Ricerche di Pedagogia e Didattica Journal of Theories and Research in Education*. 2018;13(3):27—54.
- [30] Smith D. *Grassroots associations. Thousand Oaks*. California: Sage Publications; 2000.

- [31] Stebbins R. *Personal Decisions in the Public Square: Beyond Problem Solving into a Positive Sociology*. 1-st ed. New York: Routledge; 2009.
- [32] Stebbins R. *The Idea of Leisure: First Principles*. 1-st ed. New York: Routledge; 2012.
- [33] Kenzo M. *Dialectic of Sedimentation and Innovation: Paul Ricoeur on Creativity After the Subject*. New York: Peter Lang; 2009.
Stebbins R. Homo otiosus: Who is this creature, does it exist, should it matter? *Leisure Studies Association Newsletter*. 2022;94(3):19—21.
- [34] Souza K. ‘Flores da revolução’: notas para uma pedagogia do trabalho em Paulo Freire. *Trabalho, Educação e Saúde*. 2022;(20):1—15. <https://doi.org/10.1590/1981-7746-ojs00211>
- [35] Trend D. *Cultural pedagogy: art, education, politics*. New York: Bergin & Garvey; 1992.

About the authors:

De Martino Mario — Assistant Professor, Department of Marketing, Faculty of Economics, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: de-martino-m@rudn.ru). ORCID: 0000-0002-3903-6532

Alonzi Roberta — Professor, Department of Foreign Languages, Philological Faculty, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: alonzi-r@rudn.ru). ORCID: 0000-0003-3604-3283

Isidori Emanuele — Professor, Department of Movement, Human and Health Sciences, Foro Italico University of Rome, Rome, Italy (e-mail: emanuele.isidori@uniroma4.it). ORCID: 0000-0002-5214-6015

Педагогика профессиональной деятельности в постмодернистском обществе: дихотомия профессиональной нестабильности и цифровой революции

М. Де Мартино¹ , Р. Алонци¹ , Э. Изидори²

¹Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Римский университет «Форо Италико»,
Итальянская Республика, 00135, Рим, Пьяцца Л. Де Босис, д. 6

 de-martino-m@rudn.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является анализ педагогики профессиональной деятельности (педагогики труда) и ответ на вопрос, как она реагирует на вызовы безработицы и отсутствия занятости, характерные для рынка труда и актуальные для современного общества. Авторы статьи рассматривают концепции нигилистической педагогики и «конца труда», выявляя два подхода: к активной и пассивной нигилистической педагогике. Пассивный подход, основанный на смирении, противопоставляется активному подходу, в котором педагогика труда предлагает инструменты для решения текущих проблем. Авторы данной статьи поддерживают идею о том, что педагогика как человеко-ориентированная наука не может принять позицию пассивного нигилизма при рассмотрении труда в современном обществе. Чтобы лучше понять динамику, связанную

с обеспечением занятости и корректирующими решениями педагогики, авторы проанализировали мысли трех современных философов: Зигмунта Баумана, Джереми Рифкина и Доминика Меда. Эти авторы пересмотрели концепцию труда в связи с преобразованиями, вызванными глобализацией, появлением новых коммуникационных технологий и цифровой занятостью. Данные изменения побудили переосмыслить не только концепцию труда, но и основные модели педагогики профессиональной деятельности в западном мире: капитализм и марксизм. В свете нынешних вызовов педагогика труда нуждается в переосмыслении, начиная с проблемы трудоустройства и фокусируя внимание на новых профессиях, востребованных в эпоху интернета. Объединив интерпретации труда в теориях Баумана, Рифкина и Меда, можно предложить особую педагогику труда в эпоху перемен, а также наметить новые, актуальные для современного периода ценности образования, сопровождаемые ею.

Ключевые слова: педагогика труда, постмодернизм, нигилизм, профессиональная нестабильность, образование, цифровые технологии

История статьи:

Статья поступила 01.06.2022

Статья принята к публикации 22.12.2022

Для цитирования: *De Martino M., Alonzi R., Isidori E. Pedagogy of Work in Postmodern Society: Between Job Insecurity and Digital Revolution // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 94—107. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-94-107>*

Сведения об авторах:

Де Мартино Марио — доцент кафедры маркетинга, экономический факультет, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: de-martino-m@rudn.ru). ORCID: 0000-0002-3903-6532

Алонци Роберта — профессор кафедры иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: alontsi-r@rudn.ru). ORCID: 0000-0003-3604-3283

Исидори Эмануэле — профессор кафедры наук об активности и здоровье человека, Римский университет «Форо Италико», Рим, Италия (e-mail: emanuele.isidori@uniroma4.it). ORCID: 0000-0002-5214-6015

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-108-122>

EDN: PMBWQM

Научная статья / Research Article

Инновационная парадигма техногенной цивилизации: проблемы методологии

С.Е. Крючкова¹, С.А. Храпов², А.П. Глазков²

¹Финансовый университет при Правительстве РФ,
Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49

²Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Российская Федерация, 414056, Астрахань, ул. Татищева, 20А
svetlana.kryuchkova2015@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка разработки методологических оснований инноватики как новой области научных исследований, изучающей инновации в науке, культуре и обществе. На основе философско-методологического подхода проводится концептуализация термина «инновация». Предлагаемая в статье дефиниция понятия «инновация» опирается на «процессуальный подход» в трактовке инновационной деятельности и одновременно подчеркивает значимость конечного результата в виде нового продукта, имеющего коммерческую (социальную) ценность. В контексте современных тенденций техногенной цивилизации выявляются существенные особенности инновационной деятельности, выявлена ее высокая степень неопределенности и чувствительности к случайным изменениям и влиянию внешней среды, показано, что в ней, наряду с организацией, важную роль играют и процессы самоорганизации, проявляющиеся в сложных, спонтанных изменениях, сопровождающих появление новшеств. Сделан вывод о том, что эти особенности являются свидетельством синергетического характера инновационной деятельности. Проводится «реабилитация» синергетики, которая рассматривается как онтологическая основа для построения инновационной методологии. Также в статье формулируются основные принципы инновационной методологии: открытость инновации, единство линейности и нелинейности, вероятностный характер, принцип системной связи и организации, междисциплинарность, принцип опоры на обратную связь. Проводится оценка возможности создания инновационного метода. На этой основе определяется современный статус инноватики как самостоятельной области знания, имеющей свой объект, предмет, функции, субъектов, методологию, социальные механизмы и сферу инновационного сознания, а также другие отличительные особенности любой конкретной науки. Предлагается новый подход к пониманию социально-гуманитарной экспертизы высоко-рисковых инновационных проектов.

Ключевые слова: техногенная цивилизация, инновации, инновационная методология, синергетика, инновационный проект

© Крючкова С.Е., Храпов С.А., Глазков А.П., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 31.05.2022

Статья принята к публикации 15.12.2022

Для цитирования: *Крючкова С.Е., Храпов С.А., Глазков А.П.* Инновационная парадигма техногенной цивилизации: проблемы методологии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2023. Т. 27. № 1. С. 108—122. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-108-122>

Innovative Paradigm of Technogenic Civilization: Problems of Methodology

S.E. Kryuchkova¹ , S.A. Khrapov² , A.P. Glazkov²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation,
49 Leningradskiy prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation

²Astrakhan State University,
20A Tatishcheva St, Astrakhan, 414056, Russian Federation

svetlana.kryuchkova2015@yandex.ru

Abstract. The article attempts to develop the methodological foundations of innovation as a new field of scientific research that studies innovation in science, culture and society. On the basis of the philosophical and methodological approach, the term “innovation” is conceptualized. The definition of the concept of innovation proposed in the article is based on the “procedural approach” in the interpretation of innovation activity and at the same time emphasizes the significance of the final result in the form of a new product that has commercial (social) value. In the context of modern trends in technogenic civilization, the essential features of innovative activity are revealed, its high degree of uncertainty and sensitivity to random changes and the influence of the external environment is revealed, it is shown that, along with organization, self-organization processes play an important role in it, manifested in complex, spontaneous changes accompanying the emergence of innovations. It is concluded that these features are evidence of the synergistic nature of innovation. The “rehabilitation” of synergetics is being carried out, which is considered as an ontological basis for building an innovative methodology. The article also formulates the basic principles of innovation methodology: openness of innovation, unity of linearity and non-linearity, probabilistic nature, the principle of systemic communication and organization, interdisciplinarity, the principle of relying on feedback. The possibility of creating an innovative method is being assessed. On this basis, the modern status of innovation is determined as an independent field of knowledge that has its own object, subject, functions, subjects, methodology, social mechanisms and the sphere of innovative consciousness, as well as other distinctive features of any particular science. A new approach to understanding the social and humanitarian expertise of high-risk innovative projects is proposed.

Keywords: technogenic civilization, innovations, innovative methodology, synergetics, innovative project

Article history:

The article was submitted 31.05.2022

The article was accepted 15.12.2022

For citation: Kryuchkova SE, Khrapov SA, Glazkov AP. Innovative Paradigm of Technogenic Civilization: Problems of Methodology. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):108—122. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-108-122>

Введение

К началу XXI века сложились разные подходы к пониманию природы социотехносферы, влияния технологий на развитие общества, в которых представлена целая палитра научных и экзистенциально-гуманистических принципов осмысления проблем современной цивилизации, которую обозначают термином «техногенная цивилизация». Последний сегодня вышел на авансцену, потеснив такие ставшие традиционными понятия, как «постиндустриальное» и «информационное общество». Однако несмотря на кажущуюся прозрачность его этимологии в современном социально-гуманитарном дискурсе пока не существует единства в его трактовке, а широкое и повсеместное употребление приводит к тому, что его смысл как понятия оказывается размытым. Чаще всего данный термин используется «по отношению к технологически развитым обществам, в которых техника получила не только материально-производственный, но и культурно-антропологический статус» [1. С. 26]. Примером могут служить конвергентные технологии — НБИК (нано-, био-, инфо-, когнитивные технологии), которые изменяют не только среду обитания, но и трансформируют самого человека, его психосоматическую организацию, влияя на когнитивные способности и физические качества. «Границы между технологиями и человеческими существами размываются..., речь идет о способности новых технологий буквально стать частью нас» [2. С. 17], в итоге понятие «техногенное» универсализируется и аксиологизируется.

Ядром техногенной цивилизации являются инновации, превратившиеся сегодня не только в главный драйвер обновления общества, определяющий его качественные и структурные изменения, но и в высшую ценность, способ формирования в культуре новых оригинальных идей, целевых установок и образцов деятельности [3]. Развитие инноваций идет с беспрецедентной скоростью в силу индуцирования цепных реакций, а также волн, возникающих после каждой «радикальной» инновации, такой как, например, Интернет или же НБИК-технологии, кардинальным образом изменившие социокультурную реальность и человеческие практики. Такие революционные инновации требуют своего теоретического осмысления, в том числе и потому, что они одновременно содержат потенциальные опасности, порождают глобальные проблемы, которые нужно решать.

Все это актуализирует вопросы о природе инноваций, их эволюционных смыслах, методах управления и прогнозирования, а также формах их безопасной трансляции в культуру. Однако несмотря на большой массив научных публикаций прагматично-центрированный инновационный дискурс все еще «остаётся фрагментарным и требует соответствующих концептуальных

и прикладных исследований» [4. Р. 20]. Это делает необходимым социально-философский анализ инновационной деятельности: ее категоризации, гносеологической рефлексии над природой искусственно «созданного», а также над аксиологическим содержанием.

Философско-методологический анализ позволяет поднять иной пласт проблем и по-новому взглянуть на управление инновационными процессами, которое с учетом онтологических оснований предстает «не только как осознанное и целенаправленное *воздействие*, но и как определенное *состояние*, являющееся индикатором взаимоотношений в социуме» [5. С. 4], а значит, и преодолеть имеющийся дефицит гуманитарного осмысления инновационного типа развития, включив в инноватику современное методологическое и социально-культурное содержание [6. С. 5].

Актуальность исследования обусловлена также тем, что сегодня инноватика — это не только направление научных исследований (*innovation studies*), но и практико-ориентированная учебная дисциплина, читаемая будущим экономистам и управленцам [7]. Обычно какая-либо дисциплина становится учебным курсом, состоявшись в теоретико-методологическом плане, и только затем появляется методическое обеспечение. Но в случае с инноватикой иная ситуация: теория еще находится в стадии становления, а как учебная дисциплина она уже востребована и включена в том или ином виде в вузовские учебные программы. Поэтому ее содержание во многом состоит из описания утилитаристских моделей, заимствованных из зарубежных источников, и методологических подходов, разработанных в западной науке применительно к развитой рыночной экономике, без адаптации их к российским реалиям.

Разработка методологии инноватики позволит расширить ее проблемное поле за счет присоединения к известной «тройной спирали инноваций» (власть, бизнес, университет), еще и четвертой — социокультурной. В такой форме «эта область знания, — по мнению одного из пионеров исследования инноваций Н.И. Лапина — руководителя исследовательского проекта «Нововведения в организациях», разрабатывавшегося в нашей стране еще в 80-х гг. прошлого века, — приобретает в современной России миссионерский характер» [7. С. 9]. При этом работа не должна идти только на путях выхода в другие сферы научного знания, будь это экономика, социология, дисциплины управленческого или технического профиля, у которых уже имеется свой разработанный концептуальный аппарат и методология.

Цель работы — критическое переосмысление имеющегося методологического опыта различных наук, изучающих инновационную деятельность, с тем чтобы интегрировать его в новый подход, который должен носить комплексный и междисциплинарный характер, избегая смешения двух уровней анализа — исследования самих инновационных систем и основных концепций инновационного развития.

О понятии «инновация»: история проблемы

Первоначально понятие «инновация» использовалось культурологами и не подразумевало такие признаки, как оригинальность или же креативность, то есть способность создать что-то новое, будь то конкретный продукт, новое решение проблемы или новый метод, выступающий катализатором деятельности, а значит, все то, что сегодня связывается с представлениями об инновационной деятельности [8. Р. 7]. Экономико-техницистская традиция в трактовке инноваций была заложена Г. Гардом, рассматривавшим их как онтологическую предпосылку «социальной логики», основанной на механизме «подражания» масс новым практикам, создаваемым изобретателями-одиночками «во всякого рода социальных явлениях: в языке, религии, политике, праве, промышленности, искусстве» [9. С. 7]. В. Зомбарт видел источник инноваций в т.н. «грюндерской горячке» — «спекулятивном духе», возбуждаемом крупными изобретениями, создающими «новые возможности и необходимости в технической и хозяйственной организации» [10. С. 395]. Основы «общей теории, охватывающей не только технологию и экономику, но и социально-политическую сферу, а также раскрывающую механизм взаимодействия инноваций в различных сферах общества» [11. С. 22], были заложены Н.Д. Кондратьевым [12. С. 343] в его знаменитой теории «длинных волн», развиты М.И. Туган-Барановским — предвестником инвестиционного подхода, а также А. Богдановым, принципы «тектологии» которого (обратная связь, «эмерджентность», гомеостаз, идеи о роли кризисов, а также конвергенции, дивергенции и метаморфозе, как способах существования систем) [13. Р. 525—533], содержали высокий методологический потенциал. Идеи Н. Кондратьева о связи длинных волн со всплесками изобретательской активности развивал и автор самой известной концепции инноваций (как любых целевых изменений в системах разного рода, связанных с использованием новых или усовершенствованных средств) Й. Шумпетер [14. С. 184]. Рецепцию его тезиса о необходимости государственной поддержки инноваций как главного стимула развития общества мы сегодня находим в теориях экономистов, строящих «развернутые матрицы технологических укладов» [15].

В начале XXI века термин «инновация» вышел за рамки экономико-технологической сферы и приобрел социально-культурный, антропосоциетальный [Н.И. Лапин] и даже антропокосмический характер [К.С. Пигров]. Активизировалось и становление инноватики как области знания, предметом которой выступают инновационные процессы и законы их протекания, социальные механизмы, субъекты (акторы), методы инновационной деятельности, а также сфера инновационного сознания и поведения. Свидетельством того, что экономический контекст исследований инноваций уже не остается доминирующим, является включение в ее предмет «программ и моделей инновационных исследований, стратегий управления инновациями» [16. С. 12], а также проблем, связанных с оценкой допустимых рисков, анализом

деятельности национальных инновационных систем (НИС) и государственной инновационной политики.

Понятие «инновация» сегодня «превратилось в слово-приманку, часто используемую топ-менеджерами для привлечения инвесторов или объяснения успехов и провалов в бизнесе, а также в заманчивый слоган в рекламных и политических компаниях» [17. Р. 14], что не способствует его теоретической рефлексии. Однако для формирования методологических основ инноватики концептуализация ключевого понятия имеет важнейшее значение. На примере определения инновации, которое содержится в документах Организации экономического сотрудничества и развития (Organization for Economic Cooperation and Development), можно проследить эволюцию понимания инновации. Так, в ранних документах ОЭСР акцент делался на процесс создания инноваций, а уже в более поздних документах — на этапе внедрения [18. Р. 46]. Споры вокруг дефиниции данного понятия обусловлены многогранностью и вариативностью самого инновационного процесса, а также особенностями его протекания не только в производстве технических новинок, но и в других сферах человеческой жизнедеятельности: в образовании, медицине, в сфере управления, в области охраны окружающей среды и т.д.

Остро встающие вопросы о необходимости «человеческого измерения» инноваций порождают стремление к предметизации ключевого понятия инноватики под задачи конкретных сфер деятельности. Это происходит в силу полисемичности данного понятия, которое описывается в категориальном поле других, также полисемичных терминов, таких как «нововведение» и «новшество». С последними его неоправданно смешивают. Однако понятия «инновация» и «нововведения» на сегодня уже не выступают синонимичными и тем более идентичными понятию «новшество». Они включают новшество (понимаемое как итоговый продукт деятельности, обладающий новизной и социальной значимостью) «как свое предметное содержание, но помимо этого охватывают также и процесс его создания, распространения и использования» [7. С. 39]. Нововведение же — это процесс внедрения или распространения новшеств, приводящий к изменению системы, в которой это происходит. Сам факт смешения данных терминов не является случайным, т.к. в перечисленной группе понятий признак новизны (новое), как абсолютной (научно-технической), так и относительной (потребительской), является ключевым. А понятие «новое» в науке давно «обросло» множеством коннотаций. Такая «засоренность» понятийно-терминологического поля, а также размытость ключевой категории вносит разногласия в проблемное поле инноватики. Это, в свою очередь, находит отражение и в ряде правовых документов, регулирующих инновационную деятельность, что мешает разработке соответствующих нормативных актов, являющихся основой для финансовой поддержки инноваций со стороны государства.

В научной литературе прослеживаются два основных подхода к пониманию инновации: *процессуальный*, когда в дефиниции описываются «стадии

„жизненного цикла“ инновации, начиная с их возникновения (новации) и распространения, диффузии в среде (инновирование), с появлением результата (инноваций) до рутинизации (превращения в обычность)» [19. С. 7]; и *продуктивный*, фокусирующийся на конечном результате труда — получении новшества (продукта, услуги) с новыми потребительскими свойствами, характерный для нормативно-правовых документов, регулирующих инновационную деятельность. Есть и более «узкие» подходы (инвестиционный, ресурсный и др.), концентрирующиеся на оценке, экспертизе, прогнозировании инноваций. Ситуация наличия разных дефиниций не выглядит критичной, если смысл уточняется в контексте той или иной сферы использования инноваций [20. Р. 65—79]. С позиции процессуального подхода, опирающегося на модель «жизненного цикла», инновацию можно определить как «сложный целенаправленный процесс, представляющий собой „цепь“ взаимосвязанных и сознательно иницируемых изменений, берущий начало в сфере фундаментального знания, продолжающийся в научно-технической сфере (где идеи воплощаются в реальность и доводятся до стадии прикладного использования, имеющего социальную значимость) и завершающийся в сфере потребления (производственного или личного) новым способом удовлетворения уже существующих или созданием новых потребностей как в материальной, так и в духовной сфере общества» [21. С. 35]. Данная дефиниция не совсем свободна от техницистской традиции, однако характерный для последней «линейный» подход в понимании «жизненного цикла» инновации сегодня вытеснен «цепной» моделью, учитывающей обратные связи. Также в ней преодолено «суженное» понимание новшества с акцентом на коммерческий эффект и привязка к определенной предметной области.

Инноватика, как сфера науки, должна включать в себя как *дескриптивную* составляющую, в виде знания об особенностях и основных характеристиках инновационного процесса, его субъектах, «жизненном цикле», так и *прескриптивную* (предписывающую), включающую принципы, методы и приемы, определяющие процесс деятельности, ведущей от исходных данных к желаемому результату в виде новшества.

Инновационный процесс и его особенности

Инновационный процесс — это *сознательно иницируемый процесс*, нацеленный на конкретный результат, в нем будущее «притягивает» наличное состояние системы. Также это *организуемый* и *управляемый* процесс, который можно «притормаживать», в случае недопустимых рисков, или стимулировать разработку того, на что есть социальный запрос. Его принципиально *междисциплинарный характер* обусловлен участием различных субъектов, что требует сотрудничества множества организаций: научно-исследовательских центров, институтов, проектных бюро, предприятий, финансовых и рыночных структур и т.д.

Инновационный процесс носит *открытый и нелинейный характер*, в нем на разных этапах «жизненного цикла» в условиях неопределенности приходится осуществлять корректировку и выбор одного из возможных путей. Также этот процесс имеет принципиально *вероятностный характер*, так как невозможно учесть все обстоятельства, а полученное новшество может оказаться коммерчески неуспешным. Поэтому риск и верный прогноз — неотъемлемые спутники инновационной «гонки за новизной», нуждающейся в постоянном использовании экспертных методов, особенно в крупных финансово затратных проектах, что в свою очередь, актуализирует проблему критериев для ранней оценки научных исследований, а также нахождения экспертов, способных оценить не только коммерческую эффективность новшества, но и его социальную желательность и этическую приемлемость. К сожалению, в социальной инженерии многие считают себя экспертами. В этой связи не случаен пессимизм тех ученых, которые резко критически оценивают центрирование общественного развития на инновациях [22. С. 30].

Выявить и спрогнозировать разного рода риски — от технико-экономических до антропологических, связанных с последствиями применения инноваций, — весьма непростая задача, так как даже опытные эксперты ошибаются при определении перспективности или коммерческого потенциала новой идеи. Это происходит не только в силу субъективных, но и объективных причин, так как нельзя точно оценить новшество до тех пор, пока оно не получило распространение, и трудно его изменить потом, когда это произошло («дилемма Коллингриджа») [23]. Как следствие, возникли и получают все более широкое распространение «Ответственные исследования и инновации» (RRI) — подход, цель которого оценка потенциальных последствий и социальных ожиданий от инноваций [24]. Его появление — реакция на социальный запрос о необходимости обязательной гуманитарной экспертизы, опирающейся не только на узкий круг специалистов, оценивающих по законам экономической эффективности, но и на широкие массы общественности, обладающие «коллективным разумом», способностью к самоорганизации и «эмерджентным творческим инсайтам» [25. С. 65—76].

Таким образом, инновационный процесс — это динамичная, открытая, неравновесная система, границы которой отличаются гибкостью и мобильностью. Инновационная деятельность обладает высокой степенью неопределенности, она очень чувствительна к случайным изменениям и влиянию внешней среды, в ней, наряду с организацией, важную роль играют и процессы самоорганизации, проявляющиеся в сложных, спонтанных изменениях, сопровождающих появление новшеств. Все это является свидетельством синергетического характера инновационной деятельности, проявляющегося не только в ходе воплощения новой идеи в конструкторскую модель, производство новшества и его диффузию, но и в деятельности коллективного и индивидуально-личностного креативного мышления. Это единство объективности и субъективности важно учитывать при создании социально-экономической инфраструктуры инновационной среды.

Методология инноватики

Разработка методологических основ инноватики предполагает решение следующих задач: концептуализацию понятия «инновация»; выявление принципов инновационной деятельности на основе рассмотрения основных характеристик инновационного процесса и стадий его «жизненного цикла»; классификацию видов инноваций; определение ее основных субъектов и анализ их поведения и мотивации. Необходимым также является выяснение онтологических оснований появления нового, рассмотрение используемых общенаучных и специальных методов, а также учет социального контекста, влияющего на поведение потребителей новшеств, т.е. всего того, что обеспечивает планирование, организацию и прогнозирование инновационной деятельности.

Современные исследования фокусируются на разных аспектах инновационной деятельности (технико-экономическом, организационно-управленческом, ценностно-целевом, социокультурном, гносеологическом и др.). Одним из важных и не вполне исследованных аспектов является онтологический, который способен выступить центрирующим моментом для разных предметных подходов и одновременно эвристическим источником принципов методологии инноватики. Онтологической основой методологии инноватики способна стать синергетическая парадигма, описывающая сложные нелинейные системы, эволюция которых многовариантна, как это и имеется в случае с инновационной деятельностью.

Видение инноваций сквозь призму синергетики, описывающей «становящееся бытие» и объясняющее его механизмы — весьма продуктивный, на наш взгляд, путь построения инноватики как самостоятельной науки, имеющей свой метод, нормы и принципы организации инновационных практик. Сравнительно недавно синергетика была «в моде» в профессиональном научном сообществе. Так, философы много спорили о ее статусе: является ли она междисциплинарным или трансдисциплинарным синтезом, самостоятельной наукой или это некая парадигма, особая методология, разновидность моделирования и т.д. [26. С. 159]. На универсализирующий потенциал синергетики возлагалось множество несбывшихся надежд, что привело затем к потере интереса и неоправданному скептицизму. И в этом смысле прозорливыми оказались те, кто указывали на границы ее применимости, игнорирование которых грозило опасностью профанации и дискредитации в случае слишком широкого использования без оглядки на специфику той или иной предметной области [27. С. 64]. Эти опасения оказались небеспочвенными, так как не везде новое возникает как «порядок из хаоса». Но вот в применении к инновационному процессу принципы и методы синергетики, ее концептуальный аппарат и аналогии, оказались весьма продуктивными, так как они позволяют описывать онтологическую составляющую механизма появления нового («диссипативную самоорганизацию») и объяснять критерии выбора будущей траектории из множества вариантов эволюции системы.

Конечно, «использовать эвристический, трансдисциплинарный потенциал синергетики как технологии универсалий, реализуемой в практической деятельности» [28. С. 198], можно лишь оставаясь на позициях конкретной науки. Синергетика, как теория самоорганизации, создает основу для нового уровня рефлексии над процессами управления инновационной деятельностью и возможности своевременного прогноза для снятия наиболее острых и нежелательных для общества последствий инноваций. Кроме того, синергетическая парадигма служит пространством для диалога разных специалистов в ходе междисциплинарных взаимодействий, значительно облегчая обмен концептуальными средствами между естественными, техническими и социальными науками. Это важно при решении сложных и слабоструктурированных задач, не поддающихся формализованному описанию. Инноватика, используя синергетическую оптику, получает дополнительные возможности для выработки программ действия и предвидения перспектив технико-экономического и социального развития.

Опора на синергетическую парадигму позволяет наметить контуры методологии инноватики, включающие такие принципы, как: (1) *открытость инновации* как способность учитывать по ходу инновационного процесса новую информацию, позволяющую своевременно перестраивать программу действия, интегрируя опыт различных наук; (2) *единство линейности и нелинейности* — определяемое внутренней предметной логикой чередование устойчивых, «равновесных», линейных этапов, на которых преобладают динамические законы, с неустойчивыми, нестабильными областями (рядом с точками бифуркации), где конструктивную роль в выборе траектории будущего развития системы играет случайность, которая с синергетической точки зрения неустраима и играет принципиально конструктивную роль; (3) *вероятностный характер* — механизм «жизненного цикла» включает «веер» возможностей на каждом этапе, выбор одной из них делает инновационный процесс неравновесным и необратимым; (4) *принцип системной связи и организации*, этапы инновационного процесса — это подсистемы, вместе образующие определенное единство, обусловленное нацеленностью на конечный результат; (5) *принцип опоры на обратную связь* — новая научная идея воплощается в проект конкретного новшества, и до внедрения в производство часто наблюдается обратная тенденция: от практики — к исследованиям, и следующий шаг — синтез исследовательской и предметно-практической деятельности; (6) *междисциплинарность* — как принцип, формирующий пространство между различными дисциплинами без образования отдельного предметного поля; это и важнейший ресурс для разработки понятийного аппарата инноватики, степень самостоятельности которой, в условиях заимствования представлений, аппарата и методов из различных областей, пока невелика.

Выводы

Междисциплинарность изначально предопределяет присутствие в методологии инноватики как общенаучных методов, так и методов специальных наук, а также принципов организационно-технологической реализации новых идей в производстве, логистике, управлении качеством и др. Исходя из констатации ограниченности имеющегося методологического арсенала ряд отечественных исследователей (Н.И. Лапин, В.С. Дудченко, Г.П. Щедровицкий и др.) вели работу по созданию особого, инновационного метода, который стал бы организующим ядром инноватики в случае его соответствия следующим требованиям: чувствительность к проблемным ситуациям с высокой степенью неопределенности, учет их динамичности, высокий творческий, мотивационный и интеллектуальный потенциал субъектов-участников. «Инновационный метод — это инструмент исследования и развития социальных систем, т.е. систем деятельности, социальных групп как носителей этой деятельности, и личности человека за счет организации опыта саморазвития в ходе творческого решения проблем. Метод вбирает в себя все продуктивное и работающее из исследовательской, обучающей и проблемно-разрешающей деятельности — идеи социологии, инноватики, методологии мыслительной деятельности, интенсивного обучения, тренингов и многого другого» [29. С. 23]. Эта достаточно широкая трактовка конкретизировалась через ряд правил, носящих, скорее, характер эвристических методик и даже просто советов, не имеющих универсального характера, что вело к необходимости уточнения, а значит, создания целого букета инновационных методологий для конкретных сфер и фаз жизненного цикла. Вместе с тем в ней подчеркивается и очень важный момент: идеи открытости, активности и рефлексивности развивающихся систем, как онтологические предпосылки их инновационности.

Инновационный метод должен быть представлен изначально открытой и способной к саморазвитию и обновлению системой принципов, правил и норм, способствующих возникновению новых подходов и стратегий там, где традиционные методы уже не работают. Это придает инновационной деятельности «высший методологический статус метадеятельности: ее объектом являются другие виды деятельности, которые сформировались в предшествующий период и приобрели репродуктивный характер, а их средства (способы, приемы) стали рутинными для данного сообщества людей... Этим определяется ее функция в обществе — функция изменения, развития способов, механизмов их функционирования во всех сферах жизнедеятельности общества» [7. С. 45].

Таким образом, можно утверждать, что инноватика — это не междисциплинарный синтез, перебрасывающий мостки между различными дисциплинами, а становящаяся самостоятельная область знания, в которой на концептуально-смысловом уровне описывается «креативное обновление», идет выработка своего категориального аппарата («изменение», «неустойчивость», «открытость», «нелинейность», «активность», «рефлексивность», «креативная ситуация» и др.). Она имеет ряд необходимых для самостоятельной науки атрибутов: объект (изменения, ведущие к появлению новаций

разного рода); предмет — «возникновение, производство и распространение практических новшеств» [7. С. 10], функции: поисково-творческая и «практически-достижительная» (Н.М. Лапин), сферу инновационного сознания (мотивации и поведения); методологию (методы, приемы и средства, позволяющие создавать теоретические модели — целевые образцы для объяснения объекта-оригинала — практически любого крупного социального изменения); субъектов инноваций («инноваторы» и «реализаторы»); социальные механизмы, а также другие отличительные особенности любой конкретной науки: непротиворечивость, новизна результатов, их верифицируемость, сюда также включаются методики прогнозирования, практики экспертных оценок результата и требования персональной моральной ответственности за негативные последствия инноваций.

Заключение

Несмотря на то, что инноватика, как научная и прикладная область знания, на сегодня не представлена строгой системой взглядов, она позволяет взглянуть на обновление общества как на процесс взаимодействия большого числа подсистем, в котором соединяются достижения науки и возможности производства с целью удовлетворения человеческих потребностей. Инновационная методология исходит из трактовки инновационного процесса как органичного слияния разнородных элементов, приводящего к совокупному эффекту, способствуя пониманию механизмов социального развития в целом. Она анализирует не только стратегии деятельности с саморазвивающимися системами и практики управления в инновационной сфере, но и ориентирует на усвоение продуктивных способов мышления. Создание инновационной методологии может позитивным образом повлиять и на разработку теоретических основ политики государства в соответствующих областях. Вместе с тем при признании всей важности ее скорейшей разработки, вряд ли можно согласиться с тем, что «инноватика, в силу ее роли в развитии новой техники и технологии и экономической ситуации, в которой она сейчас развивается, не может позволить себе такой медленный темп развития, не может ориентироваться на такой путь постепенного становления и оформления необходимой ей науки. Науку инноватики нужно построить очень быстро, максимум в два десятилетия» [30. С. 66]. Устанавливать конкретные сроки — всегда опасное занятие, т.к. развитие научного знания имеет свою собственную логику и как бы нам не хотелось, мы вынуждены с этим считаться.

Список литературы

- [1] Храпов С.А. «Человек» техногенный в социокультурном пространстве техногенной цивилизации. Астрахань : Астраханский университет, 2019.
- [2] Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. М. : Эксмо, 2018.
- [3] Асеева И.А. Аксиологические приоритеты VI технологического уклада // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 124—137.

- [4] *Fagerberg J.* Innovation. A Guide to the Literature // Oxford Handbook of Innovation / ed. by J. Fagerberg, D. Mowery, R. Nelson. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 1—26.
- [5] *Глазков А.П., Востриков И.В., Храпов С.А.* Философия управления. Астрахань : Сорокин Роман Васильевич, 2022.
- [6] *Другова Е.А.* Инноватика в поиске нового гуманитарного содержания: онтология, аксиология, методология // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2013. Т. 21. № 1. С. 4—19.
- [7] *Лалин Н.И.* Теория и практика инноватики. М. : Университетская книга; Логос, 2008.
- [8] *Godin B.* Innovation: the History of a Category // Working Paper № 1, Project on the Intellectual History of Innovation. Montreal : INRS, 2008.
- [9] *Тард Г.* Законы подражания. М. : Академический проект, 2011.
- [10] *Зомбарт В.* Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека // Собр. соч. в 3-х т. Т. 1. СПб : Владимир Даль, 2005.
- [11] *Яковец Ю.В.* Эпохальные инновации XXI века // Международный институт П. Сорокина — Н. Кондратьева. М. : Экономика, 2004.
- [12] *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М. : Экономика, 2002.
- [13] *Pirozhkova S.V., Omelaenko V.V.* A. Bogdanov's socio-philosophical ideas in the context of social design tasks // Russian studies in Philosophy. 2019. Vol. 57. N 6. P. 525—533. <https://doi.org/10.1080/10611967.2019.1682876>
- [14] *Шумпетер Й.А.* Капитализм, социализм и демократия. М. : Экономика, 1995.
- [15] *Глазьев С.Ю.* Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. Т. 57. № 2. С. 27—42.
- [16] *Елькина Е.Е.* Методологические проблемы инновационной деятельности // Библиосфера. 2008. № 4. С. 10—14.
- [17] *Kotsemir M.N., Abroskin A., Meisnerr D.* Innovation Concepts and Typology — An Evolutionary Discussion. Moscow : Higher School of Economics Research Paper, 2013.
- [18] OECD. Oslo Manuals. Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data. 3rd edition. Paris : OECD PUBLICATION, 2005.
- [19] *Князева Е.Н.* Предисловие // Инновационная сложность. СПб. : Алетейя, 2016.
- [20] *Linton J.* Implementation Research: State of The Art and Future Directions // Technovation. 2002. Vol. 22. N 2. P. 65—79. [https://doi.org/10.1016/s0166-4972\(01\)00075-x](https://doi.org/10.1016/s0166-4972(01)00075-x)
- [21] *Крючкова С.Е., Крючкова Е.В.* Инноватика. М. : Янус-К, 2016.
- [22] *Румянцева Л.Н.* О понятиях «инновация» и «культура» // Философия образования. 2010. № 1. С. 30—35.
- [23] *Collingridge D.* The social control of technology. New York : St. Martin's Press; London : Pinter, 1980.
- [24] Европейская комиссия. Горизонт 2020. Рамочная программа ЕС по исследованиям и инновациям. Режим доступа: http://publications.europa.eu/resource/cellar/e5f19eb4-55ff-41ca-824e-f21fc612dd39.0001.04/DOC_1 (дата обращения: 23.05.2022).
- [25] *Асеева И., Пирожкова С.* Прогностические подходы и этические основания техносоциальной экспертизы // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 65—76.
- [26] *Губарев В.В.* Наука ли синергетика // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 159—165.
- [27] *Степин В.С.* Синергетика и системный анализ // Синергетическая парадигма: Когнитивно-коммуникативные стратегии научного познания. М. : Прогресс-Традиция, 2004.

- [28] Буданов В.Г. Синергетические механизмы роста научного знания и культура // *Философия науки*. 1996. № 2. С. 191—198.
- [29] Дудченко В.С. *Основы инновационной методологии*. М. : Институт социологии РАН, 1996.
- [30] Федоров В.К., Бендерский Г.П., Епанешникова Е.К. Инноватика как деятельность и система (к вопросу о методологии теории инновации) // *Инновации*. 2011. Т. 7. № 153. С. 65—68.

References

- [1] Khrapov SA. "Man" technogenic in the socio-cultural space of technogenic civilization. Astrakhan: Astrakhan University; 2019. (In Russian).
- [2] Schwab K, Davis N. *Technologies of the Fourth Industrial Revolution*. Moscow: Eksmo; 2018. (In Russian).
- [3] Aseeva IA. Axiological priorities of the VI technological way. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2017;51(1):124—137. (In Russian).
- [4] Fagerberg J. *Innovation. A Guide to the Literature*. In: Fagerberg J, Mowery D, Nelson R, editors. *Oxford Handbook of Innovation*. Oxford: Oxford University Press; 2006. P. 1—26.
- [5] Glazkov AP, Vostrikov IV, Khrapov SA. *Philosophy of Management*. Astrakhan: Sorokin Roman Vasilyevich; 2022. (In Russian).
- [6] Drugova EA. Innovation in the search for a new humanitarian content: ontology, axiology, methodology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2013;21(1):4—19. (In Russian).
- [7] Lapin NI. *Theory and practice of Innovation*. Moscow: Universitetskaya kniga; Logos; 2008. (In Russian).
- [8] Godin B. *Innovation: the History of a Category*. In: *Working Paper N 1, Project on the Intellectual History of Innovation*. Montreal: INRS; 2008.
- [9] Tard G. *The Laws of imitation*. Moscow: Akademicheskii proekt; 2011. (In Russian).
- [10] Zombart V. *Bourgeois: towards the history of the spiritual development of a modern economic man*. In: *Collected works in 3 vol. Vol. 1*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2005. (In Russian).
- [11] Yakovets YuV. *Epochal innovations of the XXI century*. In: *International Institute of P. Sorokin — N. Kondratiev*. Moscow: Ehkono-mika; 2004. (In Russian).
- [12] Kondratiev ND. *Big cycles of conjuncture and theory of vision*. Moscow: Ehkonomika; 2002. (In Russian).
- [13] Pirozhkova SV, Omelaenko VV. A. Bogdanov's socio-philosophical ideas in the context of social design tasks. *Russian studies in Philosophy*. 2019;57(6):525—533. <https://doi.org/10.1080/10611967.2019.1682876>
- [14] Schumpeter JA. *Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow: Ehkonomika; 1995. (In Russian).
- [15] Glazyev SYu. Modern theory of long waves in economic development. *Economic science of modern Russia*. 2012;57(2):27—42. (In Russian).
- [16] Yelkina EE. Methodological problems of innovative activity. *Bibliosfera*. 2008;(4):10—14. (In Russian).
- [17] Kotsemir MN, Abroskin A, Meisnerr D. *Innovation Concepts and Typology — An Evolutionary Discussion*. Moscow: Higher School of Economics Research Paper; 2013.
- [18] OECD. *Oslo Manuals. Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data, 3rd edition*. Paris: OECD PUBLICATION; 2005.
- [19] Knyazeva EN. *Preface*. In: *Innovative complexity*. Saint Petersburg: Aleteiya; 2016. (In Russian).

- [20] Linton J. Implementation Research: State of The Art and Future Directions. *Technovation*. 2002;22(2):65—79. [https://doi.org/10.1016/s0166-4972\(01\)00075-x](https://doi.org/10.1016/s0166-4972(01)00075-x)
- [21] Kryuchkova SE, Kryuchkova EV. *Innovatika*. Moscow: Yanus-K; 2016. (In Russian).
- [22] Romyantseva LN. On the concepts of «innovation» and «culture». *Filosofiya obrazovaniya*. 2010;(1):30—35. (In Russian).
- [23] Collingridge D. *The social control of technology*. New York: St. Martin's Press; London: Pinter; 1980.
- [24] [24] European Commission. *Horizon 2020. EU Research and Innovation Framework*. Available from: http://publications.europa.eu/resource/cellar/e5f19eb4-55ff-41ca-824e-f21fc612dd39.0001.04/DOC_1 (accessed: 23.05.2022). (In Russian).
- [25] Aseeva I, Pirozhkova S. Prognostic approaches and ethical foundations of techno-social expertise. *Voprosy filosofii*. 2021;(12):65—76. (In Russian).
- [26] Gubarev VV. Science and Synergetics. *Voprosy filosofii*. 2009;(10):159—165. (In Russian).
- [27] Stepin VS. *Synergetics and system analysis*. In: *Synergetic paradigm: Cognitive-communicative strategies of scientific knowledge*. Moscow: Progress-Traditsiya; 2004. (In Russian).
- [28] Budanov VG. Synergetic mechanisms of scientific knowledge growth and culture. *Filosofiya nauki*. 1996;(2):191—198. (In Russian).
- [29] Dudchenko VS. *Fundamentals of Innovative Methodology*. Moscow: Institut sotsiologii RAN; 1996. (In Russian).
- [30] Fedorov VK, Bendersky GP, Epaneshnikova EK. Innovation as an activity and a system (on the methodology of innovation theory). *Innovatsii*. 2011;7(153):65—68. (In Russian).

Сведения об авторах:

Крючкова Светлана Евгеньевна — доктор философских наук, профессор, профессор Департамента Гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия (e-mail: svetlana.kryuchkova2015@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-9213-8503

Храпов Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия (e-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com). ORCID: 0000-0003-1962-748X

Глазков Александр Петрович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия (e-mail: alpglazkov@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-7606-2433

About the authors:

Kryuchkova Svetlana E. — Doctor of philosophical sciences, Professor of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University), Moscow, Russia (e-mail: svetlana.kryuchkova2015@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-9213-8503

Khrapov Sergey A. — Doctor of philosophical sciences, Professor of the Department of Philosophy, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia (e-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com). ORCID: 0000-0003-1962-748X

Glazkov Alexander P. — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia (e-mail: alpglazkov@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-7606-2433

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-123-137>

EDN: PWKCPN

Научная статья / Research Article

Какое будущее готовит человечеству научно-технический прогресс?

А.Л. Никифоров

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки»,

Российская Федерация, 173003, Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2

 nikiforov_first@mail.ru

Аннотация. В последние десятилетия появляется все больше работ, авторы которых пытаются предугадать возможные сценарии будущего развития человечества. В данной статье рассматриваются 5 таких сценариев: Ф. Фукуяма полагает, что все народы и страны Земного шара в XXI в. будут развиваться в направлении построения либерально-демократического общества; представители Римского клуба в своем последнем докладе, опираясь на статистические данные промышленного развития, обосновывают мысль о том, что к середине XXI в. биосфера Земли, вполне возможно, может оказаться непригодной для жизни и человечество начнет вымирать; представители движения трансгуманистов в своем «Манифесте» ставят перед собой цель к 2045 году заменить тело человека на искусственное, тем самым избавив людей от старости, болезней и даже от самой смерти; английский экономист Д. Сасскинд в своей книге «Будущее без работы» предсказывает, что в ближайшие два-три десятилетия роботы и искусственный интеллект вытеснят людей из всех сфер производственной деятельности и обсуждает вопрос о том, как будут жить люди, лишённые возможности работать; наконец, израильский историк Ю.Н. Харари в своем обширном труде «Homo Deus» рисует картину того, что научно-технический прогресс уже в ближайшем будущем превратит «человека разумного» в «человека божественного». Оценивая все эти сценарии будущего развития человечества, невольно несложно прийти к заключению, что все они говорят о гибели человечества уже в ближайшем будущем.

Ключевые слова: биосфера, трансгуманизм, робототехника, производственная деятельность, распределение, смысл жизни, смерть

Информация о финансировании и благодарности. Подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

© Никифоров А.Л., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 30.04.2022

Статья принята к публикации 22.12.2022

Для цитирования: Никифоров А.Л. Какое будущее готовит человечеству научно-технический прогресс? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 123—137. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-123-137>

What Kind of Future is Humanity Consigned to by the Scientific and Technological Progress?

A.L. Nikiforov

Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science”,

Bd.2, 1\36, Lyalin Lane, Moscow, 105062, Russian Federation

 nikiforov_first@mail.ru

Abstract. In recent decades, more and more works have appeared, the authors of which are trying to predict possible scenarios for the future development of mankind. This article discusses 5 such scenarios: F. Fukuyama believes that all peoples and countries of the globe in the XXI century will develop in the direction of building a liberal-democratic society; Representatives of the Club of Rome in their latest report, based on statistical data of industrial development, substantiate the idea that by the middle of the XXI century. the Earth’s biosphere will become unsuitable for human life and humanity will begin to die out; representatives of the transhumanist movement in their “Manifesto” set themselves the goal of replacing the human biological body with an artificial body by 1245 and thereby saving people from diseases, from old age and even from death itself; English economist D. Susskind in his book “The Future Without Jobs” predicts that in the next two to three decades, robots and artificial intelligence will force people out of all areas of production and discusses the question of how people who are deprived of the opportunity to work will live; Finally, the Israeli historian Yu.N. Harari in his extensive work “Homo Deus” paints a picture of the fact that scientific and technological progress will turn “reasonable man” into “divine man” in the near future. Assessing all these scenarios for the future development of mankind, one involuntarily comes to the conclusion that they all speak of the death of mankind in the near future.

Key words: biosphere, transhumanism, robotics, production, distribution, meaning of life, death

Funding and Acknowledgement of Sources. Prepared with the support of the Russian Science Foundation, project № 21-18-00496 “The semantic structure of propositional attitudes of consciousness”.

Article history:

The article was submitted 30.04.2022

The article was accepted 22.12.2022

For citation: Nikiforov AL. What Kind of Future is Humanity Consigned to by the Scientific and Technological Progress? *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):123—137. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-123-137>

Введение

В конце XX в. все более остро стало осознаваться то обстоятельство, что человечество в своем историческом развитии достигло некоторого рубежа, за которым простирается неизвестность. В предшествующие эпохи перед людьми стояли три основные опасности, с которыми нужно было бороться, — голод, от которого страдали и умирали сотни миллионов людей; эпидемии, опустошавшие целые страны; войны, уносившие самую активную часть населения и стимулировавшие гонку вооружений. И историческое развитие человечества как раз и стимулировалось поиском и изобретением средств, помогающих преодолеть эти опасности. В конце XX в. стало казаться, что человечество устранило, наконец, эти бедствия. От голода уже никто не умирает, напротив, 2 млрд человек на земном шаре страдает от излишнего веса. Эпидемии побеждены, а мировые войны стали невозможны после изобретения атомной бомбы. Европейские государства, веками воевавшие друг с другом, сейчас объединились в союз и пользуются единой валютой. Таким образом, факторы, стимулировавшие развитие человечества на протяжении тысячелетий, сейчас исчезли или сильно ослабели.

Что же делать дальше? В последние годы было предложено и обосновано несколько сценариев будущего развития человечества. Ниже будут рассмотрены перспективы, связанные с научно-техническим прогрессом.

I

Возможно, следовало бы начать с политолога Ф. Фукуямы, опубликовавшего в 1989 г. статью «Конец истории?» [1], впоследствии превратившуюся в книгу «Конец истории и последний человек». Идеи Фукуямы вызвали интерес и дискуссии в среде философов, политологов, экономистов, стимулировали размышления о будущем человечества мыслителей из разных стран. Однако центральная идея Фукуямы относительно того, что в XXI в. все народы и страны Земного шара будут заниматься построением либерально-демократического общества, оказалась весьма поверхностной и была быстро опровергнута серьезными исследованиями.

Одним таким исследованием в 2017-м г. стал доклад Римского клуба под названием «Come on! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» («Come on! — «Давай же!», «Живей!») [2].

В данном докладе предлагается вернуться к проблематике самого первого доклада Римского клуба «Пределы роста», опубликованного в 1972 г. В нем обращалось внимание на угрожающие перспективы промышленного развития в мире и формулировался призыв к реорганизации системы мирового капитализма с тем, чтобы избежать экологической катастрофы глобального масштаба.

Дело в том, что за последние сто лет население земли увеличилось примерно в пять раз, составив вместе с домашним скотом 97 % всех позвоночных на земле. Экономический оборот вырос в сорок раз. Сильно выросло потребление топлива, вылов рыбы и прочие подобные показатели. С этими причинами связывалось и глобальное потепление. Процессы урбанизации приводят к росту больших городов, а вместе с ними и увеличивается потребление энергии, так как горожане потребляют в среднем в 4 раза больше энергии, чем сельские жители. Распространение ядерного оружия в мире увеличивает риски его применения либо государствами, либо террористическими группами.

В докладе также формулируется идея, согласно которой философские концепции, под эгидой которых рыночные отношения распространялись практически на все сферы общественной жизни, уже давно устарели. Эти концепции, по мнению авторов доклада, неприменимы в современной ситуации ограниченности ресурсов, которая стала результатом распространения людей, а за ними и государств, во все уголки земного шара. Экономическая деятельность людей, реализуемая через национальные и международные корпорации, приводит ко все большему пагубному воздействию на планету. В таких условиях недопустима философия, пропагандирующая свободное перемещение капиталов и свободную конкуренцию. По мнению авторов доклада, требуются новые философские концепции или так называемое новое «Провещение».

Содержание этого доклада явным образом противопоставляется идеям, сформулированным Фукуямой относительно будущего человечества. Попытка всех народов мира прийти к тому уровню потребления, который господствует в либерально-демократических странах Запада, очень быстро столкнется с непреодолимым препятствием, выраженным в деградации природы.

Противостоять описанным глобальным вызовам человечество может, только если объединится вокруг идеи сохранения окружающей среды и бережного отношения к ней. Борьба между странами за экономическое первенство приведет лишь к ухудшению жизненного пространства для всех.

Прогноз Римского клуба может оправдаться.

II

Многие авторы, рассуждающие о будущем развитии человечества, обращают внимание на бурное развитие техники в последние десятилетия и пытаются оценить революционное влияние научно-технического прогресса на жизнь человечества уже в ближайшей перспективе.

В частности, английский экономист Дэниэл Сасскинд в своей книге «Будущее без работы» [3] говорит о том, что бурное развитие технологии, автоматизация и роботизация, искусственный интеллект уже в ближайшие

десятилетия вытеснят людей из всех сфер производственной деятельности. Люди останутся без работы. Как они будут жить?

Автор начинает с интересной аналогии. В конце XIX в. по улицам Лондона, Нью-Йорка и других городов сотни тысяч лошадей возили кэбы, телеги, повозки, фургоны и множество других транспортных средств. Трамвай, использовавший конную тягу, был самым популярным видом транспорта среди жителей Нью-Йорка. Упряжь из восьми лошадей тащила этот трамвай по рельсам. Лошади также возили известные двухэтажные автобусы в Лондоне. Вместе с лошадьми появился и навоз — очень много навоза. Один лондонский репортер, пишет автор, предположил тогда, что к середине XX в. улицы городов будут погребены под 3-метровым слоем навоза. Опираясь на подобного рода расчеты, люди рисовали себе будущее, наполненное навозом. К тому же дороги были усеяны тысячами трупов павших лошадей. Только в 1880 г. из Нью-Йорка вывезли около 15 тысяч лошадиных трупов.

Ситуация казалась безвыходной: без лошадей нельзя было обойтись, но и с лошадиным навозом все труднее становилось жить. Однако в 1870-е гг. был создан двигатель внутреннего сгорания, который в 1886 г. был установлен на первый автомобиль. Спустя еще два десятка лет Генри Форд начал массовый выпуск автомобилей, и в 1912 г. в Нью-Йорке автомобилей было уже больше, чем лошадей. Великий навозный кризис был преодолен.

Кажется, данная история является одним из примеров технологического триумфа. Но русско-американский экономист Василий Леонтьев подметил в этом триумфе тревожную ноту. Всего лишь за несколько десятилетий двигатель внутреннего сгорания вытеснил из нашей жизни лошадей, которые тысячелетиями играли ключевую роль в экономической жизни людей. Не сделает ли технический прогресс и с людьми то же самое, что он сделал с лошадьми, — не лишит ли их работы? Не станут ли компьютеры, автоматы и роботы, искусственный интеллект для людей тем же, чем для лошадей были автомобили и тракторы?

Автор отвечает на эти вопросы утвердительно и приводит многочисленные статистические данные, показывающие постепенное вытеснение человека из всех сфер производительной деятельности. Например, в сельском хозяйстве используются доильные аппараты и беспилотные тракторы, дроны для выпаса скота и автоматические хлопкоочистители. Есть роботы, трясущие деревья и собирающие апельсины, срезающие виноградные кисти и всасывающие яблоки с деревьев вакуумными трубками. Есть фитнес-трекеры, которые следят за здоровьем животных, и автоматические опрыскиватели, распыляющие удобрения на посевы и пестициды на сорняки. В Японии, например, уже сейчас 90 % работ по опрыскиванию сельскохозяйственных культур выполняется дронами. Одна британская фирма сеет, выращивает и убирает ячмень вообще без какого-либо участия человека. Особую тревогу сейчас вызывают беспилотные автомобили и грузовики. Компания Ford обещала выпустить беспилотный автомобиль в 2021 г., а компания Tesla

говорит о том, что ее автомобили уже обладают всем необходимым оборудованием, чтобы управлять собой без участия человека на уровне безопасности, который значительно превышает уровень безопасности водителя-человека. В 2016 г. по Европе проехала первая колонна полуавтономных грузовиков, взаимодействовавших друг с другом. Сегодня в автомобильном производстве роботы выполняют 80 % всей работы.

Вытеснение людей из производственной сферы машинами автор называет «технологической безработицей». Причем технологическая безработица уже сегодня захватывает не только сферу физического труда, но проникает и в области интеллектуальной деятельности. Имеются машины, которые по разговору между женщиной и ребенком могут определить, являются ли они родственниками, которые с точностью до 90 % способны установить, лжет ли человек, выступающий в суде. Новые технологии проникают в медицину, педагогику, банковское дело и т.п. Кстати сказать, книгу Сасскинда с английского на русский язык перевела программа Яндекс.Переводчик. Люди, занимавшиеся переводом с одного языка на другой, на наших глазах стали не нужны!

Автор различает два вида технологической безработицы. «Фрикционной технологической безработицей» он называет такую, при которой люди, лишившиеся работы в одной области, могут переквалифицироваться и найти себе работу в других видах деятельности. Скажем, в 1950 г. в промышленности работал каждый третий американец, сегодня в ней занято менее 10 % трудоспособного населения. Вытесненные из этой сферы люди переходят на другую работу — парикмахерами, официантами, охранниками и т.п. Под «структурной технологической безработицей» автор понимает такое положение, когда люди, вытесняемые из какой-то сферы деятельности, уже не могут найти себе работу в других сферах вследствие общего сокращения рабочих мест. Англия и США, полагает он, движутся именно к структурной безработице.

Вместе с тем увеличение технологической безработицы сопровождается резким ростом количества производимой продукции. В настоящее время британское сельское хозяйство дает в пять с лишним раз больше продукции, чем в 1861 г., хотя доля общей рабочей силы Великобритании, занятой в этом секторе, упала с 26,9 до 1,2 %, а количество фактических работников сократилось почти в десять раз — с 3,2 млн до 380 тысяч. То же самое происходит и в промышленности. Сегодня этот сектор производит примерно на 150 % больше продукции, чем в 1948 г., но количество рабочих сократилось на 60 %. Так же обстоит дело и с промышленностью в США. Сегодня в ней производится примерно на 70 % больше продукции, чем в 1986 г., хотя для ее изготовления требуется на 30 % меньше людей. Только за одно первое десятилетие XXI века в промышленности США исчезло 5,7 млн рабочих мест.

Если технологизация всех видов деятельности, сопровождаемая вытеснением человека из трудовой сферы, будет продолжаться такими же темпами, то уже в ближайшие десятилетия человечество, по крайней мере страны

Западной Европы и США, столкнется с двумя кардинальными проблемами, о которых недавно еще совсем никто не думал.

Во-первых, встает вопрос: как распределять общественное богатство среди членов общества? До сих пор важнейшим средством распределения была трудовая деятельность — люди получали вознаграждение в виде заработной платы. Чем более квалифицированным, интенсивным, продолжительным был труд, тем значительнее было вознаграждение за него. Но если большинство людей будет лишено возможности трудиться, то как будут они получать средства к существованию? С лошадьми было просто — их число сократилось в десятки, а то и в сотни раз. Но как быть с людьми?

Эту проблему, полагает автор, должна решить социальная структура, которую он называет «Большим государством». XX в. был отмечен великим экономическим противостоянием двух систем — централизованной плановой экономикой и свободным рынком. Свободный рынок оказался более эффективным механизмом в сфере производства материальных благ. «Он [XX в.] убедительно продемонстрировал, — пишет автор, — что в деле максимального увеличения экономического пирога команды умных людей, сидящих в правительственных учреждениях и пытающихся координировать экономическую деятельность всех граждан в соответствии с генеральным планом, не могут сравниться с производительным хаосом свободных рынков. Однако, призывая к созданию Большого государства, я имею в виду нечто иное: нужно не использовать государство для увеличения пирога, чего безуспешно пытались добиться сторонники планирования, а сделать так, чтобы каждому достался свой кусок. Иными словами, роль Большого государства заключается не в *производстве*, а в *распределении*» [3. С. 233—234].

В XX в. в странах Западной Европы и в США получили широкое распространение разнообразные системы социального обеспечения — страхование по болезни, пенсии по старости, пособия по безработице и т.п., т.е. уже сейчас государства заботятся о том, чтобы материально поддержать тех, кто в силу различных причин не имеет возможности заработать себе на жизнь. В мире, лишенном работы, Большое государство должно, по мнению автора, обеспечить всем своим гражданам определенный базовый доход, достаточный для комфортной жизни. Государство облагает налогами те корпорации и тех работников, которые имеют большие доходы, вводит налог на наследуемый капитал и распределяет собранные средства среди тех, кто лишен капиталов и работы. Здесь возникает множество технических проблем, например, кого считать гражданином, представлять ли базовый доход всем или только безработным гражданам и т.п., но основная идея автора ясна: государство должно предоставить средства для жизни всем своим гражданам.

Вторая проблема, порожаемая технологической безработицей, представляется гораздо более важной. Работа, профессиональная деятельность в какой-то области часто придает смысл существованию человека. Саскинд пишет: «Зайдите в книжный магазин, и вы найдете там бесчисленное множество изданий о том, как достичь успеха в работе. Откликнитесь на вакансию,

и нетерпеливый работодатель, возможно, пообещает вам не только приличный доход, но и значимую карьеру. Поболтайте с гордым кормильцем семьи, и он с горящими глазами будет говорить о том, как содержит своих родных... Посмотрите на преуспевающих людей, которые могли бы позволить себе никогда больше не работать, и вы увидите, что многие каждый день встают с постели и идут в офис, часто после короткого и неудачного эксперимента с выходом на пенсию. На вечеринке даже едва знакомый человек может спросить вас: «А чем вы зарабатываете себе на жизнь?» — зачастую имея в виду, что ваша работа говорит что-то важное о вас самих» [3. С. 297]. Действительно, когда вы узнаете о том, что вот этот человек — водитель такси, другой — инженер, а третий — врач или университетский профессор, вы уже многое можете сказать о личности этих людей. Разнообразные профессиональные объединения, праздники в честь той или иной профессии рождают у человека чувство причастности к чему-то важному в жизни общества, наполняют его душу гордостью за свою профессиональную деятельность, придают смысл всей его жизни.

Но вот мы попали в мир, в котором люди лишены возможности работать, и получают средства к существованию от государства. Кому-то может показаться, что в этом нет ничего плохого: люди, освобожденные от необходимости работать ради получения средств к существованию, отдадутся свободному творческому самовыражению, будут жить так, как живут ныне люди так называемых «свободных» профессий — художники и скульпторы, поэты и писатели, архитекторы и композиторы. Но, увы, увы, увы! Людей, способных наполнить свою жизнь творчеством, слишком мало. Огромное большинство включается в рамки профессий, задаваемых обществом, и не мыслит своей жизни за пределами спектра предлагаемых занятий.

Автор рассказывает о любопытном социологическом исследовании, проведенном в Австрии в небольшой деревне, основная масса жителей которой работала на местной льняной фабрике. В результате Великой депрессии, разразившейся в 1929 г., фабрика прекратила свое существование, жители деревни потеряли работу и жили на пособие по безработице. «Обнаружилась поразительная вещь: безработные люди теряли смысл жизни, у них росла апатия и недоброжелательность по отношению к другим. Жители деревни стали брать меньше книг в библиотеках: в 1929 г. на каждого из них приходилось в среднем 3,23 книги, а в 1931-м — только 1,6. Они вышли из политических партий и перестали посещать культурные мероприятия: всего за несколько лет число членов спортивного клуба сократилось на 52 %, а хора — на 62 %... Исследователи, наблюдавшие за происходящим, даже заметили физическую перемену: безработные шли по улице медленнее и чаще останавливались» [3. С. 296]. Да, деятельность на каком-либо социальном поприще придает смысл жизни огромному большинству людей. Мы можем заметить это и в своем окружении: человек, вынужденный выйти на пенсию, порой не способен ничем себя занять и быстро деградирует и умственно, и физически. Автор

полагает, что в мире, лишенном работы, Большое государство должно заниматься не только распределением материальных благ среди граждан, но и учить их тому, как находить смысл существования за рамками экономической деятельности. В частности, должна радикально измениться современная система образования: сейчас школа и университет готовят человека к какой-то профессиональной деятельности, дают ему знания, необходимые для овладения той или иной профессией. В мире с технологической безработицей образование должно готовить человека не к труду, а к организации своего досуга.

Книга английского экономиста заставляет нас задуматься над многими важными проблемами, которые, по-видимому, уже скоро встанут перед человечеством. Человек всегда трудился и совершенствовал орудия своего труда для повышения производительности. Но вот он достиг такого положения, когда производство материальных благ он может полностью передать машинам и освободиться от трудовой деятельности. Останется ли он человеком? Попробуйте птицу, выросшую в клетке, выпустить «на волю». Она очень быстро погибнет, ибо лишена навыков поиска пищи. А если мы лишим человека навыков к труду, то не станет ли он похож на эту птицу? Помимо всего прочего книга Сасскинда возвращает нас к извечному философскому вопросу: что такое человек?

Большое государство Сасскинда найдет, конечно, способы распределения материальных благ среди своих граждан. Но сможет ли оно придать смысл их существованию? Жизнь имеет смысл, когда у человека есть цель, к достижению которой он стремится, — получить образование, повысить свою квалификацию, сделать карьеру, организовать свой бизнес и т.п. Но все это есть работа или то, что нужно для работы! У большинства людей смыслом жизни является работа или подготовка к ней. Лишив человека возможности работать, мы и жизнь его лишаем смысла, лишаем его определенного социального статуса. Как будет чувствовать себя нынешний гордый кормилец семьи, когда он перестанет быть «кормильцем»? Конечно, какие-то люди найдут смысл жизни в творческой деятельности — будут писать стихи, создавать музыку и объединяться для ее исполнения, наносить краски на холст или познавать окружающий мир. Но таких слишком мало! Возможно, с людьми произойдет то же, что произошло с лошадьми: самые породистые сохранились — для скачек на ипподромах, для развлечений, а рабочие лошади вымерли. Возможно, в мире, лишенном работы, и люди начнут попросту вымирать.

Книга Сасскинда ставит перед нами весьма интересный и важный вопрос: является ли благом освобождение человека от необходимости работать? Или это зло, с которым следует бороться и искать виды деятельности, в которые неспособны проникнуть машины? Можно надеяться на то, что человечество найдет занятие для человека.

III

Еще один сценарий будущего развития человечества разрабатывают и пропагандируют так называемые «трансгуманисты». В 2011 г. в России появилось движение под названием «Россия 2045». Его цель — «создание международного научно-исследовательского центра киборгизации с целью практического воплощения главного технопроекта — создания искусственного тела и подготовки человека к переходу в него». Являясь частью «Всемирной ассоциации трансгуманистов», данное движение пропагандирует замораживание больных или пожилых людей с тем, чтобы в будущем они могли быть разморожены и вылечены с помощью лекарств будущего или чтобы их биологическая жизнь могла быть продолжена благодаря новым средствам продления жизни. Сторонники этих идей, таким образом, стремятся сделать людей независимыми от текущего состояния природы или цивилизации. Это обосновывается утверждениями о том, что среда обитания человека не естественный физический мир, а искусственный виртуальный мир.

По мнению трансгуманистов, технаука должна сделать основным предметом своего изучения не природу, а человека и способы его преобразования. Тела людей должны быть заменены на искусственные, что даст людям много важных преимуществ. Манифест этого движения гласит: «Мы считаем, что можно и нужно ликвидировать старение и даже смерть, преодолеть фундаментальные пределы физических и психических возможностей, заданных ограничениями биологического тела» [4]. Основная идея здесь в том, что имея возможность жить столько, сколько он захочет, человек перестанет быть потребителем и превратится в исследователя Вселенной. Поскольку достижение такого будущего для человека требует больших трансформаций в обществе, их следует начинать уже сейчас.

При этом создается впечатление, что трансгуманисты совершенно не осознают того, что, призывая людей к замене биологического тела искусственным, они, по сути дела, призывают человечество к самоубийству. Ну, конечно! Постчеловек с искусственным телом будет бесполом, не будет рождать и воспитывать детей, исчезнет семья, исчезнет дружба и многое другое. Постчеловек не будет петь о любви и писать стихов о прекрасной даме. Он не будет испытывать боли или страдать от угрызений совести. Короче говоря, от всего содержания человеческого сознания у постчеловека останется лишь разум и стремление к познанию. Но этого мало, чтобы быть человеком. Да и сомнительно, сможет ли функционировать разум, не вдохновляясь эмоциями и страстями?

IV

Наконец, израильский историк Юваль Ной Харари в своей обширной книге «Homo Deus» [5] рисует общую картину того, как научно-технический прогресс уже в ближайшие десятилетия превратит *Homo Sapiens* в *Homo Deus*, т.е. человека разумного в человека божественного.

Как и Сасскинд, Харари также говорит о неизбежном вытеснении людей из всех сфер производительной деятельности. Он отмечает, что «в 2010 году два процента американцев было занято в сельском хозяйстве и двадцать процентов — в промышленности, тогда как семьдесят восемь процентов работали учителями, врачами, дизайнерами веб-сайтов и т.п. Чем же мы займемся, когда алгоритмы будут учить, лечить и создавать сайты лучше, чем мы?» [5. С. 372]. Он ссылается на статью «Будущее занятости», опубликованную в Оксфорде К.Б. Фреем и М.А. Осборном. Авторы статьи представили вычисления вероятности замены труда людей машинами в самых разнообразных видах деятельности. По их расчетам, только в США около 47 % профессий находятся в зоне высокого риска. «Например, — продолжает автор, излагая результаты их исследований, — существует 99-процентная вероятность, что к 2033 г. свои места алгоритмам уступят специалисты по телефонному маркетингу и страховые агенты, с 98-процентной вероятностью та же участь постигнет спортивных рефери, с 97-процентной — кассиров, с 96-процентной — шеф-поваров. Вероятность, с которой потеряют работу официанты, составляет 94 процента. Экскурсоводы — 91 процент. Пекари — 89 процентов. Водители автобусов — 89 процентов. Строительные рабочие — 88 процентов. Ветеринарные фельдшеры — 86 процентов. Охранники — 84 процента. Моряки — 83 процента. Бармены — 77 процентов. Архивариусы — 76 процентов. Плотники — 72 процента. Спасатели на воде — 67 процентов» [5. С. 381]. Конечно, все это в первую очередь затронет страны Западной Европы и США, однако в репортажах с Олимпийский игр в Китае можно видеть, что кофе посетителям баров уже доставляет робот.

В своей книге автор обосновывает мысль о том, что, опираясь на достижения науки и техники, человечество сможет в XXI в. решить три следующие великие задачи: «Сократив смертность от голода, болезней и насилия, мы постараемся победить старость и даже саму смерть. Избавив большинство людей от унижительной нищеты, мы постараемся сделать их реально счастливыми. Встав выше звериной борьбы за выживание, мы постараемся возвысить людей до богов и превратить *Homo Sapiens* в *Homo Deus*» [5. С. 30].

Из этого следует, что первая задача — это избавить людей от болезней, старости, смерти. Здесь автор следует за трансгуманистами: замена естественного биологического тела искусственным решает эту задачу. Но в отличие от трансгуманистов он ясно осознает, что это означает уничтожение человечества как биологического вида.

Вторую задачу, стоящую перед человечеством, автор видит в том, чтобы сделать всех людей счастливыми. Обычно под счастьем понимают высшую степень удовлетворенности человека самим собой и своей жизнью. Если человек достигает поставленных целей, не испытывает нужды в каких-то материальных благах, окружен близкими родственниками и друзьями, если совесть его спокойна, то он может испытывать моменты счастья, сопровождаемые бурными эмоциональными переживаниями. Считается, что

материальные основы счастья закладываются социально-экономическими и политическими реформами: обеспечение свободы человека, защита его от насилия и принуждения, доступность материальных благ, обеспечение возможности проявить себя в каком-то виде деятельности — вот что организация общества должна обеспечить человеку для того, чтобы он мог быть счастлив.

Однако Харари под счастьем понимает что-то похожее на физиологическое блаженство, которое может быть достигнуто психотропными средствами. «Забудьте об экономическом росте, — пишет он, — социальных реформах и политических революциях: чтобы поднять уровень мирового счастья, мы должны управлять человеческой биохимией. Еще полвека назад назначение психотропных препаратов диктовалось лишь очень серьезным диагнозом. Сегодня совсем не так. К лучшему или к худшему, все больший процент населения принимает психотропы регулярно, не только для лечения разрушительных психических заболеваний, но и для восстановления душевного равновесия при рядовых депрессиях» [5. С. 50]. Он замечает в связи с этим, что в Англии число школьников, принимающих таблетки от синдрома дефицита внимания и гиперактивности, с 92 тысяч в 1997 г. выросло до 786 тысяч в 2012 г. Понятно, что если люди начинают употреблять психотропные таблетки еще в школе, то, став взрослыми, они уже не смогут отказаться от этой привычки.

Таким образом, задача сделать всех людей счастливыми технологически решается просто: нужно создать психотропные средства, прием которых позволит людям ощущать непрерывное физиологическое блаженство. Если вспомнить о том, что уже сейчас разнообразные наркотики доставляют людям блаженство, то постчеловек Харари предстанет в виде биоробота, одурманенного наркотической травкой.

Третий великий проект XXI в. заключается в обретении человеком божественной силы созидания и разрушения, в обретении им всемогущества. Преобразование людей в богов может осуществляться, по мнению автора, одним из трех способов: биоинженерия, киборгинженерия и инженерия неорганических существ. «Биоинженеры не собираются терпеливо ждать, — заявляет автор, — пока естественный отбор снова сотворит чудо. Они возьмут тело старины Сапиенса и сами перепишут его генетический код, перемонтируют нейронные цепочки, изменят биохимический баланс и даже вырастят совершенно новые органы... Киберинженерия сделает следующий шаг, соединив органическое тело с неорганическими механизмами, такими как бионические руки, искусственные глаза или миллионы нанороботов, которые будут сновать по нашим сосудам, выявляя проблемы и устраняя неполадки» [5. С. 56].

В результате будет создано неорганическое существо, которое не будет стареть и будет жить вечно, которое испытывает непрерывное блаженство и обладает божественной силой созидания и разрушения. Причем автор с воодушевлением провозглашает, что этот процесс замены человечества расой неорганических существ идет уже сейчас, осуществляется на наших

глазах: «В начале XXI века поезд прогресса снова отправляется в путь. По всей вероятности, это последний поезд, отъезжающий от станции под названием *Homo Sapiens*. Тем, кто опоздает, второго шанса не представится. Чтобы занять место в таком поезде, нужно понимать возможности технологий XXI века — в частности, компьютерных алгоритмов и биотехнологий. Эти возможности несравнимо больше, чем у пара и телеграфа, и будут использованы не только на производство еды, текстиля, автомобилей и вооружений. Главными продуктами экономики XXI века станут тела, мозги и интеллект, и пропасть между теми, кто научится создавать тела, мозги и умы, и теми, кто не научится, будет шире, чем пропасть между Британией Диккенса и Суданом Махди... В XXI веке те, кто успел занять место в поезде прогресса, обретут божественные способности созидания и разрушения, а те, кто остался на станции, будут обречены на вымирание» [5. С. 321].

Ну, вот, обкуренный биоробот будет еще и всемогущим. Боже, что он натворит?!

Несколько странным кажется тот факт, что автор выступает под флагом гуманизма. На протяжении тысячелетий люди организовывали свою жизнь согласно мифологическим или религиозным предписаниям. Религия придавала смысл жизни людей, задавала им жизненные цели и ценности. Сейчас место религиозных верований, полагает автор, занял гуманизм, который является религией современности. «Гуманистическая религия, — пишет он, — поклоняется человечеству и отводит ему ту же роль, которую в христианстве и исламе играл Бог, а в буддизме и даосизме законы природы» [5. С. 261]. Таким образом, автор говорит о поклонении человечеству и в то же время приговаривает его к смерти. На мой взгляд, он впадает в противоречие.

V

Итак, мы рассмотрели перспективы будущего развития человечества, опирающегося на научно-технический прогресс. И надо сказать, перспективы эти кажутся весьма мрачными.

Что касается прогноза Римского клуба, то даже если допустить, что его доклад составлен под определенным влиянием политических и экономических группировок, заинтересованных в уменьшении зависимости от газа, нефти и угля и в развитии «зеленой» энергетики, тем не менее, на приведенные в докладе статистические данные, по-видимому, можно полагаться. А из этого следует, что к середине нынешнего века биосфера Земли может претерпеть существенные изменения, способные повлиять на жизнь людей. Замедлить эти изменения могло бы только объединенное человечество, но стремления к такому объединению пока не видно.

Но, конечно, наибольшую тревогу вызывает технологизация человеческой деятельности. Вытеснение людей из сферы не только промышленной и сельскохозяйственной деятельности, но и из сферы услуг и многих сфер интеллектуальной деятельности, согласно данным, приводимым Сасскиндом,

кажется вполне реальным. Да, какая-то очень узкая группа людей сохранит свою деятельность — те, кто владеет робототехникой, и те, кто обеспечивает ее программное обеспечение. А что же остальные? Они обречены на вымирание? По-видимому, человек не может жить без деятельности, его разум — средство достижения его целей. А если нет целей, если нет деятельности, то и разум становится не нужен и угасает. Пусть человек обеспечен всеми материальными благами, пусть у него есть возможность путешествовать по всему Земному шару — какое-то время можно довольствоваться этим. Но если человек остается человеком, если он не превратился в жвачное животное, то однажды перед ним встает вопрос: а зачем все это? Для чего, во имя чего я живу? Человек — существо деятельное, только в деятельности он может проявить особенности своей личности, реализовать себя. Лишив человека возможности действовать, мы превращаем его в животное.

Самую мрачную перспективу обещают нам трансгуманисты и Юваль Харари. Да, вполне возможно, что уже недалеко то время, когда люди начнут заменять свои биологические органы и тела искусственными. Это действительно избавит их от болезней и старения. Их жизнь продлится до 200—300 лет и даже больше. Конечно, многие прогнозы трансгуманистов кажутся слишком оптимистичными, здесь остается еще слишком много нерешенных проблем, особенно в связи с пониманием сознания. Однако критический анализ рассуждений трансгуманистов и Харари кажется здесь излишним. Достаточно указать на одно важнейшее обстоятельство, которого они, кажется, совершенно не учитывают.

Хорошо, пусть развитие нано-, био- и прочих технологий создаст возможность заменять естественные органы человеческого тела искусственными и двигаться к созданию полностью искусственного тела. Но нетрудно сообразить, что на первом этапе такие трансформации будут чрезвычайно дороги и доступны лишь очень небольшому кругу лиц. В итоге мы очень скоро получим элиту долгожителей, владеющих всеми богатствами Земли, и остальную массу биологических существ, лишенную всего. Средний класс — основа стабильности современного общества — исчезнет, останется лишь небольшая властная долгоживущая элита, владеющая всеми богатствами земли, и остальная масса лишенных всего людей. Нужны ли будут элите эти 7—8 млрд биологических существ, которых надо как-то кормить, обувать, одевать, лечить и т.д.? — Едва ли. Скорее всего, им дадут вымереть.

Вот такое ближайшее будущее сулит нам нынешний научно-технический прогресс. Правда, это касается, главным образом, Европы и США, но деградация окружающей среды затронет все народы и страны, а плоды технического преобразования человека будут доступны элитам разных стран. Остается надеяться лишь на то, что народы неевропейских стран найдут возможности избежать этого мрачного будущего.

Список литературы

- [1] Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134—148.
- [2] Von Weizsaecker E., Wijkman A. *Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. New York : Springer, 2018.
- [3] Сасскинд Д. Будущее без работы. Технологии, автоматизация и стоит ли их бояться. М. : Individuum, 2021.
- [4] Манифест стратегического общественного движения «Россия 2045», 2011. Режим доступа: <http://www.2045.ru/manifest>. Дата обращения: 29.03.2022.
- [5] Харари Ю.Н. *Homo Deus*. Краткая история будущего. М. : Синдбад, 2020.

References

- [1] Fukuyama F. The end of history? *Voprosy filosofii*. 1990;(3):134—148. (In Russian).
- [2] Von Weizsaecker E, Wijkman A. *Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. New York: Springer; 2018.
- [3] Susskind D. *Future without work. Technology, automation and whether to be afraid of them*. Moscow: Individuum; 2021. (In Russian).
- [4] Manifesto of the strategic national movement “Russia 2045”. 2011. Available from: <http://www.2045.ru/manifest>. (accessed: 29.03.22). (In Russian).
- [5] Harari YN. *Homo Deus. A Brief History of Tomorrow*. Moscow: Sindbad; 2020. (In Russian).

Сведения об авторе:

Никифоров Александр Леонидович — доктор философских наук, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия (e-mail: nikiforov_first@mail.ru). ORCID: 0000-0002-6215-4107

About the author:

Nikiforov Alexander L. — Doctor of Philosophical Sciences, Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science”, Moscow, Russia (e-mail: nikiforov_first@mail.ru). ORCID: 0000-0002-6215-4107

Наука, философия, религия

Science, Philosophy, Religion

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-138-152>
EDN: QAPTCN

Научная статья / Research Article

Образность в научном дискурсе

Н.Ю. Козлова

Московский педагогический государственный университет,
Российская Федерация, 119991, Москва, Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
nyu.kozlova@mpgu.su

Аннотация. Статья представляет собой обзор проблематики по теме образности в научном дискурсе. Анализ произведен в трех ракурсах: «концептуальном» — рассмотрены ключевые представления о роли образности в формировании научного дискурса (о метафорических схемах, лежащих в процессах мышления и научной концептуализации, о необходимости выявления и анализа данных схем в науке, о роли сравнения и аналогии в концептуальном и смысловом развертывании научного дискурса); «нарративном» — рассмотрены идеи о функции образности в развитии авторской онтологии (проблемы «конструирования риторического «Я» в научном дискурсе, «самоидентифицирующего повествования», «научной идентичности»); «коммуникативном» — выявлена специфика образности в связи с проблемой передачи знания и современных стратегий популяризации науки. Показано, что в контексте современного выявления «риторичности» научной коммуникации и обсуждения стратегий популяризации науки тематика исследования характеризуется особой актуальностью. Анализ образности в научном дискурсе затрагивает важную для современности проблему диалога науки и общества, вписывания научных достижений в социокультурные и образовательные контексты. Показано, что научная значимость исследования образности в научном дискурсе проявляется в том, что оно позволяет, во-первых, расширить понятие «научного», пересмотрев идеалы академической научности, зачастую транслирующие взгляд на науку как на «эмоционально выхолощенный» «субстрат» объективной и прозрачной истины, и тем самым преодолеть существующий коммуникативный «барьер» между социумом и научным сообществом; во-вторых, переосмыслить представления о коммуникативной специфике научного творчества и роли языка в конструировании смыслового и логико-методологического пространства науки.

Ключевые слова: образность, научный дискурс, научная коммуникация, риторика науки, метафора, популяризация науки

© Козлова Н.Ю., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50714.

История статьи:

Статья поступила 20.06.2021

Статья принята к публикации 22.12.2022

Для цитирования: Козлова Н.Ю. Образность в научном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 138—152. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-138-152>

Imagery in Scientific Discourse

N.Yu. Kozlova

Moscow Pedagogical State University,
1/1, M. Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation

nyu.kozlova@mpgu.su

Abstract. The article is an overview of the problems on the topic of figurativeness in scientific discourse. The analysis was carried out in three perspectives: “conceptual” — the key ideas about the role of figurativeness in the formation of scientific discourse (about metaphorical schemes that lie in the processes of thinking and scientific conceptualization, about the need to identify and analyze these schemes in science, about the role of comparison and analogy in the conceptual and semantic deployment of scientific discourse); “narrative” — the ideas about the function of figurativeness in the development of the author’s ontology are considered (the problems of constructing a rhetorical “Self” in scientific discourse, “self-identifying narrative”, “scientific identity”); “communicative” — the specificity of figurativeness is revealed in connection with the problem of knowledge transfer and modern strategies for popularizing science. It is shown that in the context of the modern identification of the “rhetoric” of scientific communication and discussion of strategies for science popularizing, the research topic is characterized by particular relevance. The analysis of figurativeness in scientific discourse touches upon the problem of the dialogue between science and society, which is important for our time, and how scientific achievements fit into socio-cultural and educational contexts. It is shown that the scientific significance of the study of figurativeness in scientific discourse is manifested in the fact that it allows, firstly, to expand the concept of “scientific”, revising the ideals of academic scientificity, often translating a view of science as an “emotionally emasculated” “substrate” of objective and transparent truth, and thereby overcome the existing communicative “barrier” between society and the scientific community; secondly, to rethink ideas about the communicative specifics of scientific creativity and the role of language in constructing the semantic and logical-methodological space of science.

Keywords: figurativeness, scientific discourse, scientific communication, rhetoric of science, metaphor, science communication

Funding and Acknowledgement of Sources. The reported study was funded by RFBR, project number 20-111-50714.

Article history:

The article was submitted 20.06.2021

The article was accepted 22.12.2022

For citation: Kozlova NYu. Imagery in Scientific Discourse *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):138—152. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-138-152>

Роль образности в формировании научного дискурса

Исследования образности¹ как функционального элемента, неизбежного при построении научной теоретической конструкции, складывании авторского нарратива и передаче знания, начинаются с размышлений о природе языка и возникновении мышления. Анализ языкового функционирования приводит к постепенному осознанию того, что фигуративность и смысловая неоднозначность не являются недостатком языка, но, наоборот, свидетельствуют о головокружительной глубине «пропасти смысла между сознанием и реальностью» (Э. Гуссерль), о сложности ментальных процессов в конструировании научного образа мира.

Довольно радикальный для своего времени ход в понимании взаимоотношений сознания и реальности и роли образности в познании предлагает Ф. Ницше, усматривая механизм метафоры в развитии языка [1, 2] и заявляя, что язык — это риторика и то «сознательное искусство» [1. S. 425], приемы которого обычно называются «риторическими», на самом деле является бессознательным и стоит у истоков возникновения и развития языка. Тропы представляют собой не украшение языка или семантическую девиацию, производную от общеупотребительного значения, а естественное состояние, «истинную природу» языка, являющую его смысловую подвижность и гибкость. Ницше отмечает, что «не существует внериторичной «естественности» языка: язык сам по себе является продуктом искусства риторики» [1. S. 425].

Особое внимание Ницше уделяет проблеме образного происхождения истины, предлагая вовсе провокационный ход в ее интерпретации: «Итак, что такое истина? Движущаяся толпа метафор, метонимий, антропоморфизмов, — короче, сумма человеческих отношений, которые были возвышены, перенесены и украшены поэзией и риторикой» [2]. Данная точка зрения отсылает к проблеме образного основания познавательной рефлексии.

Ведущую роль в разработке данной проблемы сыграли когнитивный и концептуальный подходы в исследовании процессов метафоризации. Оба подхода проблематизируют явления категоризации и концептуализации [3—5], утверждая, что в их основе лежит механизм метафоризации, а также обращают внимание на необходимость выявления и анализа метафорических оснований концептуальной системы языка и мышления [3—5].

¹ Под образностью подразумеваются не только живые, яркие образы, языковая экспрессия, усиливающая наглядность идеи, но и употребление слов в переносном значении, а также языковая реализация мыслительного механизма, позволяющего создавать и воспринимать смысловую неоднозначность.

Данная точка зрения получает развитие в представлениях о метафорических схемах как фундаментальном основании науки и научной коммуникации. Например, М. Хессе отмечает, что их функция состоит в том, что, во-первых, находясь в «тесной внутренней взаимосвязи с логическими и причинно-следственными отношениями» концепции [6. Р. 169], они «объясняют» данные взаимоотношения, делая их доступными для других исследователей. Важно отметить, что природа данных схем конвенциональна и репрезентует «общепринятый теоретический язык науки» [6. Р. 165]. Во-вторых, образность в науке является источником смыслового «напряжения», собственно, и задающего ее развитие: «...нормальная наука стремится логически стабилизировать смысл, избавиться от противоречий» [7. Р. 156—157], произведенных научной революцией — «метафорическим переописанием² области явлений» [7. Р. 156—157]. Научная модель, или схема, оказывается одной из форм «художественно обогащенного творчества, основывающегося на естественном языке и экспериментальном наблюдении и преодолевающим его границы за счет метафорического расширения смысла» [7. Р. 161]. Образность позволяет «конструировать символические миры, которые адекватно или неадекватно представляют определенные аспекты эмпирического мира» [7. Р. 161].

Лакофф и Нуньес, продолжая развивать нейрокогнитивный подход к анализу мышления, исследуют природу фундаментальных математических идей и проблему формирования математических понятий и их усвоения³. Концептуальные метафоры, по мнению ученых, — «когнитивный, нейронный механизм, посредством которого абстрактные идеи постигаются в понятиях конкретного», а именно «сенсомоторного опыта». Также данный механизм осуществляет взаимодействие логических структур различных концептуальных областей [13. Р. 5—6]. С этой точки зрения базовые математические представления характеризуются образным происхождением: рассуждая о числовом ряде, мы имеем свойство «представлять числа как точки на линии», или, занимаясь тригонометрическими функциями, мы «образно концептуализируем углы как числа» — знания одного раздела математики позволяют нам рассуждать о другом [13. Р. 5—6].

² Вслед за Хессе П. Рикёр развивает идею метафорического «переописания» существующей онтологии. Анализируя особенности метафорической референции, он показывает, как образность вскрывает «глубинные основы реальности» [8].

³ Очевидно, каждая наука характеризуется своей совокупностью образных концептуальных схем, репрезентирующих ее смысловое пространство и стратегии его интерпретации (см., например, работы А. Рьехос и Ю. Протазения, посвященные анализу образности в инженерных исследованиях [9]; С. Рихард — в научной коммуникации, а также научно-популярной литературе в области медицины, экономики и компьютерных наук [10]). Особо необходимо отметить деконструкцию философской образности, проведенную П. де Маном, собственно, одним из первых и поставивших вопрос о статусе философского текста, избыточного художественным представлением идей, а также обратившем внимание на проблему образности как источника эпистемической нарративности [11; 12]. Проводя риторическую деконструкцию различных философских идей, де Ман показывает, как велико фигуральное измерение философских текстов, как образность задает и вместе с тем подрывает основания западноевропейской метафизики.

Проводя когнитивный анализ математики, исследователи отмечают, что каждая математическая идея представляет собой «наложение одной метафоры на другую», и их прояснение оказывается крайне важной задачей, поскольку не только позволяет эксплицировать бессознательный процесс складывания и развития математического мышления, что проясняет особенности познавательной рефлексии в целом⁴, но и заметно облегчает обучение математике, изменяя способ ее восприятия [13. Р. 9].

Важную роль в концептуальном развертывании научного дискурса играет также сравнение, которое Э. Мах называет «самым мощным элементом внутренней жизни науки» [14. S. 397]. Х. фон Засс проводит эпистемологический анализ сравнения, отмечая его особую значимость для развития науки: сравнительный подход лежит в основе комплекса научных дисциплин (например, филологическая компаративистика), позволяя вскрывать ранее не известные смыслы; сравнение заметно облегчает объяснение, поскольку характеризуется «точечной ориентацией» — концентрирует внимание на определенной точке зрения, что позволяет затемнить «периферийные смысловые элементы», то есть избежать неоднозначности, свойственной метафорам⁵; сравнение — «операция самолокализации», оно выражает рефлексию исследователя над собственной познавательной практикой [16. S. 25—47]. М. Гутман и Б. Ратгебер исследуют сравнение в научных контекстах с точки зрения его реализации как метода и результата. Например, взаимодействие бионики и технической биологии актуализирует проблему соотношения биологических и технических знаний: использование природных механизмов в качестве модели при конструировании различных технологий позволяет прояснить функционирование биологических организмов. На их взгляд, сравнение выполняет не только объяснительную, но и конститутивно-реконструирующую функцию [17. S. 70].

По мнению П. Рикёра, «возможность умозрительного дискурса кроется в семантической динамике метафорического высказывания» [18. С. 110]. Мыслительный механизм, стоящий за процессами продуцирования и интерпретации образности, оказывается у истоков познавательной рефлексии и метафизики как таковой. Дж. Вико подчеркивает первичность «чувственного, фантастического» поэтического мировосприятия по отношению к абстрактно-логическому мышлению [19]⁶. Ж. Деррида, анализируя происхождение философского дискурса, отмечает, что «не столько сама метафора в философском

⁴ На необходимость исследования образных схем в науке и коммуникации указывают также К. Криппендорф в контексте анализа проблемы «когнитивной автономии» — того, как интерсубъективность интерпретации коррелируется с ее субъективностью [5].

⁵ Философский ракурс на давнюю проблему различения метафоры и сравнения представляет К. Штруб, смещая акцент с семантического анализа на вопрос об истоках принципиальной методологической необходимости различать сравнение и метафору [15. S. 70]

⁶ Ф. Шлегель указывает на противопоставление чувства и мышления, размышляя о научном и, в частности, философском языке. Он отмечает, что наука в поисках истины замыкается на «определенной форме выражения» — «абстрактных ... словах, умерщвленных и превращенных в пустые формулы или опустошенных, лишенных живого смысла» [20. С. 374], и потому

тексте, сколько философский текст — в метафоре» [21. С. 297]. Философская мысль, интенция, развиваясь через сравнение, прокладывает свой путь, создавая все новые и новые метафоры, уже фактом своего появления преобразующие концептуальное поле научного дискурса.

Роль образности в развитии авторского нарратива

Неизбежность образности в научном тексте можно объяснить тем, что она представляет собой способ удивительно точного и лаконичного «самовысказывания»⁷: главная особенность переносного значения, за которую любая неоднозначность, собственно, всегда и подвергалась критике, состоит в том, что оно обусловлено личностью говорящего. Иными словами, представляя собой акт рефлексии, определенный ход интерпретации осмысляемого объекта, образность отражает момент «складывания» авторского нарратива, неся «отпечаток» субъективности творца. По этой причине образность, возможно, и является столь излюбленным языковым приемом в построении теоретических философских каркасов и вообще «авторской» онтологии: известно, что способ выражения обладает конститутивной значимостью.

Образность оказывается эффективным инструментом артикуляции научного знания по следующим причинам. Как показывает де Ман, анализируя конститутивную способность воображения, образность, а именно лежащая в ее основе подвижная связь означаемого и означающего, с одной стороны, отражая познавательную рефлексию исследователя, замыкает его поиски в рамки определенного смыслового поля (де Ман отмечает, что «понимание обнаруживает собственное ограничение, за которое не может выйти» [12. Р. 77]; с другой стороны, данное ограничение, обусловленное языком, им же самым впоследствии и преодолевается в образной динамике смысла. Также, выявляя образную систему в текстах различных философов и наблюдая ее трансформации в авторском нарративе, де Ман показывает, как реализуются риторические стратегии, выражающие интеллектуальный голос времени и между тем расширяющие имеющуюся научную онтологию [12].

оказывается обреченной на вечное пребывание в «искусственном сплетении научной иллюзии». Изменение ракурса научной рефлексии, сопровождающееся привнесением новой терминологии, по мнению Шлегеля, выражает стремление преодолеть ощущение «запутанности, темноты и непонятности предшествующей формы» путем «изменения расположения мыслей». Однако это не приводит науку к истине, поскольку «непонятность» не заключается в словах, а является следствием изначально «ошибочной точки зрения» на процесс познания, реализующейся в «логическом всеведении» [20. С. 376]. Жизнь, с точки зрения Шлегеля, в своей неисчерпаемой полноте открывается чувству, поэтому в научных размышлениях, направленных на исследование феномена жизни, особенно важно «использовать все богатство языка в многообразной полноте научного, образного и поэтического выражения, чтобы сохранить изложение вполне живым и удерживать его в постоянной смене живого движения, избегая всей той мертвой формальности, которая является как бы врожденной и переданной по наследству склонностью нашего научного разума» [20. С. 376].

⁷ Ср.: Тропы как «выражение смыслов в контекстуально-авторской форме» [22].

Функциональность образности заключается в том, что схватывание и фиксирование исследовательским Я определенного горизонта мысли перспективно оборачивается возможностью его расширения. Когнитивный механизм образности таков, что она всегда подразумевает нечто большее по сравнению с тем, что в нее закладывается или, наоборот, извлекается при интерпретации. С этой точки зрения образность как риторический элемент демонстрирует уникальность творческого всплеска, это «мгновенное создание языка» (П. Рикёр), выражающее принципиально новый ракурс осмысления.

Интересный взгляд на роль образности в развитии авторского нарратива открывает идея о «письме как акте идентичности» [23; 24], в котором автор принимает участие в воспроизведении и развитии или опровержении доминирующих практик, убеждений, ценностей и интересов [23]. Г. Бертран, анализируя проблему «риторического измерения» философии [25], утверждает, что самопонимание философии именно как философии — бесконечного диспута, в котором человечество осознает себя — является принципиально важным для ее развития, это акт «научной идентичности», который развивается через постоянное риторическое столкновение различных аргументативных стратегий [25]. Р. Иванич рассматривает проблему дискурсивного конструирования личности автора на примере студенческих научных работ, обращая внимание на формирование «дискурсивного я» — того образа нарративности, представляемого риторической стратегией (процедурами аргументации, доказательства и верификации) и определенным понятийным аппаратом, обладание которым становится своеобразным ритуалом научной инициации [23]. С. Уолхед обостряет развиваемую Иванич проблематику, анализируя идею «самоидентифицирующего повествования» [26].

Опираясь на теоретические разработки Дж. Лакоффа о метафорах самораспознавания, позволяющих концептуализировать внутренний опыт (например, «физическое я», «утрата я», «выход за пределы я» и пр.) [26. Р. 298; 27], Уолхед касается вопроса о роли языка в установлении взаимосвязи между различными я, ощущаемыми автором, всегда стремящимся в своем произведении предстать самим собой. Иными словами, речь идет о том, как язык оформляет складывание субъективного нарратива Я как последовательного истолкования *себя* в предпринимаемых актах познавательной рефлексии, ее ракурсах и направленности [28]. Подобное истолкование оказывается возможным благодаря смысловой пластичности языка, практикующейся сознанием в продуцировании и интерпретации образности. Механизм образности позволяет Я не только «схватывать» релевантные для себя элементы опыта, но и, конституируя из них *значимый* смысл, сделать его «своим».

Отдельное внимание привлекает вопрос о месте образности в структуре аргументации, поскольку, например, удачная метафора может усилить аргумент, сделав его более убедительным, а неудачная, наоборот, ослабить [29]. На первый взгляд может показаться, что образность только заполняет разрывы в нити рассуждения: когда возникает проблема с выстраиванием

аргументативной цепочки, в ход идет экспрессия — образность с этой точки зрения выполняет функцию своеобразных «лирических отступлений», вскоре позволяющих вступить в диалог с новыми аргументами. Подобные отступления можно отнести к приемам хеджирования, позволяющим «коммуникативно подстраховать» продвигаемую точку зрения, смягчая категоричность заявляемого и тем самым позволяя избежать критики оппонента [30]. Это оказывается возможным, во-первых, благодаря экспрессивной функции образности: грамотное эмоционально-оценочное воздействие снижает критичность восприятия; во-вторых, поскольку образность является результатом оперирования определенными смыслами и коннотациями, то возникающие в итоге представления позволяют облегчить восприятие и понимание отстаиваемой идеи. С этой точки зрения фигуративный язык оказывается инструментом коммуникативной «дипломатии» в научном дискурсе, владение которой выступает одним из способов академической идентификации.

Наблюдая эвристичность некоторых, ставших классическими, научных текстов, можно допустить, что связь между логико-концептуальной сферой научного текста и литературно-повествовательной глубже, чем кажется на первый взгляд. Функция образности не сводится к декоративности, отвлекающей или расслабляющей внимание оппонента, пока автор ищет сильный аргумент в защиту своей позиции. Скорее, она «встраивается» в структуру аргумента, вступая с ним в отношения противоречия или согласования, что демонстрирует Бертран, анализируя кантовскую критику метафизики. Кант, иллюстрируя свое понимание метафизической традиции, называет метафизику «ареной, предназначенной для игровых сражений, в которых еще ни один боец не мог обеспечить себя победой. Все, что делают эти бойцы, так это бредут вслепую и, что самое ужасное, оперируют одними только понятиями» [25. S. 455]. По мнению Бертрана, данной иллюстрацией Кант пытается убедить читателей в непродуктивности метафизических споров, тем самым вызывая критическое отношение к исследуемой традиции. Образ как повествовательный элемент встраивается Кантом в аргументацию, утверждающую необходимость изменения подхода к метафизическим проблемам, изнутри противореча ей, в результате чего читательский интерес к проблеме обостряется [25].

Образность в контексте проблемы передачи знания и современных стратегий популяризации науки

В условиях современной популяризации науки проблема передачи знания обретает новое звучание. Исследовательское внимание фокусируется на вопросах научной публичной коммуникации и поиске коммуникативных стратегий, позволяющих сделать узкоспециализированное научное знание доступным обществу.

Как отмечают Х. Кальсамилья и Т. Ван Дейк, популяризация науки — довольно сложный коммуникативный процесс, поскольку не только включает

в себя множество участников (СМИ, Интернет, выставки и т.п.), но и, подразумеваемая их тесное концептуальное взаимодействие, характеризуется «реконструкцией научного знания и дискурса»: наука, будучи произведенной в специализированных контекстах, вынуждена «адаптироваться к различным ограничениям СМИ» [31. Р. 371]. При этом данная «реконтекстуализация научного дискурса» [32—34] заключается в том, что «неспециалисты создают упрощенные версии научного знания, интегрируя их в свою систему представлений» [31. Р. 370].

О. Пилкингтон подчеркивает, что современная публичная научная коммуникация — это «канал связи не только между профессионалами и непрофессионалами, но и между самими учеными в стенах лаборатории» [35. Р. 7]. Популярная наука стала своеобразным интеллектуальным «форумом», сделавшим возможным ускоренное введение в научный дискурс новых идей: «научно-популярные издания пользуются популярностью в среде профессиональных ученых, поскольку они облегчают распространение результатов исследования, в отличие от профессиональных научных изданий с их этапами рецензирования» [35. Р. 8].

Особенностью научно-популярного дискурса является выраженность риторико-повествовательного элемента, «продвигающего» интерпретированную автором информацию [35]. Речь идет о том, что нарративная стратегия избавляет читателя от оперирования фактами и их аналитики, он имеет дело с уже готовым продуктом научной деятельности. Публичная научная коммуникация и популярная наука признаются сложными лингвистическими конструкциями [35], репрезентующими авторскую точку зрения на исследуемую проблему, включающую в себя идеи, аргументацию, оценки, предположения [33]. Успешность данного «продвижения» зависит от таких коммуникативных практик, которые Ф. Бэкон в свое время назвал «мудростью сообщения» — способности «приспосабливаться к предмету изложения», что подразумевает не только знание предмета, но и определенный подход к его изложению. В настоящее время, когда в философии науки все более распространяется взгляд на «научные утверждения как продукты убеждения» [36. Р. 3], одной из главных проблем, выделяемых исследователями популяризации науки, является проблема установления доверия, «эмоциональной связи» между автором и читателем [35], их «сближения» [32; 33; 37]⁸, поскольку от степени данного доверия во многом зависит убедительность и успешность аргументации. По сути, нарративная стратегия в публичной научной коммуникации представляет собой модель «менеджмента знаний» [31; 33] — того, какие идеи подвергаются популяризации и каким образом исследователь выстраивает разговор с читателем, чтобы представить эти идеи в максимально привлекательном и «удовлетворяющим ожидания читателей» свете [33. Р. 117].

⁸ Данная проблема рассматривается исследователями преимущественно в контексте риторико-стилистического анализа научных блогов и научно-популярных статей и их влияния на развитие научного дискурса.

Образность закономерно оказывается одним из механизмов данного «менеджмента знаний». Она позволяет:

— реконтекстуализировать научный дискурс с учетом ограничений, накладываемых информационным потоком. Кальсамилья и Ван Дейк, проанализировав более двухсот научно-популярных статей, посвященных секвенированию человеческого генома, отмечают, что главной популязаторской стратегией в научном дискурсе при описании узкоспециализированного знания является метафорическая концептуализация. Например, геном представляется как «книга жизни» или «код жизни», если речь идет об объяснении нуклеотидной последовательности, а ее секвенирование — как «дешифровка» [31. Р. 377]. Использование образности позволяет передавать новые для неспециалистов знания в «адаптированной» для их мышления форме — знакомых образах и понятиях, а также простейших научных представлениях [31; 38], что активно используется в преподавании [39; 40];

— моделировать процесс передачи знания, усложняя или облегчая подход к проблеме в зависимости от научной подготовленности читательской аудитории [33; 35; 40], а также выражать личное мнение и оценку, что способствует научной идентификации [33] как аспекту «близости» автора и читателя;

— устанавливать эмоциональный контакт с читателем. Использование образности позволяет «генерировать» представление об объекте и формировать определенный коннотативный фон. Одними из самых распространенных приемов являются юмор и драматизация [32; 33; 35; 38]: научная проблематика раскрывается через метафоризацию, олицетворение⁹, неожиданные образы и сравнения, что сближает научно-популярный дискурс с художественным. Нарративные стратегии в публичной науке сосредоточены не столько на фактах, сколько на людях в их глубоко субъективном измерении [35] — ученых, обладающих личными суждениями, вовлеченных в дискуссии, стремящихся сделать открытие и часто терпящих неудачу.

Г. Лоу и Дж. Литтлмор, анализируя функциональность метафоры в преподавательской деятельности (которую можно понимать в качестве одной из реализаций научно-популярного дискурса), отмечают, что ее использование, во-первых, позволяет структурировать учебный материал, устанавливая межконтекстуальные связи, во-вторых, циклично организуя смысл или, наоборот, словно разрывая нить рассуждения, реализует коммуникативную стратегию говорящего [41]; в-третьих, представляет собой механизм неоднозначности, позволяющий «быть намеренно неопределенным» по отношению к передаваемому знанию, дистанцироваться от предмета обсуждений или завуалированно выразить свое отношение к нему [40]. Данная неопределенность в свою очередь заметно осложняет восприятие учебного материала иностранными студентами, поскольку система концептуальных метафор, характеризующая их родной язык, отличается от системы того языка, на котором

⁹ См., например, заголовок статьи по вирусологии «I'm Too Sexy for Your... Virus? Or, Immunity as it Relates to Peacocks» [32].

ведутся занятия. В контексте разработки подходов к решению данной проблемы, в числе которых следует отметить ведение специальных метафорических словарей, Литтлмор предлагает в качестве введения к каждой учебной дисциплине рассматривать лежащие в ее основе ключевые концептуальные метафоры (например, в психологии человеческий мозг сравнивается с компьютером) [40]. Также студентам предлагается рассматривать причины и последствия подобной научной концептуализации, что представляется особенно важным при развитии критического мышления.

Заключение

Анализ показал, что образность — важный языковой механизм, вне которого оказывается невозможной научная рефлексия. Оформляя когнитивные практики познающего субъекта, он способствует складыванию научной концепции и ее вхождению в научный дискурс. Образность позволяет нарушать «наиболее постоянный ритм умственных отправлений» (П. Валери), благодаря чему «разговор» между субъектом и истиной оказывается практически незавершаемым. Механизм возникновения образности свидетельствует о замыкании границ «языкового обыкновения», что в практике мышления означает открытие новых ракурсов в научной картине мира. Исследования образности в научном дискурсе подрывают взгляд на науку как «эмоционально выхолощенный» «субстрат» объективной и прозрачной истины, демонстрируя неоднозначность когнитивных и коммуникативных механизмов в познании, и тем самым позволяют по-новому взглянуть на проблему диалога общества и науки.

Список литературы

- [1] *Nietzsche F.* Darstellung der antiken Rhetorik. Vorlesungsaufzeichnungen // Bornmann F., Carpitella M., bearbeiter. Nietzsche Werke. Kritische Gesamtausgabe. Berlin, New York : Walter de Gruyter, 1995.
- [2] *Nietzsche F.* Über Wahrheit und Lüge im außermoralischen Sinne. Режим доступа: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/-3243/1> (дата обращения: 09.06.2022).
- [3] *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ., под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004.
- [4] *Grady J., Oakley T., Coulson S.* Blending and Metaphor. *Metaphor in Cognitive Linguistics* // Selected Papers from the 5th International Cognitive Linguistics Conference. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1997.
- [5] *Krippendorff K.* Major metaphors of communication and some constructivist reflections on their use // *Cybernetics & Human Knowing*. 1993. Vol. 2. N 1. P. 3—25.
- [6] *Hesse M.B.* Models and Analogies in Science. Paris : Press Notre Dame, 1966.
- [7] *Arbib M.A., Hesse M.B.* The Construction of Reality. Cambridge : Cambridge University Press, 1986.
- [8] *Рукёр П.* Живая метафора. Седьмой очерк: метафора и референция / пер. с фр. Ф. Станжевского; под ред. Г. Вдовиной // *Horizon. Феноменологические исследования*. 2015. Т. 4. № 1. С. 175—219.
- [9] *Riejos A., Protasenia Y.* Figurative language in academic and professional engineering // VI Congresso Internacional da AELFE. Lisbon, 2007. P. 498—506.

- [10] *Richardt S.* Metaphor in languages for special purposes: The function of conceptual metaphor in written expert language and expert-lay communication in the domains of economics, medicine and computing. Berlin : Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2005.
- [11] *De Man P.* The Epistemology of Metaphor. *Critical Inquiry*. Special Issue on Metaphor. 1978. Vol. 5. N 1. P. 13—30. <https://doi.org/10.1086/447970>
- [12] *De Man P.* Allegories of reading. New Haven and London : Yale University Press, 1979.
- [13] *Lakoff G., Núñez R.* Where Mathematics Comes From: How the Embodied Mind Brings Mathematics into Being. New York : Basic Books, 2000.
- [14] *Mach E.* Die Vergleichung als wissenschaftliches Prinzip // *Prinzipien der Wärmelehre*. Hamburg : Xenomoi Verlag, 2010. S. 396—405.
- [15] *Strub C.* Eine These zur Geschichte der Ähnlichkeit // *Hermeneutik des Vergleichs*. Strukturen, Anwendungen und Grenzen komparativer Verfahren. Würzburg : Königshausen und Neumann, 2011. S. 243—267.
- [16] *Von Sass H.* Vergleiche(n). Ein hermeneutischer Rund- und Sinkflug // *Hermeneutik des Vergleichs*. Strukturen, Anwendungen und Grenzen komparativer Verfahren. Würzburg : Königshausen und Neumann, 2011. S. 25—47.
- [17] *Gutmann M., Rathgeber B.* Vergleichen und Vergleich in den Wissenschaften. Exemplarische Rekonstruktionen zu einer grundlegenden Handlungsform // *Hermeneutik des Vergleichs*. Strukturen, Anwendungen und Grenzen komparativer Verfahren. Würzburg : Königshausen und Neumann, 2011. S. 49—75.
- [18] *Рукёр П.* Живая метафора. Восьмой очерк: метафора и философский дискурс / пер. с фр. Ф. Станжевского; под ред. Г. Вдовиной // *Horizon*. Феноменологические исследования. 2013. Т. 2. № 2. С. 106—150.
- [19] *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций / пер. с итал. А.А. Губера. М., Киев : «REFL-book», «ИСА», 1994.
- [20] *Шлегель Ф.* Философия языка и слова // *Эстетика*. Философия. Критика: в 2 т. Т. 2. М. : Искусство, 1983.
- [21] *Деррида Ж.* Поля философии / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М. : Академический проект, 2012.
- [22] *Неретина С.С.* Тропы и концепты. Режим доступа: http://polittheory.narod.ru/Neretina/Tropes_and_concepts/3.htm (дата обращения: 09.06.2022).
- [23] *Ivanič R.* Writing and identity: The discursal construction of identity in academic writing. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1998.
- [24] *Hyland K.* Authority and invisibility: Authorial identity in academic writing // *Journal of Pragmatics*. 2002. Vol. 34. N 8. P. 1091—1112.
- [25] *Bertran G.W.* Rhetorik und Argumentation in der Philosophie // *Handbücher Rhetorik*. Handbuch Rhetorik und Philosophie. Vol. 9. Berlin, Munich, Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2017. S. 451—471.
- [26] *Wallhead C.* Metaphors for the self in A.S. Byatt's «The Biographer's Tale» // *Language and Literature*. 2003. Vol. 12. N 4. P. 291—308. <https://doi.org/10.1177/09639470030124001>
- [27] *Lakoff G.* Steps Toward a Neurocognitive Self: Conceptual Systems Research in the Twentyfirst Century and its Role in Rethinking What a Person Is // *AEDEAN Select Papers in Language, Literature and Culture: Proceedings of the 17th International Conference*. Vigo : University of Vigo Press, 2000. P. 47—57.
- [28] *Козлова Н.Ю.* Метафора и само-конституирование Я: языковой аспект // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2016. Vol. 3. N 37. С. 101—108.

- [29] *Ervas F., Sangoi M.* The Role of Metaphor in Argumentation // *Metaphor and Argumentation. Isonomia, Online Journal of Philosophy — Epistemologica.* 2014. Vol. 5. P. 7—23
- [30] *Hyland K.* Hedging in Scientific Research Articles. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1998.
- [31] *Calsamiglia H., Van Dijk T.A.* Popularization discourse and knowledge about the genome // SAGE Publications. 2004. Vol. 15. N 4. P. 369—389. <https://doi.org/10.1177/0957926504043705>
- [32] *Luzon M.* Public Communication of Science in Blogs: Recontextualizing Scientific Discourse for a Diversified Audience // *Written Communication.* 2013. Vol. 30. N 4. P. 428—457. <https://doi.org/10.1177/0741088313493610>
- [33] *Hyland K.* Constructing proximity: Relating to readers in popular and professional science // *English for Academic Purposes.* 2010. Vol. 9. N 2. P. 116—127.
- [34] *Fu X., Hyland K.* Interaction in two journalistic genres: a study of interactional metadiscourse // *English Text Construction.* 2014. Vol. 7. N 1. P. 122—144.
- [35] *Pilkington O.* The language of Popular Science: Analyzing the Communication of Advanced Ideas to Lay Readers. Jefferson : McFarland & Company, 2018.
- [36] *Gross A.* Starring the text. The place of Rhetoric in science studies. Carbondale, Illinois : Southern Illinois University Press, 2006.
- [37] *Blanchard A.* Science blogs in research and popularization of science: Why, how and for whom? // *Common Knowledge: The Challenge of Transdisciplinarity.* Lausanne : EPFL Press, 2011. P. 219—232.
- [38] *Giannoni D.* Popularizing features in English journal editorials // *English for Specific Purposes.* 2008. Vol. 27. N 2. P. 212—232. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2006.12.001>
- [39] *Beger A.* Der Einsatz gezielter Metaphern in Lehrveranstaltungen im Hochschulbereich: ein Mittel zur Wissensvermittlung im Fach Psychologie // *Korpuslinguistische Untersuchungen: Analysen einzelsprachlicher Phänomene.* Berlin : Frank & Timme Verlag, 2013. S. 33—47.
- [40] *Littlemore J.* The use of metaphor in university lectures and the problems that it causes for overseas students // *Teaching in Higher Education.* 2010. Vol. 6. N 3. P. 333—349. <https://doi.org/10.1080/13562510120061205>
- [41] *Low G., Littlemore J., Koester A.* Metaphor use in three UK university lectures // *Applied Linguistics.* 2008. Vol. 29. N 3. P. 428—455. <https://doi.org/10.1093/applin/amn008>

References

- [1] Nietzsche F. Darstellung der antiken Rhetorik. Vorlesungsaufzeichnungen. In: Bornmann F, Carpitella M, bearbeiter. *Nietzsche Werke. Kritische Gesamtausgabe.* Berlin, New York: Walter de Gruyter; 1995.
- [2] Nietzsche F. *Über Wahrheit und Lüge im außermoralischen Sinne.* Available from: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/-3243/1> (accessed on 09.06.2022).
- [3] Lakoff G, Johnson M. *Metaphors We Live by.* Moscow: Editorial URSS Publ.; 2004. (In Russian).
- [4] Grady J, Oakley T, Coulson S. *Blending and Metaphor. Metaphor in Cognitive Linguistics.* Selected Papers from the 5th International Cognitive Linguistics Conference. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 1997.
- [5] Krippendorff K. Major metaphors of communication and some constructivist reflections on their use. *Cybernetics & Human Knowing.* 1993;2(1):3—25.
- [6] Hesse MB. *Models and Analogies in Science.* Paris: Press Notre Dame; 1966.
- [7] Arbib MA, Hesse MB. *The Construction of Reality.* Cambridge: Cambridge University Press; 1986.

- [8] Ricœur P. The Rule of metaphor. Study 8. Metaphor and reference. *Horizon. Studies in Phenomenology*. 2015;4(1):175—219.
- [9] Riejos A, Protasenia Y. Figurative language in academic and professional engineering. *VI Congresso Internacional da AELFE*. Lisbon; 2007. P. 498—506.
- [10] Richardt S. *Metaphor in languages for special purposes: The function of conceptual metaphor in written expert language and expert-lay communication in the domains of economics, medicine and computing*. Berlin: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften; 2005.
- [11] De Man P. The Epistemology of Metaphor. *Critical Inquiry. Special Issue on Metaphor*. 1978;5(1):13—30. <https://doi.org/10.1086/447970>
- [12] De Man P. *Allegories of reading*. New Haven and London: Yale University Press; 1979.
- [13] Lakoff G, Núñez R. *Where Mathematics Comes From: How the Embodied Mind Brings Mathematics into Being*. New York: Basic Books; 2000.
- [14] Mach E. *Die Vergleichung als wissenschaftliches Prinzip*. In: *Prinzipien der Wärmelehre*. Hamburg: Xenomoi Verlag; 2010. S. 396—405.
- [15] Strub C. *Eine These zur Geschichte der Ähnlichkeit*. In: *Hermeneutik des Vergleichs. Strukturen, Anwendungen und Grenzen komparativer Verfahren*. Würzburg: Königshausen und Neumann; 2011. S. 243—267.
- [16] Von Sass H. *Vergleiche(n). Ein hermeneutischer Rund- und Sinkflug*. In: *Hermeneutik des Vergleichs. Strukturen, Anwendungen und Grenzen komparativer Verfahren*. Würzburg: Königshausen und Neumann; 2011. S. 25—47.
- [17] Gutmann M, Rathgeber B. *Vergleichen und Vergleich in den Wissenschaften. Exemplarische Rekonstruktionen zu einer grundlegenden Handlungsform*. In: *Hermeneutik des Vergleichs. Strukturen, Anwendungen und Grenzen komparativer Verfahren*. Würzburg: Königshausen und Neumann; 2011. S. 49—75.
- [18] Ricœur P. The Rule of metaphor. Study 8. metaphor and philosophical Discourse. *Horizon. Studies in Phenomenology*. 2013;2(2):106—150. (In Russian).
- [19] Vico G. *Principles of a new science of the common nature of nations*. Guber AA, transl. Moscow, Kiev: «REFL-book», «ISA» Publ.; 1994. (In Russian).
- [20] Schlegel F. *Philosophy of language and words*. In: *Aesthetics. Philosophy. Criticism*. Vol. 2. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1983. (In Russian).
- [21] Derrida J. *Fields of Philosophy*. Kralechkina DYu, transl. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ.; 2012. (In Russian).
- [22] Neretina SS. *Tropes and concepts*. Available from: http://polittheory.narod.ru/Neretina/Tropes_and_concepts/3.htm (accessed on 09.06.2022). (In Russian).
- [23] Ivanič R. *Writing and identity: The discursive construction of identity in academic writing*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 1998.
- [24] Hyland K. Authority and invisibility: Authorial identity in academic writing. *Journal of Pragmatics*. 2002;34(8):1091—1112.
- [25] Bertran GW. *Rhetorik und Argumentation in der Philosophie*. In: *Handbücher Rhetorik. Handbuch Rhetorik und Philosophie*. Vol. 9. Berlin, Munich, Boston: Walter de Gruyter GmbH; 2017. S. 451—471.
- [26] Wallhead C. Metaphors for the self in A.S. Byatt's «The Biographer's Tale». *Language and Literature*. 2003;12(4):291—308. <https://doi.org/10.1177/09639470030124001>
- [27] Lakoff G. *Steps Toward a Neurocognitive Self: Conceptual Systems Research in the Twentyfirst Century and its Role in Rethinking What a Person Is*. In: *AEDEAN Select Papers in Language, Literature and Culture: Proceedings of the 17th International Conference*. Vigo: University of Vigo Press; 2000. P. 47—57.
- [28] Kozlova NYu. Metaphor and self-constitution of ego: language aspect. *Humanities Research in the Russian Far East*. 2016;3(37):101—108. (In Russian).

- [29] Ervas F, Sangoi M. The Role of Metaphor in Argumentation. *Metaphor and Argumentation. Isonomia, Online Journal of Philosophy — Epistemologica*; 2014;(5):7—23.
- [30] Hyland K. *Hedging in Scientific Research Articles*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 1998.
- [31] Calsamiglia H, Van Dijk TA. Popularization discourse and knowledge about the genome. *SAGE Publications*. 2004;15(4):369—389. <https://doi.org/10.1177/0957926504043705>
- [32] Luzon M. Public Communication of Science in Blogs: Recontextualizing Scientific Discourse for a Diversified Audience. *Written Communication*. 2013;30(4):428—457. <https://doi.org/10.1177/0741088313493610>
- [33] Hyland K. Constructing proximity: Relating to readers in popular and professional science. *English for Academic Purposes*. 2010;9(2):116—127.
- [34] Fu X, Hyland K. Interaction in two journalistic genres: a study of interactional metadiscourse. *English Text Construction*. 2014;7(1):122—144.
- [35] Pilkington O. *The Language of Popular Science: Analyzing the Communication of Advanced Ideas to Lay Readers*. Jefferson: McFarland & Company; 2018.
- [36] Gross A. *Starring the text. The place of Rhetoric in science studies*. Carbondale, Illinois: Southern Illinois University Press; 2006.
- [37] Blanchard A. *Science blogs in research and popularization of science: Why, how and for whom?* In: *Common Knowledge: The Challenge of Transdisciplinarity*. Lausanne: EPFL Press; 2011. P. 219—232.
- [38] Giannoni D. Popularizing features in English journal editorials. *English for Specific Purposes*. 2008;27(2):212—232. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2006.12.001>
- [39] Beger A. *Der Einsatz gezielter Metaphern in Lehrveranstaltungen im Hochschulbereich: ein Mittel zur Wissensvermittlung im Fach Psychologie*. In: *Korpuslinguistische Untersuchungen: Analysen einzelsprachlicher Phänomene*. Berlin: Frank & Timme Verlag; 2013. S. 33—47.
- [40] Littlemore J. The use of metaphor in university lectures and the problems that it causes for overseas students. *Teaching in Higher Education*. 2010;6(3):333—349. <https://doi.org/10.1080/13562510120061205>
- [41] Low G, Littlemore J, Koester A. Metaphor use in three UK university lectures. *Applied Linguistics*. 2008;29(3):428—455. <https://doi.org/10.1093/applin/amn008>

Сведения об авторе:

Козлова Наталья Юрьевна — кандидат философских наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия (e-mail: nyu.kozlova@mpgu.su). ORCID: 0000-0001-6418-6682

About the author:

Kozlova Natalya Yu. — PhD in Philosophy, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia (e-mail: nyu.kozlova@mpgu.su). ORCID: 0000-0001-6418-6682

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-153-162>

EDN: QVENEK

Research Article / Научная статья

National Self-determination: Features of the Evolution and Functioning of the Phenomenon

I.B. Sanakoev¹, L.T. Kulumbegova¹, M.L. Ivleva²✉

¹A.A. Tibilov South Ossetian State University,

8, V.V. Putin str., Tskhinval, 500200, Republic of South Ossetia

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),

6, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

✉ivleva_ml@pfur.ru

Abstract. The article analyzes the phenomenon of national self-determination in terms of evolution and functioning. The authors aim to determine the general characteristics and evolution of this phenomenon in both conceptual and applied versions. In the evolution's context of national self-determination as a theoretical concept and a political and legal principle, several stages were identified and considered. According to the authors, each stage of the phenomenon's evolution was inevitably accompanied by its qualitative transformations, both in political and legal terms. The first stage (from the end of the XVIII c. till the First World War), according to the authors, is characterized by the emergence of the idea and the formation of the socio-political concept of national self-determination, and the applied aspect of the phenomenon of national self-determination is filled with concrete content based on the ever-expanding political practice of its application. The second stage (from the First World War and the post-war reconstruction) is characterized by the transformation of self-determination from a concept into a political principle. The authors associate the third stage of the evolution of the phenomenon of national self-determination (the period after the Second World War) with the development of international relations and the formation of a global bipolar system. National self-determination turned into a principle of positive international law and laid the foundations for the future political instability of the newly independent states. Finally, the last period (the early 90s to this day) is characterized by the search and crystallization of new approaches to the principle of national self-determination and the emergence of new theories, the authors of which are trying from a political and legal point of view to substantiate the legitimacy of an expansive interpretation of this principle. The analysis allowed us to conclude that the qualitative transformations of the principle of national self-determination presented in the article did not lead to the formation of the phenomenon of national self-determination as an integral, complete, and universally recognized international political and legal norm.

Keywords: national self-determination, nation, socio-political concept, political principle, legal norm, ethnic communities and groups, internal self-determination, external self-determination, secession

© Sanakoev I.B., Kulumbegova L.T., Ivleva M.L., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Funding and Acknowledgement of Sources. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project N 21-511-07002 МОИ РЮО_a Ethnosocial identity at the intersection of cultures in the changing social reality in the post-Soviet space.

Article history:

The article was submitted 29.06.2022

The article was accepted 29.12.2022

For citation: Sanakoev IB, Kulumbegova LT, Ivleva ML. National Self-determination: Features of the Evolution and Functioning of the Phenomenon. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):153—162. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-153-162>

The study of national self-determination necessitates the identification of the features of the phenomenon in terms of its general characteristics and evolution, both conceptually and in its applied version. In the evolution's context of national self-determination as a theoretical concept and legal political principle, several stages can be distinguished and considered.

The first stage can be conventionally referred to as the period of the late 18th century and up to the start of World War I. This stage is characterized by the emergence of the idea and the formation of the socio-political concept of *national self-determination*. This concept becomes, in fact, the ideological and political basis for the formation of nation-states and a certain chance for peoples living in one territory to merge into a nation-state. In this context, the formation of new approaches also occurs, since “then for the first time in the system of the principle under consideration such concepts as “nation”, “language”, “culture” on the one hand, and “statehood” on the other were linked” [1]. The formation of this concept objectively led to a significant actualization of minority nationalism, expressed in practice in the growth of their aspirations for internal self-determination. It is noteworthy that demands for secession were not widespread, and requests for internal autonomy in one form or another were the most popular.

From a practical standpoint, this period was described by the fact that the phenomenon of national self-determination was given specific content based on the increasing political practice of its application when demands for self-determination were voiced by the Poles, Italians, Hungarians, and Germans. The post-revolutionary period of 1848 was characterized by the formation of two new states: Germany and Italy.

The 1878 Congress of Berlin was the first to articulate the idea of national self-determination as applied to the question of the creation of Bulgaria, Romania, and Serbia. The Congress proclaimed the independence of Serbia and Montenegro, and Bulgaria was granted the status of a self-governing principality within the Ottoman Empire. Eastern Romania was also granted autonomous status within the Ottoman Empire. Congress also raised the issue of national and religious minorities. For instance, Armenian autonomy in the Ottoman Empire was discussed. The Treaty of

Berlin, adopted at the end of the Congress, formulated the need for reforms in the Armenian provinces.

The second stage in the evolution of the phenomenon of national self-determination dates to World War I and the ensuing post-war reorganization of the world. At that time, the belligerent countries tried to support the demands for self-determination of the peoples living on the territory of their enemies.

The most vital trait of national self-determination of that period was the fact that it turned from a socio-political concept into a political principle, which acted as “a driving force for the disorganization of European empires, as well as the idea of state independence” [2]. It was this principle that was the basis for justifying the collapse of Austria-Hungary and the Ottoman Empire. The Triple Entente subsequently allowed some European nations to create their states.

The application of this principle also gave a practical opportunity to establish territorial autonomies within states and empires. It can be argued that national self-determination never became a positive norm of international law during the period under consideration and remained exclusively a political principle, which was used by the countries that won the war, as an instrument of the post-war world order.

National self-determination as a political principle found its expression in two of the most significant applied approaches of the time: Woodrow Wilson’s doctrine and Vladimir Lenin’s concept. Wilson’s doctrine, called *The Fourteen Points*, was submitted to the U.S. Congress in 1918 as a project of the post-war settlement. According to the doctrine, the people as the main source of legitimacy of power have the full right to self-determination. The fifth point stated that any redistribution of borders and the adjustment of all colonial claims because of war could only be settled with the consent of the population living in the territory and solely for their interest, and not as a result of the agreement of the belligerent countries.

Wilson’s program defined as its main backbone the principle of self-determination of peoples in the establishment of new borders in Europe, stating that “any adjustment of all colonial claims must be based on the interests of the populations living in the territory” [3]. Noteworthy, Wilson’s program also contains a reference to the principle of territorial integrity of the state (point 14). The wording of this principle inevitably led to a certain limitation of national self-determination.

The American president formulated the idea of self-determination in domestic terms, justifying it by the right of peoples to choose the most appropriate government. Wilson’s doctrine also contains the principle of external self-determination, allowing nations to form their form of sovereignty.

The right of nations to self-determination was ardently discussed at the Paris Peace Conference of 1919—1920. Wilson’s *Fourteen Points* turned into the main approach to the drafting of the Treaty of Versailles, marking a certain stage in the further evolution of the phenomenon of national self-determination. The American president’s program largely contributed to the restoration of state independence of Poland, Latvia, Lithuania, Estonia, and Finland. The principle of self-determination also formed the basis for the independence of Georgia, Azerbaijan, and Armenia.

In general, the concept of self-determination of nations, proposed by Woodrow Wilson, was liberal-democratic.

The Bolshevik, or Leninist, doctrine of self-determination contributed significantly to the development of the principle of national self-determination, going much further than Wilson's *Fourteen Points*. The Leninist doctrine recognized the necessity and legitimacy of external self-determination for small nations and peoples because it interpreted the right to self-determination as "the right to independence in the political sense, to free political separation from the oppressing nation" [4]. In this context, the right to self-determination was interpreted as the right to secession, including the formation of a nation-state. The Lenin-Bolshevik program of self-determination was outlined in Lenin's 1913 *Critical Remarks on the National Question*, 1913 *On Cultural and National Autonomy*, 1914 *The Right of Nations to Self-Determination*, 1916 *The Socialist Revolution and the Right of Nations to Self-Determination (Theses)*, 1916 *The Discussion On Self-Determination Summed Up*, and others. This issue was also included in the party program of the Russian Social Democratic Labour Party in 1903.

Compared to Wilson's moderate-liberal doctrine, Lenin's concept of self-determination was quite radical for its time, since it granted all peoples and nations the right to self-determination, including the possibility of forming their state. The reasons for such a radical approach of Lenin and the Bolsheviks to the issue of national self-determination lay mainly in the internal political struggle with Russian autocracy. The realities of this struggle meant enlisting political allies in the struggle against tsarism, and then against the White movement, which adhered to the slogan of "one and indivisible Russia." As E.S. Smolova aptly noted, "in an effort to win over the peoples of the Russian Empire, Lenin, and other Bolsheviks promised to implement the right to self-determination" [3].

Initially, the Bolsheviks tried to build their domestic and foreign policies in full accordance with their basic program developments. The first steps of the Bolshevik government in Russia legislated the principle of self-determination of peoples in their decrees. On November 2, 1917, the government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic adopted the *Declaration of the Rights of the Peoples of Russia*, which enshrined such principles of national policy as "1. The equality and sovereignty of the peoples of Russia. 2. The right of the peoples of Russia to free self-determination, even to the point of separation and the formation of an independent state. 3. The abolition of any and all national and national-religious privileges and disabilities. 4. The free development of national minorities and ethnographic groups inhabiting the territory of Russia"¹. According to the Bolshevik approach to the national question, the USSR was created, where the issue was resolved by the territorial principle, according to which almost all national

¹ Declaration of the Rights of the Peoples of Russia. November 2 (15), 1917. Available from: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/peoples.htm> (accessed: 13.01.2018).

minorities of the former Russian Empire were endowed with national-territorial formations—autonomies.

In the sphere of foreign policy, the Bolsheviks recognized the independence of Finland, and Poland, the self-determination of Ukraine, Belarus, Estonia, Latvia, Lithuania, and the separation of Transcaucasia. On January 11, 1918, the Bolshevik government adopted the *Decree on Turkish Armenia*, which declared support for the right of Armenians to free self-determination up to full independence.

However, already after his rise to power and the formation of the USSR, Vladimir Lenin and the Bolsheviks commenced reconsidering their approaches in favor of the practical expediency of separation from the state. Now, in their opinion, the right to secession should already be considered “from the standpoint of the interests of all social development and the interests of the class struggle of the proletariat for socialism” [5].

The Bolshevik-Leninist doctrine of self-determination had a great international resonance. The practical steps taken by the Bolsheviks to put it into practice in Russia could not help but impact the rest of the world, which was forced to recognize it after the October Revolution.

Despite the significant actualization of the problem of self-determination in the conditions of post-war settlement after World War I, the principle of self-determination in none of the developed and proposed versions — neither the Wilsonian moderate-liberal nor the Bolshevik radical one — was included in the 1919 *Covenant of the League of Nations* and never became a legal norm. As A.A. Merezhko notes, “Both concepts of self-determination of nations, the radical Leninist and liberal Wilsonian ones, so efficiently neutralized each other that the 1919 *Covenant of the League of Nations* does not even mention the principle of self-determination” [6]. Overall, the doctrine of self-determination as a political rather than a legal principle had a significant impact for its time on the Interbellum international order.

National self-determination developed further (the third stage) after World War II in the context of the formation of a bipolar system of international relations.

The greatest influence on the further evolution of national self-determination in this period was the creation of the United Nations Organization. By the level of representation and the scale of its influence on world politics, the UN became quite a powerful instrument of influence on the entire world system of international relations. In addition, the emergence of the UN and all its subsequent activities led to the creation of a functioning international legal system.

This process was given particular relevance as international legal documents were being actively developed. The main qualitative changes in the evolution of national self-determination at this stage were related to the active law-making activities of the UN.

The most important in this respect was the inclusion of an increasingly important provision on national self-determination in the Charter of the United Nations, where it was devised as “the principle of equal rights and self-

determination of peoples.” It marked a new qualitative shift in global political and legal practice, when “self-determination turned from a vague political slogan into a legal principle” [7. P. 67].

The decision to include the principle of equal rights and self-determination in the UN Charter was not an uncomplicated one — at the initial stage of discussion, it was not supported by many states. Opponents focused their arguments on the claim that the principle of self-determination can be actively played by national minorities in the states where they live, which inevitably leads to the destabilization of the internal political situation. The representatives of multi-ethnic Belgium were the most active in insisting on this interpretation. According to the Egyptian delegation, the principle of self-determination could also justify armed interventions and seizures of foreign territories.

Despite objections, a comprehensive discussion in the preliminary commission resulted in a joint approach, declaring that the principles of equal rights of peoples and their self-determination are inextricably linked and must be enshrined in a single legal norm. It also pointed to the crucial role of this norm in the development of the entire system of international relations worldwide, and, above all, in the maintenance of peace and security. As a result, the principle of self-determination was included in the UN Charter.

The second major step toward the establishment of national self-determination as a working norm of international law was the *Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples*, adopted by the UN General Assembly in 1960. The Declaration contained the essential thesis that colonialism as a political phenomenon impedes the development of international processes in virtually all spheres. It also hinders the development of the economic, social, and cultural life of colonial peoples dependent on metropolises. Colonialism, by its very existence, contradicts all the ideals and purposes for which the United Nations was founded. Several other resolutions adopted by the UN General Assembly have contained articles describing colonialism as a crime against humanity and a direct threat to universal peace and security.

The 1960 Declaration granted the oppressed peoples of the colonies the right to self-determination. According to Declaration’s Article 2, the peoples of the colonies could decide their political destiny and pursue their own economic, social, and cultural development. By decisions of the UN General Assembly, the Special Committee on Decolonization was established to supervise the implementation of the Declaration.

The legal significance of the Declaration was that it transformed the “principle of self-determination” in the UN Charter into the “right to self-determination.” Undoubtedly, this was an invaluable contribution to the further development and improvement of international law, as it launched the process of decolonization, during which over 80 colonial peoples gained independence. Because of this process, it can be recognized that “the right to self-determination has become a working norm of international law” [5].

However, it should be borne in mind that the right to self-determination declared by the UN applied only to the peoples of the colonies. National minorities, ethnic, religious, and other groups were not granted such rights, and their political demands remained exclusively in the sphere of domestic politics of states. The legal uncertainty of minority statuses and the ignoring of their demands and rights inevitably contributed to the destabilization of the internal political situation in the newly formed states, when “these states began to be shaken by internal inter-ethnic conflicts” [8].

The further evolution of national self-determination (the fourth stage) occurred during the most complex military-political and socio-cultural transformations in the international arena. The collapse of the bipolar world, the transformation of the USA into the leader of world politics, the actualization of nationalism in regional politics, the phenomenon of “ethnic renaissance” that put issues of self-determination on the agenda, the collapse of several socialist countries (the USSR, Yugoslavia, Czechoslovakia) and the appearance of new states throughout their space had the most powerful influence on the theory and practice of national self-determination. Under the conditions of these complex conflicts, attempts have been made to extend the right to self-determination to a broader range of subjects and to prove that “absolutely all peoples have the right to their own state” [8].

In a similar context, we can speak of attempts to add certain ethnocultural content to the right of self-determination, meaning to allow ethnic groups to form their territorial autonomies, both internal and external (the right to form their states). The focus is thus on national minorities within states that already have territorial autonomies within, or that do not have any autonomies at all. In these circumstances, the problem of defining the criteria according to which the right to self-determination could be recognized for ethnic minorities inevitably comes to the fore. In this aspect, there are considerable difficulties, prompting the researchers to admit that “if with decolonization, the criteria were sufficiently clear, and no special mechanisms of revealing the will of the ‘self-determined’ peoples had to be put forward, then in modern conditions this is one of the main issues” [9].

To justify new approaches to the right of nations to self-determination in this period, new theories were designed which attempted to justify, from a political-legal point of view, the legitimacy of an expansive interpretation of this principle. Among such theories, the *theory of remedial (rightful) secession* is widely spread. From the theory’s point of view, ethno-national minorities can be recognized as having the right to secession where they are confronted with facts of genocide, widespread warfare bordering on war crimes, and assimilationist policies exercised by the state aimed at the forced destruction of their group identity. Such an approach was applied in practice to the recognition of Kosovo when the International Court of Justice in 2010 effectively declared the Kosovo secession lawful.

However, it must be recognized that attempts to extend the right to self-determination to ethnic minorities within states remain controversial. On the one hand, the circle of subjects of the right to self-determination has not yet been

defined; on the other, the criteria by which a particular ethno-national community can be identified as a subject of self-determination have also not been defined. In addition, the political-legal criteria to recognize newly formed states remain unclear.

Conclusion

Thus, we can affirm that the emergence of the phenomenon of national self-determination and its subsequent evolution in international political and legal practice was accompanied by its significant qualitative transformations at different stages. At the same time, these processes have not yet ultimately led to the formation of the phenomenon of national self-determination as a coherent, complete, and generally accepted international political and legal norm, capable of covering and regulating a fairly wide range of problems in the sphere of self-determination of various entities, whether they are the population of territories or ethnic minorities and groups.

References

- [1] Tsutsiev AA. Territories of problematic sovereignty. *Scientific notebooks of the Institute of Eastern Europe*. 2006;(1):28—52. Available from: <http://www.academia.edu/24013827/28-52> (accessed: 12.02.2018). (In Russian).
- [2] Tashiyev AA. *Ethnocratic aspects of the realization of the right of nations to self-determination in modern Russia*. [dissertation]. Rostov-on-Don; 2004. Available from: <http://www.disserscat.com/content/etnokraticheskie-aspekty-realizatsii-prava-natsii-na-samoopredelenie-v-sovremennoi-rossii> (accessed: 06.11.2017). (In Russian).
- [3] Smolovaya ES. The right of peoples to self-determination. *Young scientist*. 2015;(7):598—605. Available from: <https://moluch.ru/archive/87/16796/> (accessed: 07.11.2017). (In Russian).
- [4] Mutagirov JZ. Lenin's concept of the right of peoples to self-determination and world development in the twentieth century. Proceedings of the Vtoraja ezhegodnaja Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija "Lenin VI. v sovremennom mire"; 2008 apr 22; Razliv. Available from: <http://leninism.su/lenin-now/4185-lenin-v-sovremennom-mire-2008.html?showall=&start=12> (accessed: 07.11.2017). (In Russian).
- [5] Aleksanyan SR. *The principle of equality and self-determination of peoples in modern international law*. [dissertation]. Moscow; 2017. Available from: https://mgimo.ru/upload/diss/2017/Aleksanyan_diss.pdf (accessed: 18.12.2017). (In Russian).
- [6] Merezhko AA. Who has the right to self-determination in Crimea? Available from: <http://www.forumdaily.com/kto-imeet-pravo-na-samoopredelenie-v-krymu/> (accessed: 07.11.2017). (In Russian).
- [7] Zohrabyan RP. The principle of equality and self-determination of peoples: the evolution of the content in the system of principles of international law. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11: Pravo*. 2009;(2):61—73. (In Russian).
- [8] Timoshev RM. The right of nations to self-determination and modern interethnic conflicts. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-natsiy-na-samoopredelenie-i-sovremennye-mezhnatsionalnye-konflikty> (accessed: 24.08.2017). (In Russian).

- [9] Cheshko SV. The crisis of the doctrine of self-determination. Available from: <http://histrf.ru/biblioteka/book/krizis-doktriny-samoopriedieleniia> (accessed: 07.11.2017). (In Russian).

About the authors:

Sanakoev Inal B. — Candidate of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology, A.A. Tibilov South Ossetian State University, Tskhinval, Republic of South Ossetia (e-mail: inal59@mail.ru). ORCID: 0000-0003-4390-1012

Kulumbegova Lena T. — Senior Lecturer of the Department of Political Science and Sociology, A.A. Tibilov South Ossetian State University, Tskhinval, Republic of South Ossetia (e-mail: linakulumbegova@mail.ru). ORCID: 0000-0001-8096-654X

Ivleva Marina L. — DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: ivleva_ml@pfur.ru). ORCID: 0000-0003-2901-7503

Национальное самоопределение: особенности эволюции и функционирования феномена

И.Б. Санакоев¹ , Л.Т. Кулумбегова¹ , М.Л. Ивлева²

¹Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова,
Республика Южная Осетия, 500200, Цхинвал, ул. В.В. Путина, д. 8

²Российский университет дружбы народов (РУДН),
Российская Федерация, Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 ivleva_ml@pfur.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена национального самоопределения в плане эволюции и функционирования с момента его возникновения до наших дней. Авторы ставят своей целью определить общие характеристики и эволюцию этого феномена как в концептуальном, так и в прикладном варианте. В контексте эволюции национального самоопределения как теоретического концепта и политико-правового принципа было выделено и рассмотрено несколько этапов. По мысли авторов, каждый этап эволюции данного феномена неизбежно сопровождался его качественными трансформациями, как в политическом, так и в правовом плане. Первый этап (период конца XVIII в. и до Первой мировой войны), по мнению авторов, характеризуется зарождением идеи и формированием социально-политического концепта национального самоопределения, а в прикладном аспекте феномен национального самоопределения начинает наполняться конкретным содержанием на базе все расширявшейся политической практики его применения. Для второго этапа (период Первой мировой войны и последовавшее за ней послевоенное переустройство мира) характерно то, что национальное самоопределение из социально-политического концепта превратилось в политический принцип. Третий этап эволюции национального самоопределения (после Второй мировой войны) авторы связывают с развитием международных отношений и формированием биполярной системы мира. Национальное самоопределение превратилось в принцип позитивного международного права, который закладывал основы для будущей политической нестабильности новых независимых государств. Наконец, последний период (начало 90-х гг. до наших дней) характеризуется поиском и кристаллизацией новых подходов к принципу национального самоопределения и появлением новых теорий, авторы

которых пытаются с политико-правовой точки зрения обосновать правомерность расширительного толкования данного принципа. Анализ позволил заключить, что представленные в статье качественные трансформации принципа национального самоопределения так и не привели к формированию феномена национального самоопределения как целостной, завершенной и общепризнанной международно-правовой нормы.

Ключевые слова: национальное самоопределение, нация, социально-политический концепт, политический принцип, правовая норма, этнические общности и группы, внутреннее самоопределение, внешнее самоопределение, сецессия

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант №21-511-07002 МОН РЮО_а «Этносоциальная идентичность на стыке культур в изменяющейся социальной реальности на постсоветском пространстве».

История статьи:

Статья поступила 29.06.2022

Статья принята к публикации 29.12.2022

Для цитирования: *Sanakoev I.B., Kulumbegova L.T., Ivleva M.L.* National Self-determination: Features of the Evolution and Functioning of the Phenomenon // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 153—162. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-153-162>

Сведения об авторах:

Санакоев Инал Борисович — кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и социологии, Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, Цхинвал, Республика Южная Осетия (e-mail: inal59@mail.ru). ORCID: 0000-0003-4390-1012

Кулумбегова Лина Темуриевна — старший преподаватель кафедры политологии и социологии, Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, Цхинвал, Республика Южная Осетия (e-mail: linakulumbegova@mail.ru). ORCID: 0000-0001-8096-654X

Ивлева Марина Левенбертовна — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: ivleva_ml@pfur.ru). ORCID: 0000-0003-2901-7503

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-163-174>

EDN: RILOJC

Research Article / Научная статья

Fundamentalism: a Religious Cognitive Bias? A Philosophical Discourse of Religious Fundamentalism

Eduardus Lemanto✉

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

✉lemanto@yahoo.com

Abstract. Fundamentalism has been widely reckoned as one among many other watchful social phenomena currently. There are two general approaches to it. The first is from those who perceive fundamentalism as a movement of militant piety found almost in any religion, and therefore fundamentalism cannot necessarily be identified with a violent movement. The second is from those who categorize fundamentalism as a political movement with an objective of worldly power, and therefore it is susceptible to turning into a violent movement. In investigating the two views closely, I attempt to put forward a couple of hypothetical inquiries. Is fundamentalism a common phenomenon and common feature found in almost any religion? The answer is yes. Is fundamentalism identical to violent movement? The answer is no. Is fundamentalism then impossibly and utterly unrelated to violent movements? The answer is no. If fundamentalism is unidentical with violent movements but not a few fundamentalists can also turn to be perpetrators of what is called religious violence or violence in the name of religion, then what arguments can be set forth to ensure that fundamentalism cannot be overlooked anymore as one among many other major social problems of our age? This article aims to examine fundamentalism through epistemological and axiological criticism, and to investigate that to a certain range fundamentalism is a form of religious cognitive and behavioral bias, and both as a militant piety and as a political movement fundamentalism should at best be approached from their interplayed relation.

Keywords: fundamentalism, religious-theological fundamentalism, religious-political fundamentalism, religious cognitive bias, religious behavioral bias, extremism, absolutism, literalism, authoritative method, psycho-political approach

Article history:

The article was submitted on 16.06.2022

The article was accepted on 23.12.2022

© Lemanto E., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Lemanto E. Fundamentalism: a Religious Cognitive Bias? A Philosophical Discourse of Religious Fundamentalism. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):163—174. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-163-174>

Introduction

Let me begin the discourse on religious fundamentalism with an intellectual conviction of Bassam Tibi. He asserts that “fundamentalists are far more dangerous as ideologues of power than as extremists who kill, cut throats, and throw bombs” [1]. The aim of quoting Tibi’s words and placing them at the beginning of the article is to postulate my hypothesis that fundamentalism inevitably must be placed as one among many urgent social problems nowadays. The pivotal question that would be necessary to address to Tibi is: “Why are fundamentalists far more dangerous than extremists?” Before analyzing it further, I confidently surmise that it might be redundant to re-describe here the history of fundamentalism, simply because it has become a piece of common knowledge. I let the readers discover for themselves how it initially emerged in the American Christian church in the late 19th — the early 20th century.

I directly go to the four hypothetical questions propounded in the abstract with the following postulate. Fundamentalism is indeed unidentical with violent movements simply because each religion has its *fundamentum* (Latin, *fundamentum*: primary principles or rules) for their faith, and because many fundamentalists also promote peace. However, fundamentalism is also very likely to trigger violent acts in the name of religion. Therefore, the main locus of this study is to investigate and assess the two different standpoints. The former is from those who consider fundamentalism as a movement of militant piety and, therefore, they object to the presumption that fundamentalism is identical to violent movements. The latter is from those who count fundamentalism as a political movement, and hence perceive that fundamentalism likely turns into a violent movement only because it is affected by the political interests in worldly power.

To make it more comprehensible, I call the type of fundamentalism from the view of the former group *religious-theological fundamentalism* (RTF), and from the latter — *religious-political fundamentalism* (RPF). The term “*theological*” for RTF is to identify cognitive facets and their problems in fundamentalism. It is related to how fundamentalists gain religious knowledge, ideas, dogmas, or religious teachings for their religious faith. While the term ‘political’ for RPF is used to identify behavioral issues of the fundamentalists, particularly their political conduct and social behavior. Some scholars mostly consider the two types of fundamentalism disconnected from each other simply to strengthen their views that RTF would only turn into a violent movement if it is infiltrated by the political. Yet, I argue that RTF and RPF are inextricable, and the two types of fundamentalism should at best be viewed from their interplayed relation.

The ambivalence of fundamentalism

Fundamentalism likely turns into a violent movement since the fundamentalists are driven by political interests aimed at seizing worldly power — and in achieving that goal they justify any means, including violent means — and because fundamentalism inherently has religious cognitive and behavioral bias. I am to present a couple of scholarly views relevant to this study expressed by James Barr, Karen Armstrong, Bassam Tibi, Michael Barkun, Hal Markovitz, and also the Indonesian scholar Ahmad Syafii Maarif. They generally affirm that fundamentalism is unidentical with violent movements. But they also call to mind that fundamentalism can turn into a violent movement and that fundamentalists are also susceptible to becoming perpetrators of religious violence. I will not elaborate in detail on each of these takes. But let me concisely outline the primary ideas of some of those scholars to make my point clear enough to show the ambivalence of fundamentalism.

Let us consider James Barr's view on fundamentalism. Barr does not explicitly indicate that fundamentalism is wrong. In *Escaping from Fundamentalism*, he cynically persuades the readers to escape fundamentalism. He states that the “book does not seek to argue with fundamentalists and convince them they are mistaken,” asserting that the “book offers help to those who have grown up in the world of fundamentalism or have become committed to it but in the end come to feel that it is a prison from which they must escape” [2]. Behind this courtly phrase, Barr denotes the problems of fundamentalism, one of which is expressed in his epistemological inquiry: Is the Bible theologically perfect? The Bible, for Barr, contains “some books that were written at times different from those maintained in traditional views, that they were the product of tradition cherished, fostered and redefined by a large number of anonymous people, that they sometimes contain elements that are legendary, and that there are discrepancies and errors here and there in historical matter” [2. P. 110].

The viewpoint of Karen Armstrong is also noteworthy. She affirms that fundamentalists mostly are not violent [3]. She considers the emergence of fundamentalism as a reaction to secularism that separates religion from politics. The separation of the two entities, in Armstrong’s opinion, seems to be natural to western society, but not so for other cultures — their separation in cultures that never experienced secularization has often had negative consequences. The scholar uses Egypt as an example, following the case of Gamal Abdel Nasser, who evoked reactions from fundamentalist groups, one of which was *Ikhwanul Muslimin* (Muslim Brotherhood: MB). In facing this group, the president’s administration took repressive measures placing in torture prisons many of the Brotherhood’s members, including Sayyed Qutb, MB’s chief ideologue.

Armstrong admits that “when fundamentalist groups feel under attack, they become stronger, often retreat from the outside world, and creating a ‘world unto itself’, with their education systems, publishing houses, etc.”; she concludes that “being hostile to fundamentalist movements tends to have negative consequences” [3]. In addition, she does not overlook its shocking manifestations. Armstrong states

that “fundamentalists have gunned down worshipers in a mosque, have killed doctors and nurses who work in abortion clinics, have shot their presidents, and have even toppled a powerful government. It is only a small minority of fundamentalists who commit such acts of terror, but even the most peaceful and law-abiding are perplexing, because they seem so adamantly opposed to many of the most positive values of modern society. Fundamentalists have no time for democracy, pluralism, religious toleration, peace-keeping, free speech, or the separation of church and state” [4].

Another notable view comes from Bassam Tibi. He submits a presumption that fundamentalism, particularly Islamic fundamentalism, has no relation to Islam as a religion—Islamic fundamentalism is a *political Islam*, called *Islamism*. Tibi objects to the equation of *Islamism* with Islam. Islam, according to the researcher, is a great tolerant faith, while *Islamism* is a militant ideology of religious fundamentalism [1. P. ix—xiv]. Interestingly, though Tibi realizes that fundamentalism is merely a political movement for worldly ends, he also reminds us of the horrific manifestations of the ideology of the fundamentalists. A simple question that might be necessary to be addressed to Tibi is: How can we ensure that fundamentalism is purely a political movement for worldly ends without being driven by transcendental ends?

I now come to the view of one of the prominent Indonesian Islamic intellectuals, Ahmad Syafii Maarif. Though Maarif measures that Indonesian (Islamic) fundamentalism is mostly driven by political aims, he also alerts his readers that fundamentalist movements are also stirred up and motivated by transcendental ends, which is to preserve religious dogmas they perceive to be absolute truths. Though fundamentalist movements are mostly triggered by political motives, Maarif argues, their religious dogmas and transcendental aims also play important roles in shaping their movements. He refers to fundamentalist groups like *Majelis Mujahideen Indonesia* (MMI), *Front Pembela Islam* (FPI), and *Hizbut Tahrir Indonesia* (HTI) that strongly urge the implementation of *the Sharia* (Islamic) law into the national constitution [5. P. 22].

Michael Barkun’s viewpoint is also notable for the cause. In *Religious Violence and the Myth of Fundamentalism*, Barkun, in a different way, states the equivocal premise that fundamentalism is only a myth. He does not equate fundamentalism with a violent movement. He also admits that although fundamentalists initially avoid violence, they can progressively turn to be violent [6. P. 56].

I finally invite the readers to consider the point of view of Hal Markovitz. Markovitz emphasizes that most fundamentalists are the promoters of peace. He cites as an example the American fundamentalist movements like Mennonites, Seventh-Day Adventists, the Amish, and Jehovah’s Witnesses who mostly stand as defenders of peace. Most of the adherents of these sects refuse to volunteer in US-led wars. Markovitz states that the “vast majority of religious fundamentalists preach messages of peace; some church members, including Mennonites, Seventh-Day Adventists, the Amish, and Jehovah’s Witnesses, refuse to serve in

combat,” but he also adds that “fundamentalism can fuel violence and terrorism... and fundamentalists can easily turn to be violent” [7. P. 55].

The six scholars’ standpoints ultimately lead us to enquire about what must be done to counter fundamentalism. It would be appropriate to bring up this issue in the discourse only because fundamentalism is evidently endangering societal life. This is the main reason I, in this philosophical investigation, center my interest on social issues. This article aims to analyze philosophically the cognitive bias in fundamentalism and the behavioral bias of the fundamentalists.

Fundamentalism, I argue, would at best be studied not only as a movement of militant piety but also as a political movement. We could not say that fundamentalism is purely a religious movement or merely a political movement. Both fundamentalism as a movement of militant piety and as a political movement should be approached from their interplayed relation. The approach I use in investigating it, is a *psycho-political* one. This type of approach integrates psychological and political analysis.

From a psychological approach, fundamentalism is going to be investigated through the following question: Why do the fundamentalists confidently and firmly hold their sacred texts as the absolute truths that subordinate any other pieces of knowledge and value systems? The focus point of this approach is on the centrality of sacred texts for the fundamentalists [8]. Fundamentalism as a meaning system is approached from intratextuality, in the sense that religious texts play a vital role in shaping the religious cognition and behavior of the fundamentalists. Fundamentalism from a psychological approach is studied by investigating the significant role of religious texts for believers. It is stated that:

“...from a psychological perspective, we present fundamentalism as a meaning system. We believe that the meaning system the fundamentalists derive from their religious beliefs is what allows them to persevere in an inhospitable culture: It creates a way for them to interpret the world, as well as themselves in relation to the world. This meaning system encompasses all of life and is strongly felt, for it deals with issues of eternal importance. It also provides a framework for motivation, and in the process helps meet several personal needs for meaning, such as purpose, value, efficacy, and self-worth. Meaning, for fundamentalists, is found wholly within the pages of the sacred text. Thus, we propose that the primary criterion for understanding fundamentalism is its insistence that all of life be understood in relation to the text” [8. P. 5].

Meanwhile, the core of a political approach is on the centrality of external factors that transform fundamentalism into a political movement. From this approach, fundamentalism is approached from extratextuality. External factors are considered as the predominant causes for the rise of fundamentalism and determine the social behavior of the fundamentalists.

Employing these two approaches, I indicate two problems in fundamentalism. From *the intratextual approach*, I categorize fundamentalism as a religious cognitive bias (henceforth: RCB). RCB is related to epistemological issues of

fundamentalism in the form of misinterpreting, misapprehending, or mis-assessing religious texts. I consider important three subject matters of fundamentalism as RCB that are to be brought up here—literalism, absolutism, and authoritative method. Meanwhile, from an *extratextual approach*, I categorize fundamentalism as religious behavioral bias (henceforth: RBB). RBB is related to social misconduct in the form of deviant behavior fundamentalists commit in the social sphere, such as extremism, sectarianism, and intolerance.

I use a psycho-political approach to substantiate my epistemic ground in examining fundamentalism, to which I attribute the *intratextual approach* to RTF and the *extratextual approach* to RPF. Concisely, from the intratextual approach, the investigation of the problem of fundamentalism as RCB is centered in RTF. Whilst, from an extratextual approach, investigation of the problem of fundamentalism as RBB is centered in RPF. But RTF and RPF would be approached from their interplayed relation.

The intratextual approach addresses the religious cognition of the fundamentalists with its key question of why they brace their sacred texts as absolute truths that subordinate any other value system. Whilst the extratextual approach deals with external factors that stir up fundamentalism in a political movement. I am going to explicate briefly two main criticisms of fundamentalism; epistemological criticism toward RTF and its religious cognitive bias (religious cognitive fallacies), and axiological criticism of RPF and its religious behavioral bias (deviant socio-religious behaviors).

Before highlighting the two critiques, let me briefly present the major features of fundamentalism. Barr points out three features of fundamentalism: (1) a very strong emphasis on the inerrancy of the Bible, the absence from it of any sort of error; (2) a strong hostility to modern theology and the methods, results, and implications of a modern critical study of the Bible; (3) an assurance that those who do not share their religious views are not really ‘true Christians’ at all [2. P. 1]. Whilst Thomas Schirmacher shows four common characteristics of fundamentalism: (1) absolutism (infallibility/inerrancy of scripture and religious tradition); (2) exclusionism (the community of the chosen); (3) sharp boundaries against outsiders; (4) authoritarian organizational structure [9. P. 27].

Epistemological criticism on RTF and its RCB

If fundamentalism is unidentical with a violent movement, but the perpetrators of religious violence are partly carried out by fundamentalists, then the main locus of this philosophical investigation must also be centered on religious cognitive fallacies, some of which lie in the three interrelated problems such as literalism, absolutism, and authoritative method. In the following part, I am going to highlight a couple of problems from which fundamentalism to some extent is considered a religious cognitive bias. Absolutism, literalism, and the authoritative method are three interrelated cognitive problems of fundamentalism. Absolutism is related to the epistemological issue, literalism to the methodology of exegesis, and authoritative method to the model of approach to religious texts.

Let me start with *literalism and its authoritative method*. Literalism is criticized for its methodology that only applies historical-grammatical methods like in *Biblicism* of the Christian fundamentalist and *Quranism* of the Islamic fundamentalist. For the literalist fundamentalist, religious texts are counted as God's direct-given words and considered absolute truths that must be placed as supreme standards for any other values, and therefore must be defended at all costs. Methodologically, literalism has been criticized by the liberalist's methodology that construes religious sacred texts through the historical-critical method. Holy scriptures, for the liberalists, should be construed within their historical context.

The main question here is why the fundamentalists strongly believe that their sacred texts are considered absolute truths that must be defended at all costs. Let me use the critique of Nancy Murphy regarding the split between liberal and conservative theologians. "Foundationalism", for Murphy, "is the theory of knowledge, based on the metaphor of knowledge as a building, that requires all beliefs to be justified by tracing them to a special category of beliefs that cannot be called into question," and according to her, "foundationalism has contributed to the split between liberal and conservative theologies by forcing theologians to choose Scripture or experience as the source of foundational class of beliefs" [10. P. 2].

The problem of literalism and its authoritative method in fundamentalism is found in its foundationalism, through which the fundamentalists defend their sacred texts at all costs only because they believe that God they regard as the source of all truths ontologically exists. Thus, the sacred texts perceived as God's given words must be considered absolute truths that cannot be questioned. I use *Wittgenstein's concept of God* and *Kierkegaard's concept of faith* as my critiques of religious foundationalism and the ontological approach of the fundamentalists.

Let me begin my criticism of literalism with the *Wittgensteinian concept of God*. I use Dewi Zephaniah Phillips' commentary, which refers to Wittgenstein's philosophy of religion, about the foundation of religious faith as my critique against fundamentalists. One of the main philosophical discourses of Wittgenstein's philosophy of religion is his concept of 'the existence and the reality of God'. In line with Wittgenstein, Phillips stresses that:

"What kind of philosophical and theological account does the concept of divine reality call for?... Because the question of divine reality can be construed as 'Is God real or not?' it has often been assumed that the dispute between the believer and the unbeliever is over *a matter of fact*... I suggest that more can be gained if one compares the question, 'What kind of reality is divine reality?' not with the question, 'Is this physical object real or not?' but with the different question, 'What kind of reality is the reality of physical objects?' [11. P. 1—2].

I argue that fundamentalist literalism and their foundationalism and ontological approach are untenable. God's existence is not a matter of fact (either God is real or unreal), but it is about 'what kind of reality of divine reality is'. The main problem is that in defending their literalism, the fundamentalists attempt to base their religious epistemology on the ontological argument of the existence of

God. Through this ontological argument—that God is real and factually exists and directly communicates to humans—they presume that their sacred texts must be regarded as unquestionable truths and must be defended at all costs. Unlike the *Wittgensteinian God*, the God of the fundamentalists is a factual God that actively controls human beings, and on this belief, they set their religious texts as supreme and authoritative texts. For fundamentalists, sacred texts are not only considered as guiding or inspirational but primarily as authoritative only because they believe those texts are directly communicated by and descended from God.

Second, let us look at *absolutism* as one of the key attributes of religious fundamentalism. What is religious absolutism and on what ground is it justified and maintained? Religious absolutism in this field of study is a worldview that claims there is only one objective cognition of reality derived only from religious sacred texts. Let me begin my criticism of religious absolutism with Caputo's objection to fundamentalism. Caputo lambasts fundamentalists for not recognizing that all religions are "woven from the cloth of contingency." Religion and religious texts should be kept open-ended and revisable [12. P. 295].

Following Caputo, I argue that one of the main problems of absolutism lies in the ontological approach the fundamentalists take toward their sacred texts and because I consider fundamentalism a form of religious cognitive bias. Why? Absolutism is founded on the belief that God's words written in sacred texts originated from and directly communicated by God. Therefore, those texts must be taken as inerrant, infallible, and supreme norms. Utilizing these principles of infallibility, inerrancy, and supremacy, the fundamentalists regard their sacred texts as authoritative ones to which any norms or value systems must refer. In these three principles, there must be two main suppositions that have to be proven by the fundamentalists; God's existence is understood ontologically and God directly communicates with humans.

In brief, we may say that to identify the cognitive bias in fundamentalism is to find out the epistemological dilemmas of the ontological foundation the fundamentalists use for their religious premises. Fundamentalism, from the approach of foundationalism and ontologism, is ineluctably considered as cognitive bias only because God's existence cannot be proven ontologically and objectively. By basing their claims of religious truths on an ontological foundation, the fundamentalists unavoidably have to prove that God is an objective entity and that God ontologically must exist.

To make clear what is meant by fundamentalism as a cognitive bias, I also use Søren Kierkegaard's philosophical arguments against objective reasoning in religious belief [13]. *First, the approximation argument* with its main argument is that it is impossible to base religious belief on historical knowledge. For Kierkegaard, religious belief cannot be founded on objective reasoning of historical facts. *Second, the postponements argument*. One who bases faith on objective historical inquiry, according to Kierkegaard, will postpone religious commitments forever.

If faith is based upon historical documents to justify the truth of (Christian) faith, Kierkegaard argues, we are de facto trapped in a proposition "forever

prospective”, as we place our religious commitment forever in the future. *Third, the passion argument* with its main premise is that faith is the highest passion in man, driven by uncertainty. Religious faith, for Kierkegaard, requires objective improbability. He states that “*Anything that is almost probable, or probable, or extremely and emphatically probable, is something (one) can almost know — but it is impossible to believe*” [13. P. 235]. It is the same as saying that religious faith is not founded upon ‘objective probability’ but upon ‘objective improbability’.

Since the fundamentalists base their religious claims on an ontological base, they have to encounter a couple of epistemological inquiries. They inescapably must face at least four elementary inquiries. How does God communicate and deliver His commands to humans? Is the communication either direct or indirect? How does a person receive and recognize God’s commands? As commonly believed in many religions that God’s commands are conveyed through dreams, visions, and revelations, then to what extent those ways can be taken as methods to prove God’s existence? These ontological queries weaken the position of fundamentalists, and those elementary questions are hard to overcome for one main reason that the existence of God cannot be grasped ontologically.

Axiological criticism on RPF and its RBB

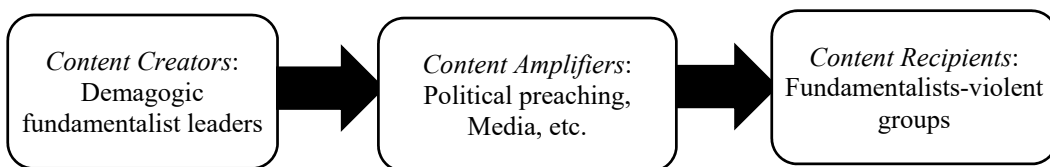
In this part, I am going to analyze fundamentalism following axiological criticism. I center this analysis on the deviant social behaviors of fundamentalists. Their religious cognition must also be measured by their social conduct as it is the embodiment of what they have in mind, in their religious ideas and paradigms, some of which are adjacent to extremism, terrorism, sectarianism, and religious intolerance. Let me briefly examine one of those problems, that is *fundamentalism and its adjacency to extremism*. Fundamentalists to a certain extent are ideologues who play roles as fabricators of extremist thoughts.

I am going to show the nexus between fundamentalism and extremism, from which I convince the readers that fundamentalism to a certain extent is a manifestation of religious behavioral bias. Let me use the research of contemporary scholars like Molly Amman and Reid Meloy. In *Stochastic Terrorism: A Linguistic and Psychological Analysis* they reveal terrorist acts are dominantly driven by a certain worldview that encourages the extremists to be terrorists. Stochastic Terrorism (ST) is understood from its three fundamental features. First, ST is closely related to incitement by demagogues to someone or a group of people who are easily fooled and incited. That incitement usually tones an ideological incitement built upon the sentiment of identity. It performs through demonizing someone else or other groups to justify the violent acts of the evildoers. Second, ST is a random act of violence by extremists, driven by political incitement. Third, ST is a particular act of terrorism that cannot be predicted accurately but it can be analyzed statistically. Shortly, it can be said that ST is an act of terrorism against someone or a group of people through inciting the actors, and demonizing the targeted groups [14].

Stochastic terrorism is “defined as the incitement of a violent act through public demonization of a group or individual...by random extremists, triggered by political demagoguery ... its pattern cannot be predicted precisely but can be analysed statistically... In other words, a specific act against the demonized person or group cannot be forecast, but the probability of an act occurring has increased due to the rhetoric of a public figure” [14. P. 3]. In stochastic terrorism, fundamentalists charismatic leaders play the role of demagogic ideologues. In their role as political demagogues, fundamentalist leaders are standing as the fabricators of extremist ideas. Their extremist political thoughts and agitations are disseminated and transmitted to the public. The ultimate recipients can randomly turn to be extremists, or their extremist thoughts support the existing extremist groups. Let me take two examples from Indonesia.

First, let us consider the case of Ali Imron, a Bali bomber in 2002. His confession about the role of instigators and extremist ideologues that drive him to commit violence implicitly discloses the correlation between fundamentalism and extremism. He confessed that he and the gang dare to be terrorists because they are taught by their instigators that they are fighting the heretics, the perverted, and also the modern systems incompatible with their belief. He also admitted that they are taught to kill the outsiders they consider infidels¹.

Second, is the case of Abu Bakar Ba’asyir. Abu Bakar Ba’asyir is a spiritual leader of JI (*Jamaah Islamiyah*: Islamic Congregation). Although he denied his connection to the group, he was widely regarded as JI’s spiritual leader [15. P. 4]. JI is an Indonesian extremist and militant group affiliated with the transnational terrorist group al-Qaeda [16]. This Islamic charismatic cleric had been jailed after being found guilty of his involvement in the JI terrorist network. He might indirectly partake in the act of terrorism, but ideologically he plays a vital role in disseminating extremist ideology to his followers. Ba’asyir is known for his uncompromising refusal of any ideology and any governmental system outside the Islamic one, including his objection to democracy which he regards as a misguided system or the system of the infidels. Islam and its religious norms and values, for Ba'asyir, must be the foundation of the state constitution. He strictly adheres to the system of *Hakimiyyah Allah* (literally means: a divine order). His status as an ideologue in JI charged him as the mastermind of a series of terrorist acts. The table below is to make my point clear.

¹ See *TVNU (Televisi Nahdlatul Ulama: Nahdlatul Ulama Television in 2020)* with the description: Ali Imron is a person who has been involved in the Bali Bombings. He participates in the campaign of deradicalization led by NU, in https://www.youtube.com/@tvnu_id.

From the two cases, it might be challenging to disregard the fact that fundamentalism to a certain extent is inseparable from extremism. Extremist acts are the implementations of extremist ideas. Extremist fundamentalist leaders play the role of ideologues that channel their adherents to extremism. Extremist ideologies they hold are derived from their shallow interpretation of their religious ideas, and they use them for granted for their political and transcendental ends. To achieve their political and transcendental ends, the fundamentalists initially strive to transform the paradigm of their adherents by inserting their exclusive ideology, and at the same time demonizing any alien ideology they consider incompatible with it. The next step is to set a strategy of a discrepancy, that they differentiate themselves as the fighters of the pious ideology from the outsiders they regard as the perverted groups. Their goal is not only to change the system but also to convert other groups they deem to be perverted or infidel.

References

- [1] Tibi B. *The Challenge of Fundamentalism*. Berkeley: University of California Press; 1998.
- [2] Barr J. *Escaping from Fundamentalism*. London: SCM Press; 1984.
- [3] Grand S. *What is Religious Fundamentalism?* 2012 Feb 22. Available from: <https://www.brookings.edu/events/what-is-religious-fundamentalism/> (accessed: 25.05.22).
- [4] Armstrong K. *Battle for God*. New York: Alfred A. Knopf; 2000.
- [5] Maarif AS. *Politik Identitas dan Masa Depan Pluralisme Kita*. Jakarta: PUSAD Yayasan Wakaf Paramadina; 2010.
- [6] Weinberg L, Pedahzur A. *Religious Fundamentalism and Political Extremism*. Portland: Frank Cass Publisher; 2004.
- [7] Marcovitz H. *Religious Fundamentalism*. San Diego: ReferencePoint Press; 2010.
- [8] Wood RW, Hill PC, Williamson WP. *The Psychology of Religious Fundamentalism*. New York, London: The Guilford Press; 2005.
- [9] Schirrmacher T. *Fundamentalism: When Religion becomes Dangerous*. Bonn: Verlag fur Kultur and Wissenschaft-Culture and Science Publication; 2013.
- [10] Murphy N. *Beyond Liberalism and Fundamentalism: How Modern and Postmodern Philosophy Set the Theological Agenda*. Harrisburg-Pennsylvania: Trinity Press International; 2007.
- [11] Phillips DZ. *Wittgenstein and Religion*. New York: Palgrave Macmillan; 1993.
- [12] Plant B. Wittgenstein, Religious “Passion” and Fundamentalism. *The Journal of Religious Ethics*. 2013;41(2):280—309. <https://doi.org/10.1111/jore.12014>
- [13] Adam RM. Kierkegaard’s Arguments Against Objective Reasoning in Religion. *The Monist — Philosophy and Religion in the 19th Century*. 1977;60(2):228—243. <https://doi.org/10.5840/monist19776023>
- [14] Amman M, Meloy JR. Stochastic Terrorism: A Linguistic and Psychological Analysis. *Perspectives on Terrorism*. 2021;15(5):2—13.
- [15] Singh J. The Emir of Katibah Nusantara: BahrumSyah. *Journal of Counter Terrorist Trends and Analyses*. 2016;8(11):4—7.
- [16] Singh B. The Revival of Al Qaeda’s Affiliate in Southeast Asia: the Jemaah Islamiyah. *Journal of Counter Terrorist Trends and Analyses*. 2017;9(5):5—8.

About the author:

Lemanto Eduardus — Doctoral Student, Department of Social Philosophy, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: lemanto@yahoo.com).

Фундаментализм: религиозное когнитивное предубеждение? Философский дискурс религиозного фундаментализма

Е. Леманто ✉

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
✉lemanto@yahoo.com

Аннотация. В настоящее время фундаментализм является одним из самых распространенных социальных феноменов. Есть два основных подхода в его понимании. Первый опирается на тех, кто воспринимает фундаментализм как движение воинствующего благочестия, присутствующее почти в любой религии, и поэтому фундаментализм не обязательно отождествляется с насилием. Второй — на тех, кто классифицирует фундаментализм как политическое движение, имеющее целью мировую власть, и поэтому оно подвержено превращению в насильственное движение. Внимательно изучив эти две точки зрения, я попытаюсь предложить несколько гипотетических вопросов. Является ли фундаментализм обычным явлением и общей чертой почти любой религии? Ответ положительный. Идентичен ли фундаментализм насильственному движению? Ответ отрицательный. Значит ли это, что фундаментализм совершенно не связан с насильственными движениями? Ответ отрицательный. Если фундаментализм не идентичен насильственным движениям, но многие фундаменталисты также могут оказаться виновниками того, что называется религиозным насилием или насилием во имя религии, то какие аргументы можно привести, чтобы удостовериться, что фундаментализм, как одна из наиболее серьезных социальных проблем нашего поколения, больше не может игнорироваться? Эта статья направлена на изучение фундаментализма с помощью эпистемологического и аксиологического критицизма, а также на исследование того, что в определенном спектре фундаментализм является формой религиозного когнитивного и поведенческого предубеждения, и его следует рассматривать одновременно и как движение воинствующего благочестия, и как политическое движение.

Ключевые слова: фундаментализм, религиозно-теологический фундаментализм, религиозно-политический фундаментализм, религиозно-когнитивное предубеждение, религиозно-поведенческое предубеждение, экстремизм, абсолютизм, буквализм, авторитарный метод, психополитический подход

История статьи:

Статья поступила 16.06.2022

Статья принята к публикации 23.12.2022

Для цитирования: *Lemanto E. Fundamentalism: a Religious Cognitive Bias? A Philosophical Discourse of Religious Fundamentalism // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 163—174. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-163-174>*

Сведения об авторе:

Леманто Эдуардус — аспирант кафедры социальной философии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: lemanto@yahoo.com).

Научная жизнь Scientific Life

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-175-180>
EDN: RNWDZI

Научная рецензия / Book review

Бои за методологию: рецензия на учебник А.М. Орехова «История, философия и методология социально-гуманитарных наук»

О.К. Шевченко

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Российская Федерация, 4295007, Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4
 skilur80@mail.ru

История статьи:

Статья поступила 31.06.2022

Статья принята к публикации 23.12.2022

Для цитирования: Шевченко О.К. Бои за методологию: рецензия на учебник А.М. Орехова «История, философия и методология социально-гуманитарных наук» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 175—180. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-175-180>

Battles for Methodology: Review of the Textbook «History, Philosophy and Methodology of Social and Humanitarian Sciences» of A.M. Orekhov

О.К. Shevchenko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4, Academician Vernadsky Avenue, 4295007, Simferopol, Russian Federation
 a.patkul@spbu.ru

Article history:

The article was submitted on 31.06.2022

The article was accepted on 23.12.2022

© Шевченко О.К., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Shevchenko OK. Battles for Methodology: Review of the Textbook «History, Philosophy and Methodology of Social and Humanitarian Sciences» of A.M. Orekhov. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):175—180. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-175-180>

Доктор философских наук Андрей Михайлович Орехов последовательно, системно и на протяжении десятилетия занимается разработкой методологических проблем развития социально-гуманитарного знания [1—4]. Рецензируемый нами учебник [5], безусловно, является результатом его многолетних штудий. Об этом говорит все: объем книги (свыше 43 (!) авторских печатных листов); многоуровневая структура текста (25 глав, охватывающих 165 параграфов); выверенный дидактический материал (каждая глава оканчивается выводами, списком ключевых понятий, вопросами для самоконтроля, тестовыми заданиями, темами рефератов, библиографическим списком); проработанный общий глоссарий и словарь иноязычных выражений в качестве приложения закрывающих объемистый труд.

Учебник написан в стиле диалога с читателем, который побуждает последнего к дискуссии и системному, напряженному поиску ответов на предлагаемые автором вопросы. При этом Андрей Михайлович не впадает в крайности: он не обращается к провокационному разговорному синтаксису, но и не злоупотребляет академически-менторскими оборотами, которые предполагают одну истину — авторское видение проблемы.

С содержательной точки зрения учебник претендует на фундаментальный охват всего комплекса знаний, который соотносится с методологией социально-гуманитарных наук. Первые три главы посвящены истории развития указанной выше области знания [5. С. 9—91]. В четвертой, пятой и шестой главе рассмотрены общие вопросы философии науки [5. С. 92—152]. Седьмая, восьмая и девятая главы вскрывают историческую проблематику социально-гуманитарного знания [5. С. 153—207]. Социальным методам отведены главы с десятой по четырнадцатую [5. С. 208—348]. Вопросы социологического или идеологического анализа поднимаются в 15—17 главах [5. С. 349—407]. Спектр проблем от современного междисциплинарного синтеза до социальной онтологии в рамках эволюции методологии социально-гуманитарных наук артикулирован в 18—20 главах [5. С. 408—492]. Под социальную эпистемологию автор выделил отдельный блок глав [5. С. 493—569]. Завершают учебник две главы гуманитарной эпистемологии [5. С. 570—631]. Помимо заявленных социально-гуманитарных наук, автор обращается и к проблеме соотносимости разнообразных форм, видов и типов социально-гуманитарного знания между собой. Щепетильно и талантливо он отслаивает в довольно анархичном отечественном представлении о социально-гуманитарном знании научное знание от бытового, религиозного, идеологического и т.п. [5. С. 97—102; 349—363]. При этом, он не сковывает себя обращением к разведению научного и не научного знания в социально-гуманитарной сфере только в рамках отдельного параграфа, а регулярно возвращается

к этому вопросу на теоретическом, обще методологическом или сугубо прикладном уровнях, когда прописывает специфику методологии в истории, экономике или при освещении вопросов, например, идеологического характера [5. С. 375—376; 381—383].

Учебник получился, несомненно, авторским. В нем много интереснейших находок и уникальных стилистических подходов. Так, например, одной из самых оригинальных частей учебника с точки зрения стилистики и дидактической методологии подхода к изложению темы выступает шестая глава «Стратегия научного исследования как отрасль философии науки» [5. С. 135—150]. Автор предлагает для раскрытия темы использовать военную терминологию: стратегия и тактика. Причем не как афористические термины не редкие в научной теме, а именно, что в формате их сугубо научного содержания. Для этого он приводит цитаты из К. Клаузевица и виднейших отечественных теоретиков военного искусства. В результате исследователь «расправляет плечи» и из тихого кабинетного серого человечка превращается на страницах учебника в полководца, который прорывает «фронт» невежества и тайны, обретая в награду разнообразные уровни истины и правды. Но чувство меры не изменяет автору. Стилль остается достаточно академичным, понятия не выходят из подчинения, а строго следуют авторской задумке. Иное дело, что А.М. Орехов ненавязчиво и очень эффектно демонстрирует высший класс работы с понятиями из смежных дисциплин, переплавку их для своих нужд и резюмирование итогов такой работы простым, прозрачным языком. В дидактическом смысле крайне перспективная наработка. И таких подходов учебник представляет не мало. Но, конечно, нельзя быть во всем специалистом. И для узких профессионалов будут очевидны определенные натяжки. Так, автор обращается к двум взаимосвязанным формам военного искусства и проецирует их на научную деятельность: стратегический и тактический прорывы [5. С. 142]. Однако он использует лишь западную модель разделения искусства военного прорыва на две составляющие и упускает достоинства отечественной школы (которую, кстати, упоминает и на классиков которых ссылается) сформировавшую промежуточный уровень прорыва: оперативный прорыв. Впрочем, это оборотная сторона колоссального по объему материала, который автор в одиночку обработал и свел в рамках одного издания.

Учебник хорош не только продуманной теоретической частью, но и практическими рекомендациями, которые помогут любому начинающему социальному ученому (терминология автора учебника) в овладении своей профессией. Для этого, например, отведена отдельная семнадцатая глава «Этика социального ученого» [5. С. 389—406]. Которая в свойственной Андрею Михайловичу манере строго отслаивает *этическую специфику* социального ученого экономиста [5. С. 398—400] от специфики политолога [5. С. 400—401] или, например, юриста [5. С. 403—405]. Хотя и в этом, как и в предыдущем случае, видны недостатки глобалистского подхода к проблеме. По всей

видимости, автор не очень точно понимает границу между научной этикой и научным этикетом, что, например, не позволяет ему выделить разницу между кодексом экономиста (профессиональный этикет) и собственно этикой ученого-экономиста [5. С. 399]. Но эти недостатки легко разрешаются в последующих изданиях, которые, учитывая плодovitость и последовательность автора, несомненно, нас еще ожидают.

Не малый интерес вызывают и частные главы. В данном случае под этим термином я имею в виду главы, посвященные проблемам отдельно взятого метода. Для примера приведу главу тринадцатую: «Исторический метод в социально-гуманитарных науках» [5. С. 297—316]. Помимо классических, общих данных, которые Андрей Михайлович как всегда четко и просто резюмирует в отдельные проблемно-смысловые блоки [5. С. 297—311], глава содержит и оригинальный параграф [5. С. 312—313]. Он посвящен свежему и набирающему обороту методу клиометрии — использования в исторической науке количественных и статистических методов для решения важнейших исследовательских задач, которые не решаемы иным способом. А еще вернее, получение выводов, которые можно верифицировать с математической точностью. К сожалению, автор не в полной мере сумел выписать возможности этого метода. К критическим замечаниям также отнесем, что А.М. Орехов в этом (как и в ряде иных случаев) с небрежностью отнесся к отечественным наработкам. Так, например, он упустил существование в МГУ целой кафедры исторической информатики [6], издание в России авторитетнейших журналов: «Историческая информатика», «Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер». Игнорирование работ отечественных школ помешало ему определить наиболее перспективный вектор использования клиометрии. Прежде всего, речь идет об историографических исследованиях [7], позволяющих беспристрастно и с большой научной ценностью выявлять научные центры и лидирующие направления в исторической науке, как в целом, так и в отдельных ее ответвлениях [8]. Такое невнимание помешало исследователю востребовать и современную западную литературу по клиометрии, которую, например, регулярно и системно обсуждают специалисты по исторической информатике у нас в стране [9]. В результате нарушения баланса между отечественными и западными наработками, прекрасно задуманный параграф оказался содержательно довольно слабым, мало соответствующим общему высокому уровню учебника и игнорирующим ориентир самого автора на самые свежие и новые разработки в заявленной им области.

Обращение к отечественным авторам помогло бы Андрею Михайловичу выйти и на интересную тему артикуляции социально-гуманитарного знания. Так, скажем, проработка некоторых работ А.А. Зиновьева [10] безусловно повысила и придала бы методологическую свежесть учебнику посредством введения параграфа или главы под условным названием «Язык исследования социальных объектов», идеи которого есть уже в учебнике, но в рассеянном

и не сгруппированном виде. Но, с другой стороны, массированное введение иностранной и прежде всего англоязычной литературы может и должно диалектически рассматриваться и как сильная сторона учебника. Андрей Михайлович — известный переводчик и популяризатор западных социальных теорий малоизвестных у нас в стране, и в этом смысле его учебник выглядит крайне выигрышно на фоне иных отечественных аналогов, тотально игнорирующих передовые западные исследования последних 5—10 лет. В этом смысле, пожалуй, наиболее насыщена англо-вариантами социальных методологий глава 22 «Социальная эпистемология: программы, концепты, проблемы» [5. С. 517—534].

Подводя итоги, следует заключить, что с выходом учебника Андрея Михайловича иные учебные издания, посвященные философии и методологии социально-гуманитарных наук — устарели. Перед нами качественно новый образец, безусловно, значительная планка, которую следует достичь и преодолеть. Но в момент написания рецензий учебник А.М. Орехова не имеет равных ни по объему, ни по структуре, ни по дидактической эффективности, ни по современности используемых данных. Я не случайно в этом смысле опустил понятие «история». Исторический блок — самая проигрышная и слабая сторона учебника, как в смысле истории развития социально-гуманитарного знания, так и в смысле главы посвященной историческому методу. Идеалов не бывает. И зачастую слабая сторона является обратным результатом сильной стороны. Однако дорогу осилит идущий. Я убежден, что последующие издания учебника преодолеют неизбежные «болезни роста» и подарят нам новое представление о горизонте социально-гуманитарного знания исполненного, как всегда, у рецензируемого автора в качественном формате достойного и перспективного университетского учебника, правда, уже для второй четверти двадцать первого века.

Список литературы

- [1] Орехов А.М. Социальная философия. Предмет, структурные профили и вызовы на рубеже XXI века. М. : URSS, 2011.
- [2] Орехов А.М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. М. : ИНФРА-М, 2014.
- [3] Орехов А.М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. М. : ИНФРА-М, 2020.
- [4] Орехов А.М. Философия экономики в России: рождение традиции. М. : ИНФРА-М, 2019.
- [5] Орехов А.М. История, философия и методология социально-гуманитарных наук. М. : ИНФРА-М, 2022.
- [6] Кафедра исторической информатики Исторического факультета МГУ: Общая информация. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/info.htm> (дата обращения: 25.06.2022).
- [7] Гарскова И.М. Историография научного направления: возможности количественного анализа // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2011. Т. 18. № 80. С. 88—100.

- [8] Шевченко О.К. Публикация источников по Ялте-45: квантированный анализ печатных материалов Российской Федерации и Украины в 1991—2014 гг. // Вестник архивиста. 2015. № 4. С. 142—153.
- [9] Гарскова И.М. Исторические исследования и цифровая история, или сколько истории в цифровой истории? // Историческая информатика. 2021. Т. 1. № 35. С. 174—181.
- [10] Зиновьев А.А. Логическая социология: избранные сочинения. М. : Астрель, 2008.

References

- [1] Orehov AM. *Social philosophy. Subject, structural profiles and challenges at the turn of the 21st century*. Moscow: URSS; 2011. (In Russian).
- [2] Orehov AM. *Social sciences as a subject of philosophical and sociological discourse*. Moscow: INFRA-M; 2014. (In Russian).
- [3] Orehov AM. *Social sciences as a subject of philosophical and sociological discourse*. Moscow: INFRA-M»; 2020. (In Russian).
- [4] Orehov AM. *Philosophy of economics in Russia: the birth of a tradition*. Moscow: INFRA-M; 2019. (In Russian).
- [5] Orehov AM. *History, philosophy and methodology of social sciences and humanities*. Moscow: INFRA-M; 2022. (In Russian).
- [6] Department of Historical Informatics, Faculty of History, Moscow State University: General Information. Available from: <http://www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/info.htm> (accessed: 25.06.22). (In Russian).
- [7] Garskova IM. Historiography of the scientific direction: the possibilities of quantitative analysis. *RGGU Journal of Documentation and archiving. Computer science. Information protection and information security*. 2011;18(80):88—100. (In Russian).
- [8] Shevchenko OK. Publication of sources on Yalta-45: quantized analysis of printed materials of the Russian Federation and Ukraine in 1991—2014. *Vestnik arhivista*. 2015;(4):142—153. (In Russian).
- [9] Garskova IM. Historical research and digital history, or how much history in digital history? *Historical computer science*. 2021;1(35):174—181. (In Russian).
- [10] Zinoviev AA. *Logical sociology: selected works*. Moscow: Astrel'; 2008. (In Russian).

Сведения об авторе:

Шевченко Олег Константинович — доктор философских наук, доцент кафедры истории и философии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия (e-mail: skilur80@mail.ru). ORCID: 0000-0002-1362-2875

About the author:

Shevchenko Oleg K. — Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor, Department of History and Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia (e-mail: skilur80@mail.ru). ORCID: 0000-0002-1362-2875